

АКАД. С. Ф. ПЛАТОНОВ

УЧЕБНИК РУССКОЙ ИСТОРИИ

для

СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

КУРС СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

П Р А Г А

1924

Издательство
«П Л А М Я»
В ПРАГЕ
под общим
руководством
профессора
Е. А. ЛЯЦКОГО

ИШЧАТАНО В ТИШ.
«ДЕРМОГРАФИЯ»
Прага-Угáеvце, Вáмова 665

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Предмет курса русской истории. Русское государство, в котором мы живем, ведет свое начало от IX века по Рождестве Христове. Русские же племена, образовавшие это государство, существовали еще ранее. В начале своей исторической жизни они занимали только область р. Днепра с его притоками, область озера Ильменя с его реками, а также, лежащие в промежутке между Днестром и Ильменем, верховья Зап. Двины и Волги. К числу русских племен, составлявших одну из ветвей великого Славянского племени, принадлежали: *поляне* — на среднем Днестре, *северяне* — на р. Десне, *древляне* и *дреговичи* — на р. Припяти, *радимичи* — на р. Соже, *кривичи* — на верховьях Днепра, Волги и Зап. Двины, *словене* — на о. Ильмене. Между этими племенами вначале было очень мало взаимных связей; еще менее близости к ним было у окраинных племен: *вятичей* — на р. Оке, *волянян*, *бужан*, *дулебов* — на Зап. Буге, *хорватов* — у Карпатских гор, *тиверцев* и *уличей* — на р. Днестре и у Черного моря (о тиверцах и уличах в точности даже неизвестно, можно ли их считать славянами).

Главное содержание курса русской истории должно составлять повествование о том, как из названных отдельных племен постепенно образовался единый русский народ и как он занял то громадное пространство, на котором теперь живет, как образовалось среди русских славян государство, и какие перемены происходили в русском государственном и общественном быту до тех пор, пока он не принял современной нам формы Российской империи. Рассказ об этом естественно делится на три части. В первой излагается история первоначального Киевского государства, объединившего все мелкие племена вокруг одной столицы — Киева. Во второй излагается история тех государств (Новгородского, Литовско-Русского и Московского), которые образовались на Руси вслед за распадением

Киевского государства. В третьей, наконец, излагается история Русской империи, объединившей в себе все земли, заселенные русскими людьми в разные времена.

Но раньше, чем начать рассказ о начале Русского государства, необходимо ознакомиться с тем, как жили племена русских славян до возникновения у них государственного порядка. Так как эти племена не были первыми и единственными «населенниками» нашей страны, то надобно узнать, *кто жил здесь ранее славян и кого застали славяне в своем соседстве*, когда поселились на Днепре и Ильмене. Так как местность, занятая здесь русскими славянами, оказывает влияние на их хозяйство и быт, то надобно ознакомиться с *характером страны*, в которой возникло Русское государство, и с *особенностями первоначального быта* русских славян. Когда мы узнаем ту обстановку, в какой пришлось жить нашим далеким предкам, мы яснее поймем причины возникновения у них государства и лучше представим себе особенности общественного и государственного их устройства.

§ 2. Древнейшее население Европейской России. На всем пространстве Европейской России, и преимущественно на юге, близ Черного моря, находится достаточно «древностей», то есть памятников, оставшихся от древнейшего населения России в виде отдельных погребальных насыпей (курганов) и целых кладбищ (могильников), развалин городов и укреплений («городищ»), различных предметов быта (посуды, монет, драгоценных украшений). Наука об этих древностях (археология) успела определить, каким именно народам принадлежат те или другие предметы древности. Древнейшие из них и самые замечательные суть памятники *греческие* и *скифские*. Из истории древней Эллады известно, что на северных берегах Черного моря (или Эвксинского Понта, как называли его греки) возникло много греческих колоний, по преимуществу на устьях больших рек и при удобных морских бухтах. Из этих колоний наиболее известны: *Ольвия* при устьи р. Буга, *Херсонес* (по старо-русски Корсунь) в окрестностях нынешнего Севастополя, *Пантикапей* на месте нынешней Керчи, *Фанагория* на Таманском полуострове, *Танаис* в устьях р. Дона. Колонизуя морское побережье, древние греки обыкновенно не удалялись от морского берега вглубь страны, а предпочитали привлекать туземцев на свои береговые рынки. На Черноморских берегах было то же самое: названные города не распространили своих владений внутрь материка, но тем не менее подчинили местных жителей своему культурному влиянию и привлекли их к оживленному торго-

вому обмену. От туземцев «варваров», которых греки называли *скифами*, они приобретали местные продукты, главным образом хлеб и рыбу, и отправляли в Элладу; а взамен продавали туземцам предметы греческого производства (ткани, вино, масло, предметы роскоши).

Торговля сблизила греков с туземцами настолько, что образовались смешанные, так называемые «эллино-скифские» поселения, а в Пантикалее возникло даже значительное государство, называемое Боспорским (от имени пролива Боспора Киммерийского). Под властью Боспорских царей объединились некоторые греческие города побережья и туземные племена, жившие у моря от Крыма до предгорий Кавказа. Боспорское царство и города Херсонес и Ольвия достигли значительного процветания и оставили после себя ряд замечательных памятников. Раскопки, предпринятые в Керчи (на месте древнего Пантикалея), в Херсонесе и Ольвии, открыли остатки городских укреплений и улиц, отдельных жилищ и храмов (языческой и позднейшей, христианской поры). В погребальных склепах этих городов (а также и в степных курганах) обнаружено много предметов греческого искусства, иногда высокой художественной ценности. Золотые украшения тончайшей работы и роскошные вазы, добытые этими раскопками, составляют лучшее в мире, по художественному значению и по количеству предметов, собрание Эрмитажа в Петрограде. Рядом с типичными вещами Афинской работы (например, росписные вазы с рисунками на греческие темы) встречаются в этом собрании предметы, сработанные греческими мастерами на местный фасон, повидимому, по заказу местных «варваров». Так, золотые ножны, сделанные для скифского меча, не похожего на греческие мечи, украшались чисто-греческим орнаментом по вкусу мастера-грека. Металлические или глиняные вазы, сделанные по греческим образцам, снабжались иногда рисунками не греческого характера, а скифского, «варварского»: на них изображались фигуры туземцев и сцены из скифского быта. Две такие вазы пользуются всемирною известностью. Одна из них, золотая, вырыта из склепа в кургане Куль-Оба около г. Керчи; другая серебряная, оказалась в большом кургане близ местечка Никополя на нижнем Днепре у речки Чертомлыка. На обеих вазах художественно представлены целые группы скифов в их национальной одежде и вооружении. Таким образом, греческое искусство служило здесь вкусам местных «варваров».

Для нас это обстоятельство важно потому, что мы получаем возможность непосредственно познакомиться с внешним

видом тех скифов, с которыми имели дело греки на Черноморском побережьи. В превосходно изваянных или нарисованных греческими мастерами фигурах скифских воинов и наездников мы отчетливо различаем черты арийского племени и всего скорее иранской его ветви. Из описаний скифского быта, оставленных греческими писателями, и из скифских погребений, раскопанных археологами, можно сделать тот же вывод. Греческий историк Геродот (V век до Р. Х.), рассказывая о скифах, делит их на много племен и различает между ними кочевников и земледельцев. Первых он помещает ближе к морю — в степях, а вторых севернее — примерно на среднем течении Днепра. Земледелие было настолько развито у некоторых скифских племен, что они торговали зерном, доставляя его в громадном количестве в греческие города для отправки в Элладу. Известно, например, что Атика получала половину необходимого ей количества хлеба именно от скифов через Боспорское царство. Тех скифов, которые торговали с греками, и тех, которые кочевали вблизи от моря, греки более или менее знали, и потому Геродот дает о них любопытные и основательные сведения. Те же племена, которые жили в глубине нынешней России, грекам не были известны, и у Геродота мы читаем о них баснословные рассказы, которым невозможно верить.

Ко времени Рождества Христова, вместо скифов, в соседстве греческих колоний в южной Руси оказываются *сарматы*, *аланы* и *роксаланы*. О них известно очень мало; но, повидимому, все эти племена принадлежали к тому же самому иранскому корню, к какому принадлежали и более ранние скифы. Уступив со временем свои места другим племенам, эти иранцы удержались лишь в Кавказских горах, где теперь известны под именем осетин. На северных же берегах Черного моря вместо них пытались утвердиться во II—III веке по Р. Х. германские племена, известные под общим названием *готов*¹⁾. Из среды готов вышел в середине IV века вождь, объединивший в одно «царство» не только готские племена, но и соседние с ними народцы (вероятно, финские и славянские). Это

¹⁾ Они пришли с низовьев Вислы, с южного побережья Балтийского моря, подчинили себе все Черноморье от Дуная до Дона и держали в страхе жителей восточной Римской империи своими набегами, по морю и суше, на Малую Азию и Балканский полуостров. В IV столетии готы сравнительно успокоились под влиянием христианского учения, проповеданного у них епископом их Вульфилою (или Ульфилою). В то время они делились на два главных племени: *вестготов* (тервинги) — на Дунае и Днестре и *остготов* (грейтунги) — на Днепре.

был Германрих, при котором готам пришлось испытать нашествие гуннов и затем начать переселение на запад.

Нашествием *гуннов* открывается ряд последовательных азиатских вторжений в Россию и Европу. Монгольская орда гуннов, постепенно продвигаясь с востока к Дону, в 375 году обрушилась на готов, разгромила Готское царство и увлекла с собою готские племена на запад. Гонимые гуннами готы перешли в пределы Римской империи; а гунны, овладев Черноморьем и кочуя между Волгою и Дунаем, образовали пространное государство, в котором соединилось много покоренных ими племен. Позднее, в V веке, гунны продвинулись еще более на запад и основались в нынешней Венгрии, откуда доходили в своих набегах до Константинополя и до нынешней Франции. После их знаменитого вождя Аттилы, во второй половине V века сила гуннов была сломлена междоусобиями в их среде и восстаниями подчиненных им племен. Гунны были отброшены на восток за Днепр, и самое их государство исчезло. Вместо гуннов из Азии в VII веке появилось новое монгольское племя — *авары*. Оно заняло те же места, на которых сидели ранее гунны, и держалось в Черноморьи и на Венгерской равнине (до конца VIII века), угнетая покоренные европейские племена (в том числе и русских славян), пока, в свою очередь, аваров не истребили германцы и славяне. Падение аварского могущества совершилось так быстро и решительно, что у славян послужило предметом особой поговорки: русский летописец, называвший аваров обрами, говорит, что из них в живых не осталось ни одного: «и есть притча в Руси до сего дни: погибоша аки обри». Но обры погибли, а на их месте появились с востока еще новые орды все того же монгольского корня, именно — угров (или венгров) и хозар. *Угры* после некоторых передвижений в южной России заняли нынешнюю Венгрию; а хозары основали обширное государство от Кавказских гор до Волги и до среднего Днепра. Однако движение народов с востока не остановилось и после образования Хозарской державы: за хозарами в южно-русских степях появились новые азиатские народы тюрко-татарского племени: это были *печенеги*, *торки*, *половцы* и, позднее всех (в XIII веке), *татары*.

Так последовательно в продолжение почти целого тысячелетия южные степи нынешней России были предметом спора пришлых племен: готы оменялись гуннами, гунны — аварами, авары — уграми и хозарами, хозары — печенегами, печенеги — половцами, половцы — татарами. Начиная с гуннов, Азия посылала на Европу одно кочевое племя за другим. Проникая

через Урал или Кавказ в северное Черноморье, кочевники держались вблизи от Черноморских берегов, в степной полосе, удобной для кочевья, и не заходили далеко на север, в лесные пространства нынешней средней России. Леса спасали здесь от окончательного разгрома пришлых орд постоянное местное население, состоявшее главным образом из славян и финнов.

§ 3. Русские славяне и их соседи. Что касается до славян, то древнейшим местом их жительства в Европе были, повидимому, северные склоны Карпатских гор, где славяне под именем венедов и склавен были известны еще в готские и гуннские времена. Отсюда славяне разошлись в разные стороны: на юг (балканские славяне), на запад (чехи, моравы, поляки) и на восток (русские славяне). Восточная ветвь славян пришла на Днепр, вероятно, еще в VII веке и, постепенно расселяясь, дошла до оз. Ильменя и до верхней Оки. Из русских славян (§ 1) вблизи Карпат остались *хорваты* и *волянские* (дулебы, бужане). *Поляне*, *древляне* и *дреговичи* основались на правом берегу Днепра и на его правых притоках. *Северяне*, *радимичи* и *вятичи* перевалили за Днепр и сели на его левых притоках, причем вятичи успели продвинуться даже на Оку. *Кривичи* тоже вышли из системы Днепра на север, на верховья Волги и Зап. Двины, а их отрасль *словене* заняли систему озера Ильменя. В своем движении вверх по Днепру, на северных и северо-восточных окраинах своих новых поселений, славяне пришли в непосредственную близость с *финскими племенами*, *литовскими племенами* и *хозарами*.

Самым диким из соседивших со славянами племен было *финское племя*, составляющее, повидимому, одну из отраслей монгольской расы. В пределах нынешней России финны жили с незапамятной поры, подчиняясь культурному влиянию как скифов с сарматами, так позднее готов, тюрков, литовцев и славян. Делясь на много маленьких народцев (чудь, весь, емь, эсты, меря, мордва, черемиса, вотяки, зыряне и многие другие), финны занимали своими редкими и малыми поселениями лесные пространства всего русского севера. Разрозненные и не имевшие никакого внутреннего устройства, финские звероловческие народцы оставались в первобытной дикости и простоте, легко поддаваясь всякому вторжению в их земли. Они или быстро подчинялись более культурным пришельцам и сливались с ними, или же без заметной борьбы уступали им свои владения и уходили от них на север или восток. Таким образом, с постепенным расселением славян в средней и северной России, масса финских земель переходила

к славянам, и въ славянское население мирным путем вливался обруселый финский элемент. Лишь изредка там, где финские жрецы-шаманы (по старому русскому названию, «волхвы» и «кудесники») поднимали свой народ на борьбу, финны становились против русских. Но эта борьба неизменно кончалась победою славянства, и начавшееся в VIII—IX веках обрусение финнов неуклонно продолжалось и продолжается еще до наших дней. Одновременно со славянским воздействием на финнов началось сильное воздействие на них со стороны болгар волжских (тюркского народа, названного волжским в отличие от болгар дунайских). Пришедшие с низовья Волги к устьям Камы, кочевые болгары основались здесь и, не довольствуясь кочевьями, построили города, в которых началось оживленная торговля. Арабские и хозарские купцы привозили сюда с юга по Волге свои товары (между прочим, серебряную утварь, блюда, чаши и пр.); здесь они выменивали их на ценные меха, доставляемые с севера по Каме и верхней Волге. Сношения с арабами и хозарами распространили между болгарами магометанство и некоторую образованность. Главные болгарские города (в особенности город Болгар или Булгар на самой Волге) стали очень влиятельными центрами для всей области верхней Волги и Камы, населенной финскими племенами. Влияние болгарских городов сказывалось и на русских славянах, торговавших с болгарами, а впоследствии враждовавших с ними. В политическом отношении волжские болгары не были сильным народом. Завися первоначально от хозар, они имели, однако, особого хана и подчиненных ему царьков или князей. С падением Хозарского царства, болгары существовали самостоятельно, но много терпели от русских и были окончательно разорены в XIII веке татарами (их потомки, чуваша, представляют теперь слабое и мало развитое племя).

Литовские племена (литва, жмудь, латыши, пруссы, ятвяги и др.), составляющие особую ветвь арийского племени, уже в глубокой древности (во II веке по Р. Хр.) заселяли те места, на которых позднее их застали славяне. Поселения литовцев занимали тогда бассейны рек Немана и Зап. Двины и от Балтийского моря доходили до р. Припяти и истоков Днепра и Волги. Отступая постепенно перед славянами, литовцы сосредоточились по Неману и Зап. Двине, в дремучих лесах ближайшей к морю полосы, и там надолго сохранили свой первоначальный быт. Племена их не были объединены; они делились на отдельные роды и взаимно враждовали. Религия литовцев заключалась в обожествлении сил природы

(Перкун — бог грома), в почитании умерших предков и вообще находилась на низком уровне развития. Вопреки старым рассказам о литовских жрецах и различных святилищах, тезеро доказано, что у литовцев не было ни влиятельного жрецеского сословия, ни торжественных религиозных церемоний. Каждая семья приносила жертвы богам и божкам, почитала животных и священные дубы, угощала души умерших и занималась гаданиями. Грубый и суровый быт литовцев, их бедность и дикость ставили их ниже славян и заставляли Литву уступать славянам те литовские земли, на которые направлялась русская колонизация. Там же, где литовцы непосредственно соседствовали с русскими, они заметно поддавались культурному их влиянию.

По отношению к финским и литовским своим соседям русские славяне чувствовали свое превосходство и держались наступательно. Иначе было дело с хозарами. Кочевое тюркское племя *хозар* прочно осело на Кавказе и в южно-русских степях и стало заниматься земледелием, разведением винограда, рыболовством и торговлей. Зимой хозары проводили в городах, а на лето выселялись в степь к своим лугам, садам и полевым работам. Так как через земли хозар пролегалли торговые пути из Европы в Азию, то хозарские города, стоящие на этих путях, получили большое торговое значение и влияние. Особенно стали известны столичный город Итиль на нижней Волге, Семендер на Кавказе и крепость Саркел (по-русски Белая Вежа) на Дону близ Волги. Они были важными рынками, на которых торговали азиатские купцы с европейскими, и одновременно сходились магометане, евреи, язычники и христиане. Влияние ислама и еврейства было особенно сильно среди хозар; хозарский хан («каган» или «хакан») со своим двором исповедывал иудейскую веру; в народе же всего более было распространено магометанство, но держались и христианская вера и язычество. Такое разноречие вело к веротерпимости и привлекало к хозарам поселенцев из многих стран. Когда в VIII столетии некоторые русские племена (поляне, северяне, радимичи, вятичи) были покорены хозарами, это хозарское иго не было тяжелым для славян. Оно открыло для славян легкий доступ на хозарские рынки и втянуло русских в торговлю с востоком. Многочисленные клады арабских монет (диргемов), находимые в разных местностях России, свидетельствуют о развитии этой восточной торговли в VIII—X веках. В эти именно века Русь находилась сначала под прямою хозарскою властью, а затем под значительным хозарским влиянием. В X веке же, когда хозары ослабели от упорной борьбы с новым

кочевым племенем — печенегами, русские стали сами нападать на хозар и много способствовали падению Хозарского государства.

К числу соседей и сожителей русских славян принадлежали *варяги*. Они жили «за морем» и приходили к славянам «из-за моря». Именем «варягов» («варангов», «вэрингов») не только славяне, но и другие народы (греки, арабы, скандинавы) называли норманнов, выходивших из Скандинавии в другие страны. Такие выходцы стали появляться с IX века среди славянских племен на Волхове и Днепре, на Черном море и в Греции, в виде военных или торговых дружин. Они торговали, или нанимались на русскую и византийскую военную службу, или же просто искали добычи и грабили, где могли. Трудно сказать, что именно заставляло варягов так часто покидать свою родину и бродить на чужбине; в ту эпоху вообще было очень велико выселение норманнов из Скандинавских стран в среднюю и даже южную Европу: они нападали на Англию, Францию, Испанию, даже Италию. Среди же русских славян с середины IX столетия варягов было так много и к ним славяне так привыкли, что варягов можно назвать прямыми сожителями русских славян. Они вместе торговали с греками и арабами, вместе воевали против общих врагов, иногда ссорились и враждовали, причем то варяги подчиняли себе славян, то славяне прогоняли варягов «за море», на их родину. При тесном общении славян с варягами можно было бы ожидать влияния варягов на славянский быт. Но большого влияния их, по видимому, не было, потому что в культурном отношении варяги не были выше славянского населения той эпохи.

§ 4. Характер страны, заселенной русскими славянами. Спустившись с Карпатских высот на среднерусскую равнину, русские славяне во многом должны были подчинить свой быт тем географическим условиям, в какие они попали на новых местах. Страна, занятая вновь славянами, не имела высоких гор, а представляла собою холмистую низменность с очень развитой сетью рек. Отсутствие гор позволяло славянам свободно и легко распространять свои поселения; а реки, отличавшиеся обилием воды и разнообразием направления, чрезвычайно облегчали передвижение и служили отличными путями сообщений. Славянское расселение и направлялось обыкновенно по рекам, причем племена и отдельные ветви племен рассаживались по речным системам, так что нам их легче всего приурочивать именно к рекам (например, северян — к Десне, радимичей к Сожу, древлян к Припяти, полочан к Полоте и т. д.). Когда славяне овладели истоками Днепра, Волги

и Зап. Двины на Алаунской возвышенности и перешли к оз. Ильменю и р. Волхову, в их руках оказались чрезвычайно важные пути сообщения, ведшие от Балтийского моря к Черному и Каспийскому. Главнейшие из них — это «великий путь из варяг в греки» (так его называли встарину). Он вел из Финского залива в р. Неву, в Ладожское озеро, в р. Волхов, в озеро Ильмень, в р. Ловать; из Ловати, пользуясь мелкими речками и волоками, переходили в Зап. Двину, а оттуда на верховья Днепра и Днепром выходили в Черное море к «грекам», то-есть в Византию. Этим важным путем пользовались как сами славяне, так и варяги. Другой столь же важный путь шел по Волге, в землю волжских болгар и в Хозарское царство, на Каспийское море; чтобы попасть на Волгу, славяне пользовались ее притоками (Мологою, Шексною) и рекою Мстою, впадающей в оз. Ильмень. В то же Хозарское царство вел и еще один важный речной путь: с среднего Днепра малыми реками на р. Донец и с Донца на Дон, откуда можно было идти и в Азовское, и в Каспийское моря. По этим путям славяне научились ездить торговать на иностранные рынки: к грекам, болгарам, хозарам. По этим путям и иностранные купцы ездили в русские города. Чем более осваивались славяне со своими речными путями, тем быстрее шло их расселение, тем дальше заходили их колонии в земле финнов (Ростов, Муром) и в земле хозар (Тмутаракань на Азовском море). Таким образом, развитая система рек в стране объясняет нам быстрое и широкое расселение русских племен на занятой ими равнине и раннее возникновение у них иноземной торговли.

Вследствие разнообразных природных условий, вся площадь Европейской России разделяется на две различные по растительности полосы: северную — лесную и южную — степную. Границу между ними приблизительно может указать линия, проведенная по карте от Киева на устье р. Камы. На юг от этой линии идет сначала луговая степь с богатою травой и частыми перелесками на тучном черноземе; затем ближе к южным морям начинается настоящая степь, то-есть безлесное пространство с редкою травой, местами бесплодное и вовсе обнаженное. При своем расселении в системе Днепра славяне заметно избегали степей и стремились в лесную полосу. Во-первых, степь представляла отличные условия для жизни кочевых племен и в ней всегда бродили кочевники, опасные для оседлых поселений. Во-вторых, в хозяйственном отношении степь давала славянину меньше, чем лес. Открытые пастбища и пашни в степях были небезопасны и всегда могли стать предметом нападения врага; в лесах безопаснее можно было и скот

пасти, и пахать землю, расчистив под пашню огнем лесные проселки. Сверх того, в лесу можно было заниматься охотой и водить пчел, в лесных реках и озерах можно было ловить рыбу. Лес давал материал для построек, топлива и разных хозяйственных поделок; из лесов добывалась растительная и мясная пища; в лесу доставали мед, воск и ценные меха — предметы, которыми торговали наши предки. Таким образом, лес укрывал славян от кочевников, кормил их и снабжал товарами их рынки. Понятны поэтому боязнь славян перед степью и тяготение их в лесам. Славянские поселения мало выходили в луговую степь и совсем не доходили до открытых приморских степей.

Таким образом, характер страны, занятой русскими славянами, объясняет нам, почему расселение славян совершилось здесь скоро и легко на огромные пространства и почему славяне отделились от южных морей в лесную полосу среднего и верхнего Поднепровья.

В такой обстановке древнерусской жизни были и хорошие, и дурные стороны. Страна не ставила препятствий к широкому расселению, и наши предки очень быстро заняли обширные пространства и непрерывно продолжали свое колонизационное движение на север и северо-восток. В течение всего хода русской истории мы видим деятельную колонизацию сначала Европейской, затем Азиатской России русскими славянами. Удобство речных путей служило к тому, что между далеко разошедшимися племенами поддерживались деятельные сношения и не порывалась родственная связь. Этим было облегчено образование среди славян единого государства и единой церкви и постепенно было подготовлено внутреннее сплочение всех племен в единый русский народ. Служа торговыми дорогами, реки способствовали развитию торговли в стране и обогащению городского населения. Таким образом, успехи государственности и общественности в древней Руси стояли в зависимости от географических условий.

Но те же географические условия покровительствовали и врагам Руси. Если мирные жители могли легко и удобно двигаться по своей стране, то и враги двигались по ней так же легко. Их не задерживали горы, ибо их не было; не затрудняли леса и болота, ибо чрез них были проложены пути; им показывали дорогу те же реки, по которым двигалось само население. Кочевые орды из южного степного пространства постоянно проникали на Русь, грабили ближайшие к степи места, уводили в плен жителей, угоняли скот. Тяжелая борьба с кочевниками была постоянною необходимостью для наших предков. Они

в большом числе строили укрепленные города, окруженные валом и частоколом, и в них отсиживались от врага (валы от таких укреплений, «городища», сохранялись во многих местах и до наших времен). В дремучих лесах скрывались славяне от вражеских набегов, зарывая в землю то, чего не могли и не успевали унести с собою (этим объясняется значительное число находимых в земле кладов, с монетами и драгоценностями, иногда очень большой стоимости). Постоянная опасность стремительного набега научила славянина не возводить богатых построек и не обзаводиться громоздким имуществом. Он был всегда готов сняться с места, уйти на время или же переселиться вовсе с опасного пункта. Такая подвижность и неприхотливость славян была отмечена иностранцами, знавшими их обычаи.

§ 5. **Первоначальный быт русских славян.** В первое время своей жизни на Днепре и Ильмене русские славяне сохраняли у себя патриархальный племенной быт. Они делились на известные уже нам племена, племя же состояло из *родов*, и, по старому выражению, жили наши предки «каждый с своим родом и на своих местах, владея каждый родом своим». Под именем *рода* разумелась совокупность родственных друг другу семей, живших вместе, владевших общею собственностью и управляемых одним родовым старшиною. Родовые старшины имели большую власть каждый в своем роде; а сойдясь вместе на совет (*вече*), они решали дела за все свое племя. Но так бывало только в особо важных случаях, в минуты общей опасности, грозившей всему племени. С течением же времени, когда племена и роды расселялись на больших пространствах, не только ослабевала связь между родами, но распадался и самые роды, делясь на самостоятельные семьи. Каждая отдельная семья на просторе заводила свою особую пашню, имела свои особые покосы, особо охотилась и промышляла в лесах. Общая родовая собственность заменялась собственностью семейною. Точно так же переставала действовать и власть родовладыки: он не мог управлять сразу всеми хозяйствами родичей, если эти хозяйства были разбросаны на больших расстояниях. Власть родовладыки переходила к отцу каждой отдельной семьи, к домовладыке. С распадением родовых связей, родичи перестали чувствовать свое взаимное родство и в случае нужды соединялись для общих дел уже не по родству, а по соседству. На общий совет (*вече*) сходились домохозяева известной округи, и родные друг другу, и не родные — одинаково. Соединенные одним каким-нибудь общим интересом, они составляли общину (задругу, вервь) и избирали для ведения общих дел выборных старейшин. Таким образом, древнейшее

родовое устройство заменялось постепенно общинным, причем в состав общин могли входить семьи, принадлежащие не только к разным родам, но даже к разным племенам. Так бывало в тех местах, где соседнили друг с другом различные племена, или же в тех местах, куда одновременно шла колонизация от нескольких племен (например, в верхнем Поволжье, которое заселялось и от кривичей, и от вятичей).

С развитием по русским рекам торгового движения к черноморским и каспийским рынкам, в земле славян стали возникать большие города. Таковыми были: Киев — у полян, Чернигов — у северян, Любеч — у радимичей, Смоленск и Полоцк — у кривичей, Новгород — у ильменских славян и др. Подобные города служили сборными пунктами для купцов и складочными местами для товаров. В них встречались торговые иноземцы, варяги по преимуществу, с местными промышленниками и торговцами; происходил торг, составлялись торговые караваны и направлялись по торговым путям на хозарские и греческие рынки. Охрана товаров в складах и на путях требовала вооруженной силы; поэтому в городах образовались военные *дружины* или товарищества, в состав которых входили свободные и сильные люди (витязи) разных народностей, всего чаще варяги. Во главе таких дружин стояли обыкновенно варяжские предводители — *конунги* (по-славянски конунг — князь). Они или сами торговали, охраняя оружием свои товары, или нанимались на службу в городах и оберегали города и городские торговые караваны; или же, наконец, конунги захватывали власть в городах и становились городскими властителями *князьями*. А так как городу обыкновенно подчинялась окружающая его волость, то в таком случае образовывалось целое княжество; более или менее значительное по своему пространству. Предание говорит, что такие варяжские княжества были основаны, например, Аскольдом и Диром в Киеве, Рюриком в Новгороде, Рогволодом в Полоцке. Княжеская власть возникала у русских славян и независимо от варяжских конунгов; так, у древлян был свой местный князь, по имени Мал («бе бо имя ему Мал, князю Деревьску», говорит современник).

Появление городов, а с ними торговых иноземцев и военных дружин на Руси, колебало старый племенной быт русских племен еще больше, чем расселение на новых местах. Люди, собиравшиеся в города из разных мест, выходили из своих родовых союзов и соединялись по своим делам и занятиям в иного рода сообщества: становились воинами-дружинниками, вступали в торговые компании, обращались в городских про-

мышленников. Вместо патриархального соединения родичей нарождались общественные классы в нашем смысле слова: людей военных, торговых, промышленных, которые зависели уже не от родовладык, а от городских властей — князей и хозяев. И те люди, которые оставались в волостях на своих пашнях и лесных угодьях, тоже чувствовали на себе влияние городов с их торговлею и промыслами. В прежнее патриархальное время каждый род и даже каждая семья, жившая особым двором, имели свое обособленное хозяйство. Каждый для себя пахал землю и охотился, сам себя обстраивал своим лесом; одевался и обувался в ткани и кожи своего собственного изделия; каждый сам для себя изготовлял все необходимые орудия. Обыкновенно со стороны ничего не покупалось и на сторону не продавалось. Запасалось и готовилось впрок только то, что необходимо было для своей семьи или рода. Такое хозяйство, независимое от других и не знающее торгового обмена продуктов, называется «натуральным». Когда на Руси развилась торговля и выросли города, на городские рынки стал требоваться товар — всего более мед, воск и меха, ставшие главными предметами русского вывоза. Эти предметы добывались в лесах деревенским людом. Под влиянием спроса из городов их стали добывать уже не только для себя, но и на продажу. Из предметов домашнего потребления они обратились в товар: их меняли на другие товары или продавали на деньги, которых раньше не знали. Где прежде все необходимое производили сами для себя и сами же потребляли, там понемногу начали многое покупать со стороны и запасать товары для продажи или копить доходы за проданные товары (иначе говоря, стали образовывать капиталы). Вместо натурального хозяйства начиналось денежное.

Так постепенно изменялась жизнь наших предков. Из патриархального родового и племенного быта славяне постепенно переходили к общинному устройству и соединялись под влиянием главных «старейших» городов в волости или княжества, в которых объединяли людей уже не родственные отношения, а гражданские и государственные.

Когда отдельные городские и племенные волости и княжества собрались вместе и объединились под одною государственною властью, тогда началось Русское государство.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Образование Киевского государства.

§ 6. **Летописное предание о призвании варяжских князей.** Как и когда началась государственная жизнь у русских славян, наши предки не помнили. Когда у них появился интерес к прошлому, они стали собирать и записывать ходившие между ними предания о былой жизни славян вообще и русских в частности и стали искать справок в греческих исторических сочинениях (византийских «хрониках»), переведенных на славянский язык. Собрание таких народных преданий, в соединении с выписками из греческих хроник, было сделано в Киеве в XI веке и составило особую повесть о начале русского государства и о первых князьях в Киеве. В этой повести рассказ был расположен по годам (считая годы или «лета» от сотворения мира) и доведен до 1074 года, до того времени, когда жил сам «летописец», то-есть составитель этой *начальной летописи*. По старинному преданию, первым летописцем был монах Киево-Печерского монастыря Нестор. На «начальной летописи» дело не остановилось: ее несколько раз переделывали и дополняли, сводя в одно повествование разные сказания и исторические записки, тогда существовавшие в Киеве и других местах. Так получился в начале XII века Киевский *летописный свод*, составителем которого был игумен Киевского Выдубицкого монастыря Сильвестр. Его свод, носивший название «повесть временных лет», переписывался в разных городах и также дополнялся летописными записями: Киевскими, Новгородскими, Псковскими, Суздальскими и т. д. Число летописных сводов постепенно возросло; всякая местность имела своих особых летописцев, которые начинали свой труд «повестью временных лет», а продолжали его каждый по-своему, излагая историю, главным образом, своей земли и своего города.

Так как начало разных летописных сводов было одинаково,

то приблизительно одинаков был везде и рассказ о начале государства на Руси. Этот рассказ таков.

В былое время варяги, приходя «из заморья», брали дань с Новгородских славян, с кривичей и с соседних финских племен. И вот данники восстали на варягов, прогнали их за море, стали сами собою владеть и ставить города. Но между ними начались усобицы и встал город на город и не стало в них правды. И они решили найти себе князя, который бы владел ими и устроил у них справедливый порядок. Они отправились в 862 году за море к варягам-*руси* (потому что, по мнению летописца, это варяжское племя называлось *русью* так же, как другие варяжские племена назывались шведами, норманнами, англами, готами) и сказали *руси*: «земля наша велика и обильна, а устройства (наряда) в ней нет: пойдите княжить и владеть нами». И вызвались три брата с своими родами и с дружиною (летописец думал, что они взяли с собою даже все племя *русь*). Старший из братьев Рюрик основался в Новгороде, другой — Синеус — на Белоозере, а третий — Трувор — в Изборске (близ Пскова). По смерти Синеуса и Трувора, Рюрик стал единодержавным князем на севере, а его сын Игорь княжил уже и в Киеве и в Новгороде. Так произошла династия, объединившая под своею властью племена русских славян.

В предании летописи не все ясно и достоверно. Во-первых, по рассказу летописи, Рюрик с варяжским племенем *русью* пришел в Новгород в 862 году. Между тем известно, что сильное племя *русь* воевало с греками на Черном море лет на 20 раньше, а на самый Царьград (Константинополь) *русь* в первый раз напала в июне 860 года. Стало быть, *хронология в летописи неверна, и год основания княжества в Новгороде летописью указан неточно*. Произошло это потому, что годы в летописном тексте ставились уже после того, как была составлена повесть о начале Руси, и ставились по догадкам, воспоминаниям и приблизительным вычислениям. Во-вторых, по летописи выходит так, что *русь* была одним из варяжских, то-есть скандинавских, племен. Между тем известно, что греки не смешивали знакомое им племя *русь* с варягами, также и арабы, торговавшие на Каспийском побережье, знали племя *русь* и отличали его от варягов, которых они звали «варангами». Стало быть, *летописное предание, признав русь за одно из варяжских племен, сделало какую-то ошибку или неточность*¹⁾.

¹⁾ Ученые давно, еще в XVIII веке, заинтересовались рассказом летописи о призвании варягов-руси и толковали его различно. Одни (академик Байер и его последователи) под варягами правильно подразумевали норманнов; а доверяя летописи в том, что «русь» было племя

Заметим, что когда в летописи речь идет о *стране*, то Русью называется Киевская область и вообще области, подвластные Киевским князьям, то-есть *славянская* земля. Когда же в летописи и у греческих писателей речь идет о *людях*, то русью называются не славяне, а *норманны*, а русским языком называется не славянский, а норманнский. В тексте летописи приводятся имена послов от Киевских князей в Грецию; эти послы — «от рода русского», и их имена не славянские, а норманнские (таких имен известно почти сто). Греческий писатель император Константин Багрянородный (Порфирогенит) приводит в своем сочинении — «Об управлении Византийской империи» названия порогов на р. Днепре «по-славянски» и «по-русски»: славянские названия близки к нашему языку, а «русские» названия суть чисто скандинавского корня. Значит, люди, называвшиеся русью, говорили по-скандинавски и принадлежали к северно-германским племенам (были «*gentis Sueonum*», как сказал один немецкий летописец IX века); а страна, которую звали Русью по имени этих людей, была странкою славянской.

Среди Днепровских славян русь появилась в первой половине IX века. Еще раньше, чем потомство Рюрика перешло

варяжское, они и «*русь*» почитали норманнскою. Против такого взгляда когда же вооружился знаменитый М. В. Ломоносов. Он различал варягов и «*русь*» и производил «*русь*» из Пруссии, население которой считал славянским. Оба эти взгляда перешли в XIX век и создали две ученых школы: *норманскую* и *славянскую*. Первая остается при старом убеждении, что «*русью*» назывались варяги, появившиеся в IX веке среди славянских племен на Днепре и давшие свое имя славянскому княжеству в Киеве. Вторая школа считает название «*русь*» местным, славянским, и думает, что оно принадлежало отдаленным предкам славян — роксаланам, или россаланам, жившим у Черного моря еще в эпоху Римской империи (наиболее яркими представителями этих школ в последнее время были: норманской — М. П. Погодин и славянской — И. Е. Забелин).

Всего правильнее будет представлять себе дело так, что «*русью*» в древности наши предки называли не отдельное варяжское племя, ибо такого и не было, а варяжские дружины вообще. Как славянское название «*сумь*» означало тех финнов, которые сами себя звали *Suomi*, так у славян название «*русь*» означало прежде всего тех заморских варягов-шведов, которых финны звали *Ruotsi*. Это название «*русь*» ходило среди славян одинаково с названием «*варяги*», чем и объясняется их соединение у летописца в одно выражение «*варяги-русь*». Образованные заморскими выходцами-варягами среди славян княжества стали зваться «*русскими*», а дружины «*русских*» князей от славян получили название «*руси*». Так как эти русские дружины действовали везде вместе с подчиненными им славянами, то название «*русь*» постепенно перешло и на славян и на их страну. Греки варягами звали только тех северных выходцев-норманнов, которые поступали к ним на службу. Русью же греки звали большой и сильный народ, в составе которого были и славяне, и норманны, и который жил вблизи Черного моря.

княжить из Новгорода в Киев, в Киеве уже были варяжские князья, нападавшие отсюда на Византию (860). С появлением же в Киеве новгородских князей, Киев стал средоточием всей Руси.

§ 7. **Деятельность варяжских князей.** О деятельности полусказочного *Рюрика* (по-древнескандинавски *Ruogekr*) в Новгороде почти не сохранилось преданий. Рассказывали, что он первоначально жил не в Новгороде, а в Ладоге, на устьи р. Волхова, в Новгород же перешел после смерти братьев. Правление его возбуждало, будто бы, неудовольствие и вызвало даже мятеж под предводительством какого-то Вадима Храброго; но Рюрик убил Вадима и одолел восставших. Недовольные им бежали в Киев, где сидели уже варяжские дружинники Аскольд и Дир, оставившие дружину Рюрика и основавшие в Киеве свое княжество. Трудно, конечно, сказать, насколько справедливы все эти предания.

По смерти Рюрика (879) княжить в Новгороде стал его родственник *Олег* (по-древнескандинавски *Helgi*). Он пользовался властью, как опекун малолетнего сына Рюрикова Игоря (по-древнескандинавски *Ingvarr*). Олег не остался в Новгороде: вместе с Игорем он двинулся на юг, по великому пути «из варяг в греки», покорил на Днепре Смоленск и Любеч и подошел к Киеву. Обманом он захватил здесь и погубил Аскольда и Диру на том основании, что они «не князья и не княжеского рода», между тем как сам он князь, а Игорь — Рюриков княжич. Заняв Киев, Олег основался в нем и сделал его столицей своего княжества, говоря, что Киев будет «матерью городов русских». Так удалось Олегу объединить в своих руках все главнейшие города по великому водному пути. Это и была его первая цель. Из Киева он продолжал свою объединительную деятельность: ходил на древлян, затем на северян и покорил их, далее подчинил себе радимичей. Под его рукою собрались, таким образом, все главнейшие племена русских славян, кроме окраинных, и все важнейшие русские города. Киев стал средоточием большого государства и освободил русские племена от хозарской зависимости. Сбросив хозарское иго, Олег старался укрепить свою страну крепостями со стороны восточных кочевников (как хозар, так и печенегов) и строил города по границе степи.

Но объединением славян Олег не ограничился. По примеру своих Киевских предшественников Аскольда и Диры, сделавших набег на Византию, Олег задумал поход на греков. С большим войском «на конях и на кораблях» подошел он к Константинополю (907), опустошил его окрестности и оса-

дил город. Греки завели переговоры, дали Олегу «дань», то есть откупились от разорения, и заключили с Русью договор, вторично подтвержденный в 912 году. Удача Олега произвела глубокое впечатление на Руси: Олега воспевали в песнях и его подвиги изукрасили сказочными чертами. Из песен летописец занес в свою летопись рассказ о том, как Олег поставил свои суда на колеса и по-суху на парусах «через поля» пошел к Царю-граду. Из песни же, конечно, взята в летопись подробность о том, что Олег, «показуя победу», повесил свой щит в воротах Царяграда. Олегу дали прозвище «вещего» (мудрого, знающего то, что другим не дано знать). Деятельность Олега, в самом деле, имела исключительное значение: *Олег создал из разобщенных городов и племен большое государство, вывел славян из подчинения хозарам и устроил путем договоров правильные торговые сношения Руси с Византией; словом, он был создателем русско-славянской независимости и силы.*

По смерти Олега (912) вступил во власть *Игорь*, повидимому, не имевший таланта воина и правителя. Он сделал два набега в греческие владения: на Малую Азию и на Константинополь. В первый раз он понес жестокое поражение в морском бою, в котором греки применили особые суда с огнем и пушками «трубами огонь на лодьи русские». Во второй раз Игорь не дошел до Царяграда и помирился с греками на условиях, изложенных в договоре 945 года. Этот договор считается менее выгодным для Руси, чем договоры Олега. В походе Игоря против греков принимали участие и *печенеги* (§ 2), впервые при Игоре напавшие на Русскую землю, а затем помирившиеся с Игорем. Игорь окончил жизнь свою печально: он погиб в стране древлян, с которых хотел собрать двойную дань. Его смерть, сватовство древлянского князя Мала, желавшего взять за себя вдову Игоря Ольгу, и месть Ольги древлянам за смерть мужа — составляют предмет поэтического предания, подробно рассказанного в летописи.

Ольга (по-древнескандинавски и по-гречески *Helga*) осталась после Игоря с малолетним сыном Святославом и взяла на себя правление княжеством. По древнему славянскому обычаю, вдовы пользовались гражданскою самостоятельностью и полноправием, и вообще положение женщины у славян было лучше, чем у других европейских народов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что княгиня Ольга стала правительницей. Отношение к ней летописца — самое сочувственное: он считает ее «мудрейши всех человек» и приписывает ей большие заботы об устройении земли. Объезжая свои владения,

она везде устанавливала порядок и везде оставляла по себе добрую память. Главным же ее делом было принятие христианской веры и благочестивое путешествие в Царьград (957). По рассказу летописи, Ольгу крестили «царь с патриархом» в Цареграде, хотя вероятнее, что она крестилась дома, на Руси, ранее своей поездки в Грецию. Император Константин Багрянородный, с честью принявший Ольгу в своем дворце и описавший ее прием (в сочинении — «Об обрядах Византийского двора»), повествует о русской княгине сдержанно и спокойно. Предание же, сложившееся на Руси о путешествии княгини, рассказывает, что император был поражен красотой и умом Ольги настолько, что даже хотел на ней жениться; однако Ольга уклонилась от этой чести. Она держала себя почтительно по отношению к патриарху, но вполне независимо по отношению к императору. Летописец даже уверен, что ей удалось дважды перехитрить императора: во-первых, она ловко сумела отказаться от его сватовства, а во-вторых, она отказала ему в дани или дарах, на которые он, будто бы, легковерно рассчитывал. Таково было наивное предание, усвоившее Ольге исключительную мудрость и хитрость. С торжеством христианства на Руси память княгини Ольги, во святом крещении Елены, стала почитаться православною церковью, и княгиня Ольга была причтена к лику святых.

Сын Ольги *Святослав* носил уже славянское имя, но правом был типичный варяг-воин и дружинник. Едва успел он возмужать, как составил себе большую и храбрую дружину и с нею стал искать себе славы и добычи. Он рано вышел из-под влияния матери, «гневался на мать», когда она убеждала его креститься: «как мне одному переменить веру? дружина начнет смеяться надо мною», говорил он. С дружиною он сжился крепко, вел с нею суровую походную жизнь и поэтому двигался необыкновенно легко: «легко ходя, аки пардус (барс)», по выражению летописца.

Еще при жизни матери, оставив на попечении Ольги Киевское княжество, Святослав совершил свои первые блестящие походы. Он пошел на Оку и подчинил вятичей, которые тогда платили дань хозарам; затем обратился на хозар и разгромил Хозарское царство, взяв главные города хозар (Саркел и Итиль). Заодно Святослав победил племена ясов и касогов (черкесов) на р. Кубани и овладел местностью у Азовского моря, под названием Таматарха (позднее Тмутаракань, а теперь Тамань). Наконец, Святослав, проникнув на Волгу, разорил землю Камских болгар и взял их город Болгар. Словом, Святослав победил и разорил всех восточных соседей Руси, входивших

в состав Хозарской державы. Главную силу в Черноморьи становилась теперь Русь. Но падение Хозарского государства усиливало кочевых печенегов. В их распоряжение попадали теперь все южно-русские степи, занятые раньше хозарами; и самой Руси пришлось скоро испытать большие беды от этих кочевников.

Возвратясь в Киев после своих завоеваний на востоке, Святослав получил приглашение от греков помочь Византии в ее борьбе с дунайскими болгарами. Собрав большую рать, он завоевал Болгарию и остался там жить в г. Переяславце на Дунае, так как считал Болгарию своею собственностью. «Хочу жить в Переяславце Дунайском», говорил он: «там — середина моей земли, там собираются всякие блага: от греков золото, ткани, вина и плоды, от чехов и угров — серебро и кони, из Руси — меха, воск и мед и рабы». Но ему пришлось на время вернуться из Болгарии в Киев, потому что на Русь в его отсутствие напали печенеги и осадили Киев. Киевляне с княгиней Ольгою и детьми Святослава едва отсиделись от грозного врага и послали к Святославу послов с упреками и с просьбою о помощи. Святослав пришел и прогнал печенегов в степь, но в Киеве не остался. Умиравшая Ольга просила его подождать на Руси до ее кончины. Он исполнил ее желание; но, похоронив мать, сейчас же ушел в Болгарию, оставив князьями на Руси своих сыновей. Однако греки не желали допустить господство русских над болгарами и потребовали удаления Святослава назад в Русь. Святослав отказался покинуть берега Дуная. Началась война, и византийский император Иоанн Цимисхий одолел Святослава. После ряда тяжелых усилий он запер русских в крепости Дористоле (теперь Силистрия) и вынудил Святослава заключить мир и очистить Болгарию. Войско Святослава, истомленное войною, на пути домой было захвачено в Днепровских порогах печенегами и рассеяно, а сам Святослав убит (972). Так печенеги довершили поражение русского князя, начатое греками.

После смерти Святослава, на Руси между его сыновьями (Ярополком, Олегом и Владимиром) произошли кровавые междоусобия, в которых погибли братья князя Владимира, и он остался единодержавным государем. Потрясенное усобицами, Киевское княжество являло признаки внутреннего разложения, и Владимиру пришлось потратить много сил, чтобы усмирить варягов, служивших у него, и подчинить отложившиеся племена (вятичей, радимичей). Пошатнулось после неудач Святослава и внешнее могущество Руси. Владимир вел много войн с разными соседями за пограничные волости; вое-

вал также с волжскими болгарами. Втянулся он и в войну с греками, в результате которой принял христианство по греческому обряду. Этим важнейшим событием окончился первый период власти варяжской династии на Руси.

§ 8. Главное значение деятельности варяжских князей. Главнейшим содержанием этого периода, как мы видим, были усилия Киевских князей: 1) объединить русские племена и создать на Руси единое государство, 2) устроить, как можно выгоднее, торговые сношения с соседями и обезопасить торговое движение к иноземным рынкам и 3) оборонить Русь от внешних врагов.

Завладев сначала всем путем «из варяг в греки», от Ладоги до Киева, Киевские князья старались затем подчинить своей власти и те славянские племена, которые жили в стороне от этого пути (древляне, вятичи). В подчиненных областях они или правили лично, или посылали туда, для управления, своих сыновей и дружинников в качестве своих наместников («посадников»), или же, наконец, оставляли там местных князей «под рукою» своею. Главною задачею управления был тогда сбор «дани». Сам князь или его посадники объезжали волости, творя суд и расправу и собирая дань деньгами или натурою. Такой объезд назывался «полюдьем» и совершался по зимнему пути. К весне собранная князем дань свозилась на речные пристани, грузилась на суда и весною сплавлялась в Киев. В то же время «везли повоз», то-есть доставляли дань, в Киев и из тех мест, где не успели побывать сами князья с дружинами. В руках Киевских князей сосредотачивались таким образом, большие запасы различных товаров, которыми князья и торговали, посылая их от себя в Грецию, или к хозарам, или (как Святослав) на Дунай.

Весною в Киеве составлялись большие торговые караваны из лодок, которые по-славянски назывались «ладьями», а по-гречески «моноксилами», то-есть однодеревками. Такое название дано было ладьям потому, что их днище (киль) состояло из одного дерева; подобные ладьи подымали несколько сот пудов груза и до 40—50 человек экипажа. К ладьям княжеским присоединялись ладьи княжеской дружины и купцов («гостей»); караван охранялся княжескою стражею и вооруженными дружинами гостей. Устроившись, караваны отправлялись вниз по Днепру. Вот как рассказывают современники о том караване, который шел в Константинополь: Собранный окончательно верстах в 50 ниже Киева, в Витичеве, караван оттуда двигался «в греческий путь». Плывая по Днепру, он достигал «порогов», то-есть скалистых гранитных гряд, пересе-

кающих течение Днепра в нескольких местах, недалеко от нынешнего города Екатеринослава. В порогах нельзя было плыть меж камней с полным грузом; иногда же и вовсе не было хода ладьям. Тогда пловцы приставали к берегу, разгружали суда, выводили скованных невольников, которых везли на продажу, тащили товары в обход порога по берегу, иногда даже перетаскивали по-суху и самые ладьи. В то время, как одни обходили порог, другие охраняли их и сторожили берег, боясь нападения печенегов на караван. Пройдя пороги, Русь выходила в Черное море и, держась Болгарских берегов, достигала Константинополя. Огромный русский караван греки не пускали в стены своей столицы. Русь помещалась в предместьи св. Мамы и жила там с полгода, пока не кончала свои торговые дела. Прибывших русских послов и купцов греки переписывали и по списку доставляли им съестные припасы от казны. Из предместья в самый Царьград греки допускали русских сразу не более 50 человек, без оружия и с провожатым; на зиму в Греции оставаться не позволяли никому. Таким образом, греки разрешали Руси устраивать под Константинополем как бы свою ярмарку с их покровительством, но под надзором и с предосторожностями. Правила, которые устанавливали порядок торговли русских в Греции и определяли все возникавшие между Русью и греками во время торгового отношения, обыкновенно вносились в договоры и составляли главное их содержание. Вот почему эти договоры и называются торговыми. Для того, чтобы устроить общий для всей Руси ежегодный караван в Грецию и такие же караваны в другие места (в Хозарский Итиль, в Дунайские области), Киевские князья должны были тратить много труда и сил. На них лежала забота о том, чтобы своевременно свезти к Киеву свои товары, полученные в виде дани, и всякий купеческий товар, затем снабдить караваны сильною охраною и проводить их до места назначения, наконец, мирными сношениями или же оружием подготовить выгодные условия торговли в чужих странах. Походы Киевских князей на Грецию, походы Святослава на Дон и Волгу были тесно связаны с торговыми делами Киева. Таким образом, торговля страны направляла собою внешнюю политику Киевских князей.

Кроме того, на князьях лежала забота об обороне государства от внешних врагов. Степняки нападали не только на границы Руси, но и на самую столицу ее — Киев. Этот город лежал слишком близко к степному пространству и был открыт со стороны степи. Поэтому Киевские князья понемногу окружают его крепостями, «рубят города» на границах сте-

степи и укрепляют самую границу валами и другими сооружениями. Чтобы степняки-печенеги не мешали торговому движению через степь, князья нападают на них в степи, или же вступают с ними в дружбу и даже в союз, увлекая их вместе с собою на греков. Но такая дружба была все же исключением: обыкновенно Русь бывала в острой вражде с печенегами.

Из того, что было сказано о торговле Руси, можно заключить, в чем именно заключалось значение Киева и почему Олег дал ему имя «матери русских городов». Киев был самым южным городом на Днепре и соседил со степью. Поэтому в Киеве естественно собирались все те купцы, которые везли из Руси товары на юг и на восток. Здесь устраивался главный склад вывозимых товаров; здесь был главный рынок и для тех товаров, которые привозились на Русь своими и чужими купцами от хозар и греков. Словом, Киев был торговым центром всей тогдашней Руси; прочие торговые русские города зависели от него в своих торговых оборотах. Понятно, почему сильнейшие русские князья предпочитали Киев всякому иному городу и почему именно Киев стал столицей образованного этими князьями государства.

Крещение Руси.

§ 9. Язычество на Руси в древнейшее время. Мы сказали, что Киевский князь Владимир Святославич принял христианство. За крещением князя тотчас же последовало принятие христианства всею Русью и торжественное упразднение языческого культа на Руси.

Языческие верования наших предков вообще мало известны. Как и все арийцы, русские славяне поклонялись силам видимой природы и почитали предков. Силы природы воплощались у них в личные божества. Первое место среди них занимало божество солнца — Дажьбог или (Даждьбог), Хорс, Велес (или Волос). Трудно сказать, почему ему давались различные имена; Дажьбога почитали, как источник тепла и света, как подателя всех благ, Велеса — как покровителя стад или «скотьяго бога»; «великим Хорсом», повидимому, называли самое солнечное светило, свершающее путь по небу. Другим божеством был Перун, в котором олицетворялась гроза с страшным громом и смертоносною молнией. Ветер имел свое божество — Стрибога. Небо, в котором пребывал Дажьбог, звалось Сварогом и считалось отцом солнца, почему Дажьбогу было усвоено отчество Сварожича. Божество земли носило имя Мать-Земля Сырая; почитая землю, как свою мать,

славяне чтили Дажьбога и Велеса, как дедов человеческих. Но все эти образы богов не получили у славян той ясности и определенности, как, например, в более развитой греческой мифологии. Внешний культ у славян также не был развит: не было ни храмов, ни собого сословия жрецов. Кое-где на открытых местах ставились грубые изображения богов, «идолы». Им приносились жертвы, иногда даже человеческие; этим и ограничивалось идолослужение. Замечательно, что варяжская (германская) мифология не оказала никакого влияния на славянскую, несмотря на политическое господство варягов; так было по той причине, что языческие верования варягов не были ни яснее, ни крепче славянских: варяги очень легко меняли свое язычество на славянский культ, если не принимали греческого христианства. Князь Игорь, варяг по происхождению, и его варяжская дружина уже клялись славянским Перуном и поклонялись его идолу.

Более культа видимой природы у русских славян был развит культ предков, связанный с родовым бытом славян. Родоначальник, давно умерший, обоготворялся и считался как бы живущим покровителем своего потомства. Его звали *родом*, *щуром* (отсюда наше слово *пращур*) и приносили ему жертвы. Прародительницы рода назывались *рожаницами* и почитались так же, как и *род*. С падением родовых связей, когда семьи обособились в отдельных дворах, место *щура* занял семейный предок — *дедушка домовый*, покровитель своего двора, невидимо управляющий ходом его хозяйства. Вера в загробную жизнь, проникавшая весь этот культ предков, сказывалась и в том веровании, что души умерших будто бы бродили по земле и населяли поля, леса и воды (*русалки*). Вера в существование таинственных хозяев человеческих жилищ, славянин искал таких же хозяев и вне жилищ — в лесу (*лешие*), в воде (*водяные*). Вся природа казалась ему одухотворенною и живою. Он вступал с ней в общение, хотел участвовать в тех переменах, которые совершались в природе, и сопровождал эти перемены различными обрядами. Так содвинулся круг языческих праздников, связанных с почитанием природы и с культом предков.

Наблюдая правильную смену лета зимою, а зимы летом, видя как бы уход солнца и тепла осенью и их возвращение весной, славяне приветствовали «поворот солнца на лето» особым праздником — колядою (от латинского *calendae*; другое название этого праздника «овсець» — от «о-весень»). За этим праздником следовали другие в честь того же солнца — проводы зимы, встреча весны («красная горка»), проводы

леса (праздник «купалы»). Одновременно шли праздники и в воспоминание об умерших, носившие общее название *тризн*. Была весенняя тризна по предкам — «радуница», был летний праздник «русалий» такого же поминального характера. Обряды, сопровождавшие языческие праздники, пережили самое язычество. Они удержались в народе даже до нашего времени и были приурочены к праздникам христианского календаря; коляда — к Святкам, проводы зимы — к Масленице, красная горка и радуница — к Святой и Фоминной неделям, купала и русалии — к Иванову дню.

§ 10. Христианство на Руси до крещения князя Владимира. Не достигшее большого развития и не имевшее внутренней крепости языческое мирозерцание наших предков должно было легко уступать посторонним религиозным влияниям. Если славяне легко примешивали к своим суевериям суеверия диких финнов и поддавали влиянию финских шаманов — «волхвов» и «кудесников», — то тем более должна была влиять христианская вера на тех из славян, которые могли ее познать. Торговые сношения с Грецией облегчали для Руси знакомство с Христовою верою. Варяжские купцы и дружинники, раньше и чаще славян ходившие в Царьград, прежде славян стали там обращаться в христианство и приносили на Русь новое учение, передавая его славянам. В княжение Игоря, в Киеве была уже христианская церковь св. Илии, так как, по словам летописца, в Киеве «мнози бо беша варязи христиане». В дружине самого князя Игоря было много христиан. Жена князя св. княгиня Ольга также была христианкою. Словом, христианская вера стала хорошо знакома киевлянам еще при первых варяжских князьях. Правда, Святослав был холоден к греческой вере; а при сыне его Владимире в Киеве еще стояли языческие «кумиры» (идолы) и еще бывали пред ними человеческие «требы», или жертвы. Летописец рассказывает, как при Владимире языческая толпа киевлян однажды (983) убила двух варягов-христиан, отца и сына, за отказ отца добровольно отдать своего сына в жертву «богам». Но все же, несмотря на это мучение христиан, христианство в Киеве продолжало распространяться и в общем делало большие успехи. Князь Владимир принял новую веру, имея полную возможность познакомиться с нею и узнать ее превосходство и внутреннюю силу.

§ 11. Летописное предание о крещении князя Владимира. О том, как крестился князь Владимир и как он крестил свой народ, на Руси существовало много преданий. Не помня точных обстоятельств дела, одни рассказывали, что князь крестил-

ся в Киеве; другие указывали место его крещения в городке Василёве (в 35 верстах от Киева); третьи говорили, что он принял крещение в Крыму, в греческом городе Корсуне (Херсонесе), после того, как взял этот город у греков. Лет сто спустя после крещения Руси, летописец занес в свою летопись такие предания об этом событии:

Пришли (говорит он) к Владимиру (986) сначала волжские болгары, похваляя свое магометанство, затем немцы от римского папы, затем хозарские евреи с проповедью своего закона и, наконец, греческий философ с православным учением. Все они хотели привлечь Владимира в свою веру. Он же выслушивал их и всех отсылал прочь, кроме грека. С греком он беседовал долго, отпустил его с дарами и почестями, но пока не крестился. В следующем году (987) созвал Владимир своих советников и рассказал им о приходе к нему проповедников, прибавив, что более всего его поразили рассказы греческого философа о православной вере. Советники дали мысль князю послать в разные страны своих послов посмотреть: «кто како служит Богу?» Побывав и на востоке, и на западе, послы попали в Царьград и были поражены там несказанным благолепием греческого богослужения. Они так и сказали Владимиру, прибавив, что сами не хотят оставаться более в язычестве, познав православие. Это испытание вер через послов решило дело. Владимир прямо спросил своих советников: «где крещение примем?» А они согласно ответили: «где тебе любо». И вот в следующем 988 году Владимир пошел с войсками на Корсунь и осадил его. Город упорно сопротивлялся. Владимир дал обет креститься, если возьмет Корсунь, и действительно взял его. Не крестясь еще, он послал в Царьград к царям-братьям Василию и Константину, грозя идти на них и требуя за себя замуж их сестру Анну. Цари сказали ему, что не могут выдать царевну замуж за «поганого», то-есть за язычника. Владимир ответил, что готов креститься. Тогда цари прислали в Корсунь сестру свою и с нею духовенство, которое крестило русского князя и венчало его с царевною. Перед крещением Владимир заболел и ослеп, но чудесно исцелился во время самого таинства крещения. Помирясь с греками и отдав им Корсунь; он возвратился с православным духовенством в Киев и крестил всю Русь в православную греческую веру.

Таково сказание летописи. В нем, повидимому, соединились в одну повесть разные предания: 1) предание о том, что Владимиру предлагали свою веру болгары, хозары, немцы и греки, пришедшие в Киев и жившие в нем; 2) предание о том,

что Владимир, не только пребывавший во тьме язычества, но пораженный и физическою слепотою, чудесно во время крещения прозрел сразу и духовными и телесными очами, и 3) предание о том, что для принятия греческой веры Владимир счел нужным осадить греческий город Корсунь, чтобы вместе с ним как бы завоевать и веру греческую, приняв ее рукою победителя.

По сказаниям греков и арабов вот что известно о походе Владимира на Корсунь: В то время в Византийской империи произошло восстание войска под предводительством полководца Варды-Фоки. Греческое правительство, не располагая силами, искало помощи у Киевского князя Владимира. Союз был заключен (987): Владимир соглашался послать свои войска в помощь Византии, за что получал руку греческой царевны Анны, а сам обязывался принять христианство. Благодаря русскому вмешательству, мятеж был подавлен и Варда-Фока погиб (988). Но византийцы после победы не исполнили своих обещаний, данных Владимиру. Тогда Владимир начал войну с греками, осадил и взял Корсунь, — главный греческий город в Крыму, — и настоял на исполнении греками договора. Он принял христианство и получил в супружество царевну (989). Где именно был он крещен и когда именно состоялось крещение, — в 988 или в 989 году, — точно неизвестно.

Возвратившись из Корсунского похода в Киев с греческим духовенством, Владимир начал обращать киевлян и всю Русь к новой вере. Он крестил в Киеве народ на берегах Днепра и его притока Почайны. Кумиры старых богов были повергнуты наземь и брошены в реку. На их местах были поставлены церкви. Так было и в других городах, где христианство водворяли княжеские наместники. По преданию, новая вера распространялась мирно, за исключением немногих мест. Так, в Новгороде пришлось применить силу. В глухих углах (например, у вятичей) язычество держалось, не уступая христианской проповеди, еще целые века; да и по всей стране старые верования не сразу были забыты народом и сплетались с новым вероучением в пеструю смесь веры и суеверия.

Последствия принятия Русью христианства.

§ 12. **Внешнее устройство церкви в древней Руси.** Крещение Руси не следует представлять себе, как одну простую перемену верований. Христианство, став господствующею религией на Руси, выразилось не только в проповеди и богослужении, но и в целом ряде новых установлений и учреждений.

Из Греции пришла на Русь *иерархия*: в Киеве стал жить русский митрополит, поставляемый Константинопольским патриархом; в других городах были поставлены подчиненные митрополиту епископы (на первых порах их было пять, потом число их дошло до 15-ти). В Киеве и во всех епархиях строились *церкви* и устраивались *монастыри*; причты церквей и братия монастырей подчинялись своему епископу, а через него митрополиту. Таким образом, власть митрополита простиралась на всю Русь и объединяла все духовенство страны. Вместе с христианством на Русь пришла *письменность*, а с нею книжное просвещение. Как ни слабо оно было на первых порах, оно все же оказывало могучее влияние на познавших его людей. Богослужебные и священные книги принесены были на Русь на доступном для всех языке славянском, том самом, на котором изложили их славянские первоучители свв. Кирилл и Мефодий и их болгарские ученики. Язык этих книг был вполне понятен русским, и «книжное учение» было поэтому не затруднено. Тотчас по крещении, на Руси возникают *школы* с учителями-священниками и появляются книжники-любители просвещения, собиравшие и переписывавшие книги. Митрополит и вообще духовенство управляли и судили подчиненных им людей так, как это делалось в греческой церкви, на основании особого сборника законов, *Номоканона*, получившего на Руси в болгарском переводе название *Кормчей книги*. В этом сборнике заключались церковные правила Апостольские и Вселенских соборов, также гражданские законы православных Византийских императоров. Церкви принадлежали земли, на которых духовенство и монастыри вели *хозяйство* по-своему, руководясь византийскими обычаями и законами, устанавливая такие юридические отношения к земледельцам, какие были приняты в Греции.

Таким образом на Руси вместе с новым вероучением появились новые власти, новое просвещение, новые законы и суды, новые землевладельцы и новые землевладельческие обычаи. Так как Русь приняла веру из Византии, то все новое, что пришло вместе с верою, имело византийский характер и служило проводником византийского влияния на Русь. Для того, чтобы понять, как именно сказывалось это влияние, необходимо несколько ознакомиться с теми чертами общественного быта Руси в до-христианское время, которые наиболее характеризуют патриархальность тогдашних общественных отношений.

§ 13. **Черты до-христианского быта русских славян.** По нашим понятиям, государство, в котором мы живем, имеет право и в то же время обязанность карать виновных за пре-

ступления и проступки и по возможности предупреждать всякое нарушение порядка и права. Вор или убийца отыскивается и наказывается независимо от того, просят об этом или не просят потерпевшие от него люди. В древнейшее до-христианское время было не так. Князья не имели ни склонности, ни возможности вмешиваться в общественную жизнь и поддерживать порядок, когда к ним не обращалось за этим само население. Преступление тогда считалось «обидою», за которую должен был отплатить, «отомстить», сам обиженный или его род. Человека защищал не князь, а свои, близкие ему, люди; за убитого «мстили» отец, братья, дяди, племянники. Обычай «кровной мести» и вообще «мести» был так крепок и широко распространен, что его признавало даже тогдашнее законодательство. Иначе и быть не могло в таком обществе, где княжеская власть была еще слаба, где князь бывал иноплеменником и жил, окруженный дружиною таких же иноплеменников-варягов. На подобие того, как варяжская дружина с своим конунгом-князем составляла особое сообщество среди славян, и сами славяне имели такие же особые союзы и сообщества. Они жили или родами, или общинами; в других случаях они сами устраивали дружины и торговые товарищества в городах. Человек, принадлежащий к какому-нибудь союзу или входивший в какое-нибудь сообщество, пользовался защитою рода, общины, дружины, товарищества, и мало надеялся на князя. Лишенный же покровительства своих близких, прогнанный из какого-либо сообщества, человек становился беззащитным, потому что никто не считал себя обязанным притти к нему на помощь: его можно было, по старому выражению, «убити во пса место» — и остаться без всякого наказания и возмездия. Такие беспризорные и беззащитные люди назывались *изгойми* (от того же корня, как и слово «гой»: «гой еси» значило: будь здрав, будь жив); изгой были как бы «изжитые», выкинутые вон из жизни люди.

Родовой быт первоначально вел людей к обособлению. Роды жили замкнуто, чуждались один другого и враждовали один с другим. А между тем каждому роду было необходимо со стороны добывать невест для браков своих родичей. Отсюда возник обычай добывать их насильем и хитростью, посредством «умычки», или увоза. Впоследствии этот обычай смягчился: если невесту «умыкали», то по предварительному с нею уговору. В то же время возникли и другие способы заключения брака: жених мирно приходил за невестою и выкупал невесту у ее рода, уплачивая «вено». Кое-где, — там, где нравы были мягче, — брак подходил ближе к нашим обычаям: невеста

приезжала в дом жениха, и за нею привозили ее приданое. Но так бывало, по словам летописца, только у полян. В прочих же местах семейный быт отличался грубостью, тем более, что везде существовал обычай многоженства. Предание говорит, что сам князь Владимир до крещения своего тоже держался этого обычая. Положение женщины в семье, особенно при многоженстве, было очень нелегко, о чем свидетельствуют народные песни. В них горько оплакивается судьба девушки, отдаваемой или продаваемой в чужой род.

В языческое время на Руси было лишь одно общественное различие: люди делились на свободных и несвободных, или рабов. Свободные назывались *мужами*; рабы носили название *челядь* (в единственном числе *холоп*, *роба*). Положение рабов, очень многочисленных, было тяжело: они рассматривались, как рабочий скот в хозяйстве своего господина. Они не могли иметь собственного имущества, не могли быть свидетелями в суде, не отвечали за свои преступления пред законом. За них отвечивал господин, который имел право жизни и смерти над своим холопом и наказывал его сам, как хотел. Свободные люди находили себе защиту в своих родах и сообществах; холоп мог найти себе защиту только у господина; когда же господин его отпускал на волю или прогонял, раб становился изгоем и лишался покровительства и пристанища.

Таким образом, в языческом обществе княжеская власть не имела той силы и значения, какое имеет государственная власть теперь. Общество делилось на самостоятельные союзы, которые одни лишь своими силами охраняли и защищали своих членов. Вышедший из своего союза человек оказывался бесправным и беззащитным изгоем. Семья, при обычае многоженства, умычки и покупки невест, имела грубый языческий характер. Рабство было очень распространено. Грубая сила господствовала в обществе, и человеческая личность сама по себе в нем не имела никакого значения.

Под влиянием христианства языческие порядки на Руси начали заметно смягчаться.

§ 14. **Влияние церкви на гражданский быт.** Христианская церковь, основанная на Руси князем Владимиром, не могла примириться с таким порядком. Вместе с Христовым учением о любви и милости церковь принесла на Русь и начала византийской культуры. Уча язычников вере, она стремилась улучшить их житейские порядки. Под влиянием христианства отдельные лица из языческой среды изменяли к лучшему свои взгляды и нравы, шли вослед Христу и являли высокие примеры нравственной христианской жизни и даже подвижничества.

ства. О самом князе Владимире предание говорит, что он смягчился под влиянием новой веры, стал милостив и ласков. Среди дружины и земских людей появилось много благочестивых христиан, почитавших церковь, любивших книги и иногда уходивших от мирских соблазнов в монастыри и в пустынное житье. Через свою иерархию и примером ревнителей новой веры церковь действовала на нравы и учреждения Руси. Проповедью и церковною практикою *она показывала, как надо жить и действовать* в делах личных и общественных.

Церковь старалась поднять значение княжеской власти. Князей она учила, как они должны управлять: «воспрещать злым и казнить разбойников». «Ты поставлен от Бога на казнь злым, а добрым на милованье», говорило духовенство князю Владимиру, указывая ему, что князь не может оставаться безучастным к насилию и злу в своей земле, что он должен блюсти в ней порядок. Такой взгляд духовенство основывало на убеждении, что княжеская власть, как и всякая земная власть, учинена от Бога и должна творить Божью волю. Но так как «всяка власть от Бога» и так как князь «есть Божий слуга», то ему надлежит повиноваться и его надлежит чтить. Церковь требовала от подданных князя, чтобы они «имели приязнь» к князю, не мыслили на него зла и смотрели на него, как на избранника Божия. Очень грубо было воззрение языческой Руси на князей, как на дружинных конунгов, которые берут дань за свои военные услуги земле, и которых можно прогонять, если они неугодны, и даже убивать (как древляне Игоря). Церковь веячески боролась с таким взглядом и поддерживала авторитет князей, смотря на них, как на приращенных и богоданных государей. Когда князья сами роняли свое достоинство в грубых ссорах и междоусобиях («которах» и «коромолах»), духовенство старалось мирить их и учить, чтобы они чтили «старейших» и «не переступали чужого предела». Так духовенство проводило в жизнь идеи правильного государственного порядка, имея пред собою пример Византии, где царская власть стояла очень высоко.

Найдя на Руси ряд союзов, родовых и племенных, дружинных и городских, церковь образовала собою особый союз — церковное общество; в состав его вошло духовенство, затем люди, которых церковь опекала и питала, и, наконец, люди, которые служили церкви и от нея зависели. *Церковь опекала и питала тех, кто не мог сам себя кормить*: нищих, больных, убогих. *Церковь давала приют и покровительство всем изгоям*, потерявшим защиту мирских обществ и союзов. Церковь получала в свое владение села, населенные рабами. И изгой

и рабы становились под защиту церкви и делались ее работниками. Всех своих людей одинаково церковь судила и рядила по своему закону (по Кормчей книге) и по церковным обычаям; все эти люди выходили из подчинения князю и становились подданными церкви. И как бы ни был слаб или ничтожен церковный человек, церковь смотрела на него по-христиански — как на свободного человека. Для церковного сознания все были братья во Христе и не было пред Господом ни раба, ни господина. *В церкви не существовало рабства*: рабы, подаренные церкви, обращались в людей лично свободных; они были только прикреплены к церковной земле, жили на ней и работали на пользу церкви. Таким образом, *церковь давала светскому обществу пример нового, более совершенного и гуманного устройства*, в котором могли найти себе защиту и помощь все немощные и беззащитные.

Церковь затем влияла на улучшение семейных отношений и вообще нравственности в русском обществе. На основании греческого церковного закона, принятого и подтвержденного первыми русскими князьями в их «церковных уставах», все проступки и преступления против веры и нравственности подлежали суду не княжескому, а церковному. Церковные судьи, во-первых, судили за святотатство, еретичество, волшебство, языческие моления. Церковные судьи, во-вторых, ведали все семейные дела, возникавшие между мужьями и женами, родителями и детьми. Церковь старалась искоренить языческие обычаи и нравы в семейном быту: многоженство, умышкание и похищение жен, изгнание жены мужем, жестокости над женами и детьми и т. п. Применяя в своих судах византийские законы, более развитые, чем грубые юридические обычаи языческого общества, духовенство воспитывало лучшие нравы на Руси, насаждало лучшие порядки.

В особенности восставало духовенство против грубых форм рабства на Руси. В поучениях и проповедях, в беседах и разговорах представители духовенства деятельно учили господ быть милосердными с рабами и помнить, что раб — такой же человек и христианин, как и сам его господин. В поучениях запрещалось не только убивать, но и истязать раба. В некоторых случаях церковь прямо требовала у господ отпустить рабов и рабынь на свободу. Получая рабов в дар, церковь давала им права свободных людей и селила их на своих землях; по примеру церкви иногда то же делали и светские землевладельцы. Хотя такие примеры были и редки, хотя увещания благочестивых поучений и не искоренили рабства, однако изменялся и смягчался самый взгляд на раба, дурное обращение с рабами

стало почитаться «грехом». Оно еще не каралось законом, но уже осуждалось церковью и становилось предосудительным.

Так широко было влияние церкви на гражданский быт языческого общества. Оно охватывало все стороны общественного устройства и подчиняло себе одинаково как политическую деятельность князей, так и частную жизнь всякой семьи. Это влияние было особенно деятельно и сильно благодаря одному обстоятельству. В то время, как княжеская власть на Руси была еще слаба и киевские князья, когда их становилось много, сами стремились к разделению государства, — церковь была едина и власть митрополита простиралась одинаково на всю Русскую землю. *Настоящее единовластие на Руси явилось прежде всего в церкви*, и это сообщало церковному влиянию внутреннее единство и силу.

§ 15. **Христианское просвещение на Руси.** Рядом с воздействием церкви на гражданский быт Руси мы видим и просветительную деятельность церкви. Она была многообразна. Прежде всего просветительное значение имели те практические *примеры* новой христианской жизни, которые давали русским людям отдельные подвижники и целые общины подвижников — монастыри. Затем просветительное влияние оказывала *письменность*, как переводная греческая, так и оригинальная русская. Наконец, просветительное значение имели те предметы и памятники *искусства*, которые церковь создала на Руси с помощью греческих художников.

Примеры благочестивой христианской жизни являли как мирские, так и церковные люди. Летописец говорит, что сам князь Владимир после крещения стал добрым и милостивым, заботился об убогих и нищих, думал о книжном просвещении. Среди его сыновей были также благочестивые князья. В среде простых людей на первых же порах после принятия новой веры являются христиане в самом высоком смысле слова. Таков, например, Иларион, из священников села Берестова (около Киева), поставленный в сан русского митрополита за свое благочестие, ученость и удивительный ораторский талант. Таков инок св. Феодосий, игумен Печерского Киевского монастыря, с детства проникнутый Христовым учением, оставивший зажиточный дом для монашеской убогой жизни и стяжавший себе славу подвижника, писателя и проповедника. Влияние подобных людей в русском обществе было очень велико и благотворно. Вокруг них собирались их последователи и ученики и образовывали целые общины, называемые монастырями. Древние монастыри не всегда были похожи на нынешние. Удаляясь из городов в лесную глушь, тогдашние монахи составляли

свое особое поселение как бы в пустыне, не имея до времени ни храма, ни монастырских стен. Их община кормилась своими трудами и терпела нужду даже во всем необходимом до той поры, пока не получала известности и не привлекала благочестивых поклонников. Строгая жизнь и трогательное братство иноков, способ хозяйства их, совершенно новый для языческой среды, основанный на личном безкорыстии иноков и на их неустанном труде на пользу братии, — все это очень сильно действовало на умы тогдашних людей. Они желали помочь благочестивой братии, чем могли: строили в монастыре храмы, дарили монастырю земли и рабов, жертвовали золото и драгоценности. Скромная община монахов превращалась в богатый и благоустроенный монастырь и делалась религиозным и просветительным средоточием для своей области. Монастырь учил не только вере, но и «книжному почитанию», и хозяйственным приемам. В монастырях образовывались целые библиотеки и процветала грамотность; почти все знаменитые писатели Киевской Руси вышли из монастырей. Хозяйство монастырей устраивалось по византийским образцам и руководилось византийскими законами и правилами. В этом хозяйстве не было рабов, потому что церковь не допускала у себя рабства, и рабочий люд пользовался гражданскими правами, хотя и был прикреплен к церковной земле. На обширных землях монастырей все хозяйственные порядки устанавливались сообразно указаниям греческого закона и отличались правильностью и строгостью. Поэтому монастырское (и вообще церковное) землевладение становилось образцом не только для частных, но даже и для княжеских земельных хозяйств.

В первое время христианская письменность на Руси не была обширна. Книги, принесенные на Русь вместе с крещением, представляли собою болгарские переводы Библии, богослужебных книг, поучений, исторических книг, Кормчей книги и т. п. Под влиянием этой болгарской письменности создавалась и собственная русская письменность, в которой главное место занимали летописи и жития святых, поучения и молитвы. Эта письменность, за немногими исключениями, не отличалась ни ученостью, ни литературным искусством. Первые киевские писатели были просто грамотными людьми, обладавшими некоторою начитанностью. Они подражали переводным образцам так, как умели, без школьной учености и риторического искусства. Тем не менее их произведения оказывали заметное влияние на духовную жизнь наших предков и содействовали смягчению нравов на Руси.

Наконец, христианская вера на Руси совершила перево-

рот в области пластического искусства. Языческая Русь не имела храмов и довольствовалась изваяниями идолов. Христианство повело к созданию громадных каменных храмов в главнейших городах. Киевский храм Успения Богоматери, получивший название Десятинной церкви потому, что Владимир уделил на его содержание «десятину» (то-есть десятую часть) княжеских доходов, был древнейшим каменным храмом в Киеве. Каменные храмы в Киеве, Новгороде и в других главнейших городах Руси были созданы вслед за Десятинною церковью. Они строились по византийским образцам и украшались богатыми мозаиками и фресками. Архитектурное дело и живопись под влиянием церковного строительства достигли в Киеве значительного развития. А с ними вместе развились и прочие искусства и художественные ремесла, в особенности же ювелирное дело и производство эмали. Первыми мастерами во всех отраслях художественного производства были, конечно, греки. Позднее под их руководством появились и русские мастера. Развилось таким образом национальное искусство. Но оно в Киевской Руси отличалось резко выраженным византийским характером и поэтому известно в науке под именем русско-византийского.

Киевское государство в XI—XII веках.

§ 16. **Князь Ярослав Мудрый.** После смерти Владимира Святого (1015), так же, как и после смерти Святослава, на Руси возникли княжеские междоусобия. Старший сын Владимира Святополк, заняв Киевский «стол», стремился истребить своих братьев для того, чтобы самому достигнуть единовластия. Из пяти братьев ему удалось умертвить трех (Бориса, Глеба и Святослава). Двое из них, князья Борис и Глеб, были застигнуты убийцами врасплох и не думали противиться старшему брату. Их мученическая смерть и их нравственная правота возбудили против Святополка общее негодование и вызвали благоговейное почтение к памяти погибших. Церковь причла их к лику святых, и в древней Руси князья-страдальцы стали примером братолюбия и кротости. Святополк же за братоубийство был уподоблен Каину и получил прозвание Окаянного. Четвертый брат Святополка Ярослав, бывший в Новгороде, уберегся от покушения Святополка, собрал войско из новгородцев и варягов и пошел на Святополка войною. Несмотря на то, что Святополку помог польский король (Болеслав Храбрый), Ярослав одолел Святополка и утвердился в Киеве, а Святополк погиб где-то в изгнании. Однако поражением и

гибелью Святополка Окаянного не окончились усобицы. У Ярослава оставался в живых последний брат — Мстислав, княживший в Тмутаракани. Между ним и Ярославом вспыхнула война, последствием которой был раздел государства: Киев и земли к западу от Днепра получил Ярослав; Чернигов и земли к востоку от Днепра получил Мстислав. И только после смерти Мстислава Черниговского Ярославу удалось восстановить единовластие в Русской земле (1034).

Правление Ярослава снискало ему на Руси большую славу и любовь; за его ум и начитанность ему дали прозвище Мудрого. Ярослав очень любил читать книги и собирал их. Для него переводили книги с греческого языка и покупали книги славянские. Собрание книг, устроенное Ярославом при главном Киевском храме св. Софии Премудрости Божией, служило на пользу общую и было доступно всем любившим книжную мудрость. Ярослав, по словам летописца, «насеял книжными словесами сердца верных людей»: он устраивал школы, строил церкви и приказывал духовенству учить людей, наставляя их в новой христианской вере. Так Ярослав являлся просветителем Руси.

Он был и ее крепким защитником, деятельно охраняя границы государства от внешних врагов. Ему удалось между прочим наголову разбить печенегов и навсегда отогнать их от Киева (1034). Главные массы печенегов вскоре после этого ушли на Балканский полуостров; те же из них, которые остались в русских степях, на границах Киевского государства, признали власть русских князей и были замирены. Вместе с другими мелкими кочевыми племенами торков они составили полуседлое инородческое население по реке Роси (правый приток Днепра) и с той поры получили у русских людей название «черные клобуки» (каракалпаки) по своим черным меховым шапкам. Значение этой победы Ярослава над печенегами не было помрачено даже неудачей предпринятого при нем набега на Византию (1043). Трехлетняя война с греками, вызванная этим набегом, была последним столкновением Руси с Византией и окончилась освобождением русских пленных, захваченных греками во время набега.

Киевское государство при Ярославе несомненно окрепло и процветало. Ярослав обладал большими богатствами, позволявшими ему предпринимать обширные и великолепные постройки (§ 15). В Киеве он выстроил замечательный храм св. Софии и несколько других каменных храмов и монастырей. В Новгороде при нем начали строить также храм св. Софии. Для своих построек Ярослав выписал из Греции мастеров и

строительные материалы и, не щадя средств, достигал удивительных результатов. Софийская церковь в Киеве была для той эпохи одним из самых богатых и прекрасных сооружений во всей Европе. Торговля Руси при Ярославе связывала Киев оживленными сношениями почти со всеми странами Европейского юга и запада. Ярослав посылал своих послов и купцов в Германию, Францию, Венгрию, Польшу и Скандинавские страны. С дружественными правителями даже отдаленных государств Киевский князь вступал в родственные связи. Сам Ярослав был женат на шведской королеве Ингигерде (Ирине); три его сына женились на дочерях германских владетелей; дочери его вышли замуж за королей французского, венгерского и норвежского, наконец, четвертый его сын Всеволод был женат на родственнице византийского императора Константина Мономаха. Таким образом, Русь при Ярославе вошла в состав европейских государств, и город Киев получил значение одного из крупных европейских центров, которому принадлежало торговое посредство между европейскими рынками и востоком.

§ 17. Порядок княжеского владения после Ярослава Мудрого. Единовластие, восстановленное Ярославом Мудрым после mnogой смуты, окончательно исчезло на Руси с его кончиною (1054). При сыновьях и внуках Ярослава Киевское государство постепенно утратило свое единство и превратилось в ряд отдельных волостей, объединенных только тем, что у них была одна церковь и один княжеский род. Так как члены княжеского рода находились в постоянной вражде и междуусобии, то и волости, управляемые ими, не хранили мира между собою и чем далее, тем более питали взаимное отчуждение. Последствием такого политического беспорядка был общий упадок Киевской Руси — и политический, и экономический. Только что победившая печенегов Русь не могла собрать достаточно сил для борьбы с новым кочевым народом — половцами, которые появились в южных степях с середины XI века. Отлично пользуясь неурядицами на Руси, половцы «несли розно» Русскую землю: грабили ее и мешали русской торговле, захватив все пути из Руси на восток и юг. Общее разорение и обеднение было результатом княжеских усобиц и половецкого разбоя, и Киевская Русь понемногу захирела и запустела. Уже к XII столетию, всего лет 150 спустя по смерти Ярослава, Киевское государство можно считать распавшимся на несколько частей, а самый Киев — запустевшим и обедневшим городом.

Одной из причин такого бедствия был порядок княжеского владения, установившийся на Руси после Ярослава. Ярослав, по преданию, сам посадил своих сыновей по городам, так что

старшему из них Изяславу достались Киев и Новгород, следующему — Святославу — Чернигов, следующему — Всеволоду — Переяславль и т. д. Старший брат почитался старшим или «великим» князем, но он не один владел государством. Князья стояли на той мысли, что Русская земля принадлежала всему княжескому роду. Старший князь, как родовладыка сидел в старшем городе Киеве, а прочие князья по родовому старшинству размещались в городах, более или менее значительных или богатых. Все князья самостоятельно управляли своими городами и каждый из них, как сын великого князя, надеялся со временем сам стать великим князем, когда умрут его старшие братья и он станет старшим в роде над своими братьями, сыновьями и племянниками. По родовому наследованию, великому князю наследовал не его сын, а его брат, старший после него, а если не было в живых его братьев, то его страший племянник, то-есть сын его старшего брата. Поэтому, когда в Киеве умирал великий князь, его место по праву должен был заступить его брат, сидевший в Чернигове, а на его место в Чернигов переходил третий брат из Переяславля и т. д. Со смертью великого князя все князья подвигались на одно место ближе к Киеву, «восходили лестницею» к великому княжению, пока, наконец, его не достигали. Если же какой-либо князь умирал, не достигнув великого княжения в Киеве, то его дети теряли права свои на наследство в княжеском роде и считались «изгоями», которым уже «не было части в Русской земле». Сыновья же умершего великого князя, не оставаясь в Киеве, получали от нового великого князя особые волости на ряду с прочими родичами.

Таковы были правила родового владения, признаваемые всеми членами княжеского рода. Но эти правила очень трудно было соблюдать: уже первые наследники Ярослава Мудрого дошли до ссор и междоусобий, не сумев примирить и согласовать свои притязания. Киевский князь Изяслав Ярославич был изгнан из Киева сначала киевлянами, а затем, когда ему удалось туда вернуться, его вторично прогнали оттуда родные братья его Святослав и Всеволод. Изяслав ушел в Германию и искал там помощи (у императора Генриха IV и папы Григория VII), однако без успеха. В Киеве укрепился Святослав и княжил там до своей смерти. Только по кончине Святослава Всеволод уступил Изяславу Киев; Изяслав снова стал (уже в третий раз) киевским князем и скончался на великокняжеском столе. После него Киев перешел к Всеволоду. Таким образом сыновья Ярослава Мудрого княжили в Киеве в таком порядке: Изяслав, Святослав, Изяслав, Всеволод. Если бы

Святослав не захватил силою Киева и соблюдал бы обычай родового старшинства, то он не был бы вовсе великим князем, так как умер раньше своего старшего брата Изяслава.

Основываясь на этой мысли, Изяслав и Всеволод после смерти Святослава сочли его сыновей, Олега и Ярослава, изгоями и не пустили их в их «отчину» Чернигов. Началась тяжёлая усобица между князьями и шла много лет в княжение Изяслава, Всеволода и сына Изяслава Святополка II (который, как старший племянник, наследовал в Киеве своему младшему дяде Всеволоду). В этой усобице приняли участие не только сыновья великих князей (то-есть Святополк, сын Изяслава; Олег и Ярослав, дети Святослава; Владимир Мономах, сын Всеволода), но и другие князья-изгои, внуки и правнуки Ярослава, отцы которых умерли, не дождавшись великокняжеского стола. Таких князей-изгоев было несколько: великие князья или просто лишали их всякого наследства, или же давали им бедные волости на окраинах государства. В усобице, действуя насильем, изгои искали теперь возможности улучшить свое положение и получить свою часть в Русской земле. После многих лет борьбы князья решили покончить свои счёты на общем съезде и в 1097 году собрались в г. Любече. Там общим советом решили, чтобы каждый князь «держал отчину свою», то-есть, чтобы Святополк остался в Киеве, где сидел его отец Изяслав, а дети Святослава получили Чернигов, некогда принадлежавший их отцу, а Владимир Мономах сел в Переяславле, где сидел его отец Всеволод. Таким образом Святославичи, сочтенные ранее за изгоев, были признаны теперь полноправными князьями. Что же касается до прочих князей-изгоев, то их устроили землями на юго-западных границах Руси.

Однако и после съезда смуты не кончились, а потому и постановление съезда не было соблюдено. Когда в Киеве умер великий князь Святополк (1113), киевляне не захотели принять на киевский стол старейших в роде князей Святославичей из Чернигова, а просили к себе Владимира Мономаха из Переяславля. Святославичей в Киеве считали виновниками смут, а Мономаха любили, как защитника порядка и правды. Мономах сначала отказался идти в Киев мимо старших князей; но упорство киевлян заставило его согласиться, и таким образом народное избрание нарушило правильность родового преемства великокняжеского стола.

Из сказанного ясно, в чем заключались причины политических неурядиц в Киевской Руси: во-первых, установившийся после Ярослава Мудрого порядок княжеского владения и

наследования был вообще очень сложен, а кроме того и несправедлив по отношению к князьям-изгоям; поэтому всегда бывали князья недовольные, обделенные и обиженные. Вторых, сильнейшие князья в отношении слабейших часто допускали прямые обиды и насилия: братья, например, изгнали слабого Изяслава из Киева; дяди обидели своих племянников Святославичей. В-третьих, население, терпевшее от княжеских ссор, не хотело признавать княжеского старейшинства и не всегда повиновалось князьям: киевляне, например, изгнали от себя Изяслава, не пустили к себе Святославичей. Понятно, что при таких условиях правильное наследование столов стало невозможным и родовой порядок преемства власти должен был пасть.

§ 18. Владимир Мономах и судьбы Киевского великокняжеского стола до 1169 года. Избрание Владимира Мономаха на Киевский стол было признано всем народом, который очень любил его, и всеми князьями, которые боялись и уважали Мономаха. Мономах вступил на великое княжение, уже имея 60 лет от роду, будучи богатым и сильным князем. Власть свою он умел держать крепко: те из князей, кто решался идти против его воли, жестоко платились за наклонность к междоусобию. Великий князь умел смирить непокорных и поддержать порядок в стране. Точно также умел он быть грозным и для половцев, которые при нем не смели тревожить Русь. Понятно поэтому то чувство преданности и любви, какое питали к Мономаху русские люди. Он был самым чтимым князем и при жизни своей, и после смерти. Летописец называет его «чюдным князем», «милостивым паче меры» и «жалостливым». Личные свойства Мономаха узнаем мы из его собственных произведений, которые летописец приводит в своей летописи. Это — «поучение» детям и «послание» к князю Олегу Святославичу. Мужественный и деятельный, скромный и честный, благочестивый и милостивый, Мономах учит своих детей не лениться и самим трудиться, не полагаясь на слуг; быть гостеприимным и щедрым; веровать в Бога и проявлять свою веру добрыми делами: покаянием, слезами и милостынею; держать клятву, любить мир, не гордиться и защищать слабых. В письме к Олегу Святославичу Мономах кротко жалуется на то, что Олег, не ища мирного соглашения, начал с ним войну. В этой войне погиб один из сыновей Мономаха (Изяслав), и Мономах просит Олега освободить из плена жену убитого сына.

Утверждение в Киеве Владимира Мономаха мимо его старших родичей повело к падению родового единства в среде киевских князей и обострило вражду между разными ветвями

княжеского рода. После смерти Мономаха Киев достался не братьям его, а его сыновьям, и обратился таким образом в семейную собственность Мономаховичей. После старшего сына Мономаха, очень способного князя *Мстислава* (1125—1132), в Киеве один за другим княжили его родные братья. Пока они жили дружно, их власть в Киеве была крепка; когда же у них начался разлад, то против них поднялись сидевшие в Чернигове князья Ольговичи (сыновья и внуки Олега Святославича) и не раз силою завладевали Киевом (среди них особенно выдавался князь *Всеволод Ольгович*, которому удалось захватив Киев, владеть им до самой своей кончины). Но Мономаховичи, в свою очередь, не желали отказаться от обладания Киевом и тем самым признать над собою старшинство Ольговичей. Разгорелась долгая и упорная борьба за Киев. Победа в ней осталась, в конце концов, за потомством Мономаха. Со стороны Мономаховичей самыми видными борцами были старший внук Мономаха, *Изяслав Мстиславич*, и его сын, правнук Мономаха, *Мстислав Изяславич*. Оба они напоминали своего предка Мономаха воинскою доблестью. В особенности Изяслав Мстиславич выделялся из среды прочих князей своими талантами и отвагою: он был, как один из самых любимых князей южной Руси, восторженно прославлен летописью.

Но, побеждая Ольговичей, эти старшие Мономаховичи должны были бороться и с своею ближайшею роднею — Мономаховичами младшей линии. К ней принадлежали меньший сын Мономаха *Юрий Долгорукий* и сын Юрия *Андрей Боголюбский*. Обыкновенно бывало так, что когда кто-либо из старших Мономаховичей отбивал Киев от Ольговичей, то на него ополчались родные его дяди, Мономаховичи же, и во имя своего семейного старшинства стремились сами утвердиться в Киеве. Так дядя Юрий Долгорукий воевал с племянником Изяславом Мстиславичем, а дядя Андрей Боголюбский воевал с племянником Мстиславом Изяславичем. В конце концов, Киев достался Андрею Боголюбскому (1169). Но к этому времени обстоятельства на Руси так переменялись и Киев так явно склонился к упадку, что Андрей не пожелал сам сидеть в Киеве и остался в любимом своем Ростово-Суздальском краю. Киев же, ограбленный и сожженный его войсками, был передан одному из подручных Андрею младших князей.

Таковы были судьбы Киевского великокняжеского стола. Он был жертвою постоянных междоусобий, возникавших вследствие того, что родовые понятия князей не соответствовали правильному государственному порядку. Не умея выработать правильного наследования власти и помирить притязания раз-

ных ветвей многолюдного княжеского рода, князья для решения своих споров очень легко обращались к оружию и начинали междоусобия («которы» и «коромолы») и в них «несли розно» Русскую землю, губили и свои, и земские силы. Во время борьбы за Киев в XII веке обнаружилось ясно, что княжеский единый род распался и что вместо него стало существовать несколько взаимно враждебных его ветвей, обратившихся как бы в особые роды. Эти ветви владели каждая своею «отчиною»: Ольговичи владели Черниговом, Северскою землею и Рязанским краем; Мономаховичи старшие — Смоленском, Переяславлем и землями на Волыни; Мономаховичи младшие — Ростово-Суздальским краем. В Полоцке со времен Владимира Св. сидела особая княжеская ветвь, родоначальником которой был сын Владимира и его языческой жены Рогнеды князь Изяслав. Все эти ветви желали владеть Киевом, как столицей единого когда-то государства, и из своих гнезд силою «добывали» Киев друг у друга. Понятно, что при постоянной общей вражде киевский князь уже не мог быть на самом деле единовластным государем и не мог рассчитывать на общее ему повиновение. Его не слушались ни князья, ни отдельные города. Каждая семья князей имела своего отдельного старшего «великого князя». Каждый большой город, не жалая быть жертвою княжеских смут, хотел сам устраивать свои дела и норовил вступить с своим князем в договор с целью охранить себя от княжеского произвола. Государство, словом, разлагалось и потому слабело и беднело. Вместо единой Руси образовалось много «волостей», разрозненных и взаимно враждебных.

§ 19. Борьба со степью и упадок Киевского государства. Политическая неурядица была первым бедствием Киевской Руси. Вторым бедствием ее было соседство кочевников. Выше было сказано, что беспокоившие Русь печенеги были разбиты и прогнаны от Киева Ярославом Мудрым (1034). Вскоре после этого они совсем ушли из русских степей на Балканский полуостров. На их место из Азии появилось новое кочевое племя половцев, более сильное и беспокойное, чем печенеги. Впервые в 1061 году половцы напали на русских и с тех пор непрерывно беспокоили русские области своими набегами и разбоями. Они нападали врасплох на села и города, жгли их и разоряли, жителей убивали или уводили в плен. Пленных они обращали в своих рабов или же продавали в рабство в Крым, откуда рабы развозились в разные страны Европы и Азии. В лучшем случае, после многих страданий, пленные выкупались обратно на Русь или же убегали сами из половецкого плена. Набеги половцев на Русь были так часты, что их нельзя и перечить:

наиболее крупных насчитывают около 50 в полтора-два года (1061—1210). Разумеется, от половецкого «зла» страдали больше всего южные Русские волости, которые прилегали к степям: Киевская, Переяславская, Черниговская (Северская) и др. Чем больше бывало здесь междоусобий, тем свободнее и удобнее могли половцы проникать на Русь. Иногда сами князья вмешивались «поганых» в свои распри и показывали им путь в Русскую землю, обращаясь к ним за военной помощью и натравливая их на своих врагов — русских же князей.

Но так бывало, конечно, не всегда. Обыкновенно князья заботились об обороне русского населения и, как могли, боролись с половцами. Во 1-х, они так же, как и ранее против печенегов, строили против половцев укрепления на границе. Эти укрепления представляли собою сплошной вал со рвом; он тянулся на десятки верст по степи и закрывал собою вход в русские земли. Через него можно было проникнуть лишь в нарочно устроенные ворота, прикрытые укрепленными городами, в коротких всегда находилась стража. Если половцам удавалось так или иначе перебраться за вал, население спасалось в этих городах и отсиживалось в осаде, пока половцы не уходили. Не довольствуясь постройкою укреплений, князья держали на своих границах вооруженные отряды для наблюдения за степью. Иногда эти отряды составлялись из замиренных печенегов и торков («черных клобуков»), которых нарочно селили на границах государства — в степи, чтобы они сохраняли подвижность и удаль кочевников и тем успешнее боролись со своими исконными врагами, такими же кочевниками, половцами. Иногда же сами князья берегли границу с собственными дружинами. Во 2-х, принимая на своих границах оборонительные меры, русские князья пытались, сверх того, и сами переходить в наступление: они нападали на половцев в местах их кочевий для того, чтобы внушить им страх, отогнать их подальше от Руси и освободить от них торговые дороги, ведущие через степи к южным морям. Из всех князей в особенности Мономах отличался способностью переносить войну в половецкие кочевья, не ожидая половецких набегов на Русь. Он старался мирить усобицы и соединять силы враждующих князей против общего всем врага. Для этого он устраивал княжеские съезды и на них увещевал князей идти в степь на «поганых». Знаменит из таких съездов Долобский съезд (на Долобском озере близ Киева), на котором Владимир уговорил великого князя Святополка Изяславича начать поход на половцев. Последствием этого похода был разгром половецких сил (1103). К сожалению, после Мономаха постоянные усобицы князей

не только давали половцам возможность оправляться от наносимых им ударов, но и вели к непрерывному их усилению. Половцы все более и более наседали на русские окраины, а наступательные действия против них русских князей становились менее часты и удачны. Так, предпринятый в 1185 году в половецкие степи поход северских князей Игоря и Всеволода Святославичей (внуков Олега Святославича Черниговского), окончился их поражением и пленом. Подробности этого несчастного похода изложены в летописи и воспеты в знаменитой песни, носящей название «Слова о полку Игореве — Игоря, сына Святославля, внука Ольгова». Поражение русских дружин в далекой степи, плен нескольких князей и удачный побег Игоря из плена сильно подействовали на умы русских людей. Причину неудачи Русь видела в отсутствии мира и согласия среди своих князей. Составитель «Слова о полку Игореве» горько жалуется на эту беду и призывает князей к единству и миру. Но увещания не помогли, князья продолжали ссориться, а половцы продолжали надвигаться на Русь. Наиболее близкое к степям Переяславское княжество во второй половине XII века было почти занято половцами, которые в нем уже «жили», а не только его грабили наездом. Степные дороги оказывались совсем во власти кочевников. Русь потеряла свои владения на Азовском море (Тмутаракань), так как пути к ним были заняты половцами. Только с большим трудом русские купцы могли добираться через степь до Черного моря, и потому торговля Руси с Грецией постепенно падала и, наконец, совсем замерла. А вместе с этим упало и прежнее значение Киева. Отрезанный кочевниками от южных морей, Черного и Каспийского, Киев уже не мог посредничать в торговле Европы с востоком. Эта торговля нашла себе в ту эпоху иные пути, открытые благодаря Крестовым походам, и пользовалась Средиземным бассейном. Киев же беднел и глож. Население южно-русских княжеств, не находя от постоянных усобиц и разбоев ни безопасности, ни заработка, понемногу оставляло свои места и переселялось подальше от степи, или на север, или на запад. Так совершалось постепенное падение Киевского государства, утратившего свое политическое единство и торговое оживление.

§ 20. Устройство отдельных волостей или княжеств Киевского государства. Как мы видели, Киевское государство в IX веке составилось из отдельных «волостей» или «княжеств», в которых когда-то сидели варяжские или же славянские князья, покоренные или истребленные киевскими великими князьями. Пока киевские князья были единовластны, волости повинно-

вались им и управлялись княжескими наместниками («посадниками») из Киева. В должности таких посадников бывали как сыновья великих киевских князей, так и их дружинники. Когда же единовластие было утрачено и княжеский род разноможился и разделился на ветви, тогда в каждом значительном городе оказались свои князья. Не все они хотели повиноваться киевскому князю; очень часто они враждовали именно с киевским великим князем и старались стать от него независимыми. Понемногу связь волостей с Киевом слабела и слабела; в XII веке Киевское государство снова превратилось в ряд волостей или земель, друг от друга обособленных. Важнейшими из них были земли: *Киевская, Чернигово-Северская, Волынская и Галицкая* — в южной половине Руси; *Полоцкая, Смоленская, Новгородская, Ростово-Суздальская и Муромо-Рязанская* — в северной половине Руси.

В центре каждой из таких волостей или земель был город старший или «великий», которому повиновалась вся волость и младшие в ней города, «пригороды» старшего города. По словам летописца, «Новгородци означала и Смоленяне и Княне и Полочане и вся власти (то-есть волости), якоже на думу, на веча сходятся; на что-же старшии сдумают, на том же пригороди станут». Обычай вечевых совещаний существовал издревле в родовых союзах и общинах. Когда волости жили обособленно, они управлялись вечами: вече призывало и рядило князя; вече выбирало «старейшин» или «старцев» для управления мирскими делами; вече судило своих сограждан, начинало войны и заключало мир с соседями. Когда Киевская династия подчинила себе волости, деятельность вечевых собраний, естественно, сузилась: они стали ведать только свои местные общинные дела. Когда же в XII веке Киевская династия ослабела в междоусобиях, веча в волостях возвратились к прежней самостоятельности. Они вступали с князьями в договоры (ряды), призывали князей, угодных им, и не пускали в город князей нелюбимых; старались влиять на ход княжеских усобиц, требуя прекращения их или возбуждая войну против враждебных городу князей. Для управления делами своего города вече выбирало своих людей, «старейшин». В их среде одним из самых заметных бывал *тысяцкий*. Тысяцкий начальствовал над городским ополчением, носившим название «тысячи»; ему были подчинены «сотские» и «десятские», начальники меньших отрядов. Когда князья были сильны и пользовались большою властью в волостях, то тысяцких назначали они; с падением их власти, право выбирать тысяцкого переходило к вече. Вече старших городов присваивало себе власть посылать от

себя *посадников* в пригороды; а иногда, как, например, в Новгороде, оно и для самого старшего города избирало своего посадника, независимо от князя и княжеских чиновников. Так укреплялось в городах вечевое управление, с которым князьям приходилось считаться, а иногда и бороться.

Вечевые порядки нам мало известны, потому что от вечевых собраний не сохранилось никаких письменных документов. Обыкновенно на вече по звону колокола сходились все свободные взрослые люди города; если в городе бывали приезжие из пригородов люди, то и они шли на вече. Дело докладывалось вече или князем, если вече собирал князь, или «старейшинами града», выборными властями города, составлявшими особый совет. Вече криком высказывало свое мнение. Для решения дела требовалось, чтобы все стали согласно на одной мысли; отдельных голосов не считали, а на глаз убеждались, что нет заметных возражений против господствующего мнения. Если же возражения были громки и упорны, и меньшинство не желало подчиниться большинству, то дело доходило до открытой ссоры и междоусобий; меньшинство подавлялось даже силою. Определенного времени для созыва вечевых собраний не было: вече «звонили», когда являлась в нем нужда. Местом собраний бывала обыкновенно открытая городская площадь.

Одновременно с вечевою властью в городах действовала и власть княжеская. Князь, как и в древнее языческое время, был по преимуществу военным охранителем волости, за что и получал с волости «дань». С своею дружиною он становился во главе земского ополчения, «тысячи», и вел ее на врага. В мирное время князь принимал участие в управлении волости: судил суд по важнейшим делам, предоставляя менее важные дела своим «тиунам» (слугам); руководил деятельностью веча, созывая его и докладывая ему дела; сносился с соседними волостями и иноплеменными владетелями по политическим и торговым делам. Все, что князь делал, он делал с своею дружиною. Она состояла из двух частей: старшей дружины и младшей дружины. Первую составляли «бояре» и «мужи» — свободные и даже знатные княжеские слуги; вторую составляли «гриди» и «отроки» — несвободные и полусвободные воины и работники. Из старшей дружины князь составлял свою «думу» — совет по всем государственным делам; в эту думу приглашались иногда и городские «старейшины» или «старцы». Из своей дружины князь выбирал своих заместителей в города и вообще судей и чиновников. Без бояр князь не предпринимал никаких важных дел, потому что бояре, служа по добровольному уго-

вору, могли отказаться помогать князю в таком деле, которое он замыслил без них. Они могли уйти от одного князя к другому, «отъехать» от своего господина, и это не считалось тогда изменою. Каждый боярин имел собственную дружину, иногда очень многолюдную, и владел землями, а потому и пользовался большим значением и почетом в тогдашнем обществе. Младшая дружина князя, вполне от него зависимая, составляла его дворню и его войско. Чем многочисленнее была княжеская дружина, тем сильнее был сам князь. Вот почему князья очень заботились о дружине, привлекали к себе бояр и слуг и старались их хорошо обеспечить, чтобы крепче к себе привязать. Получая дань с своей волости и пошлины с своего суда, князья обращали эти средства, главным образом, на содержание дружины. Имея у себя богатые и благоустроенные села, князья и с них доходы делили с дружиною. Численность княжеской дружины иногда доходила до тысячи человек.

§ 21. Состав населения в Киевской Руси. Люди, служившие князю и составлявшие его дружину, были особым классом киевского населения. Так повелось еще с варяжской эпохи, когда князья с их варяжскими дружинами были иноплеменными пришельцами среди русских славян. Служба князю считалась почетною и давала дружинникам высокое общественное положение. Только на княжеской службе можно было сделаться «боярином», то-есть вступить в ряды тогдашней аристократии. Остальная масса киевского общества, как и в чыческую пору, состояла из двух главных слоев: людей свободных и рабов. С развитием городской жизни и торговой деятельности, в составе свободных людей или «мужей» стали различать горожан от сельского населения. Горожане назывались «градскими людьми» и делились на «лучших» или «вятших», то-есть зажиточных, и «молодших» или «черных», то-есть бедных. По занятиям своим они назывались «купцами» и «ремесленниками». Сельское население носило название смердов. Смерды были свободные люди, имели свою пашню и свое хозяйство. Если смерд шел в батраки к другому землевладельцу и работал на его земле, пользуясь хозяйским скотом и орудиями, то но уже не считался самостоятельным человеком и носил название «закупа». Закуп, однако, не был рабом: он мог снова стать смердом, если только мог рассчитаться со своим хозяином и завести собственное хозяйство. Смерды жили общинами, носившими название «верви» или «погоста» и платили подати (или «дань») князю. Особо от мирского населения, подчиненного князьям и вечам, стояло известное нам церковное общество, подчиненное рускому митрополиту: ду-

ховенство, монастыри, изгой и церковные рабочие, «страдные» люди. Как и в языческие времена, продолжало существовать холопство, то-есть рабство. Попрежнему продавали и покупали рабов, обращали в рабство пленных и несостоятельных должников: так как рабство было бессрочным, то дети рабов сами становились рабами. Влияние христианства смягчало отношение господ к их рабам, но не могло искоренить самого обычая. В господских «боярских» селах все рабочее население состояло обыкновенно из «челяди», то-есть холопов, которые пахали на своего господина пашню и вели все его хозяйство.

§ 22. Русская Правда и успехи гражданственности в Киевской Руси. Со времен языческих гражданский порядок в Киевской Руси сделал заметные успехи. Мы знаем, как жестоки были нравы и как грубы были общественные отношения в языческую пору (§ 13). Со времени Владимира Св. и Ярослава Мудрого князья постоянно проявляли намерение установить в государстве лучшие обычаи и создать закон, который водворял бы в обществе справедливость и порядок. По словам летописи, Владимир Св., под влиянием митрополита, начал сурово преследовать разбойников, очевидно, рассматривая разбои не как частную обиду, а как преступление против государства. Ярослав Мудрый, по преданию, судя суды, создал первый на Руси письменный сборник законов, известный под названием «Русской Правды». После Ярослава Русская Правда дополнялась и переделывалась, повидимому, частными лицами, которые вносили в нее «законы» и «уставы» сыновей и внуков Ярослава. Русскою Правдою руководились судьи как светских княжеских, так и церковных судов. Назначение Русской Правды заключалось в том, чтобы сначала ограничить, а затем и вовсе отменить варварский обычай кровной мести, а вместо частного возмездия за обиду и убийство ввести наказание от суда. В древнейшем своем виде Русская Правда дает право мести за убийство не всему роду, а только ближайшим родственникам убитого. Позднее же в Русской Правде появляется закон, установленный сыновьями Ярослава и заступающий вовсе месть: взамен мести устанавливается *вира* (штраф, взимаемый князем, как наказание за преступление) и *головничество* (вознаграждение в пользу родственников убитого). Вместе с тем, подобно *вире* и *головничеству* за убийство, Русская Правда устанавливает штрафы за всякую обиду действием и за сокорбления. В этих случаях также не допускается самосуд и личная расправа. Все денежные взыскания определяются гривнами серебра или кунями. Под словом *кунь*

тогда разумели старинные деньги, состоявшие из ценных мехов, на которые менялись другие товары. Позднее вместо кун стали употреблять серебро; из него делали слитки определенного веса и ими платили, как монетою. Такие слитки, называемые *гривнами*, обыкновенно весили от 48 до 36 золотников. За убийство княжеского дружинника взималась наибольшая вира — 80 гривен, за убийство свободного человека — 40 гривен и за убийство женщины — 20 гривен. По тогдашним условиям это были крупные суммы. Так закон старался охранить всякую личность от насилия и заменить грубый самосуд частной мести правительственною карою и судебным правосудием. Точно также Русская Правда охраняла и частное имущество от воровства и грабежей, устанавливая за них различные наказания. Рассматривая челядь (рабов), как имущество их господ, закон давал господам большую власть над их рабочими людьми и налагал большие наказания за похищение холопов у их хозяев, за бегство холопов и за укрывательство беглых рабов. Таким образом, закон как бы поддерживал рабство, уступая в данном случае развитому на Руси обычаю рабовладения. В общем же Русская Правда свидетельствует о том, что в Киевской Руси были уже заложены начала правильного гражданского порядка и что языческий быт значительно уступил влиянию христианства и византийской образованности, принесенной на Русь христианством.

В развитии гражданского порядка на Руси в XII веке надобно отметить и еще одну важную сторону. В то самое время, когда нарушалось государственное единство на Руси и начался хозяйственный упадок южных волостей, — в обществе народилось национальное чувство и сознание народного единства. Князья разных ветвей княжеской династии, ссорясь между собою, помнили, однако, единство своего рода и говорили о себе, что они «одного деда внуки» и владеют одною землею. Жители различных волостей знали, что эти волости составляют части единой «Русской земли», и они готовы были в минуты опасности лечь костями за всю землю Русскую. Летописец, составляя в Киеве свою летопись, желал рассказать в ней, откуда пошла «Русская земля», откуда «Русская земля стала»: он понимал, что его родной город Киев есть сосредоточие не одной волости Киевской, а всей земли, единой и великой Русской земли. Певец «Слова о полку Игореве» рассказывает о походе и поражении окраинных северских князей; но он постоянно зовет их самих и их дружины «русичами» и «русскими полками», даже «Русскою землею». По выражению «Слова», когда Игорь попал в плен, плачет по нем

вся Русская земля, а не одна его Северская волость, точно так же, как стонет вся земля, поминая своих первых князей, при которых не было усобиц. Сознание единства своей земли, любовь к своей земле, горькое чувство жалости при виде ее страданий от княжеской распри и от «поганных» половцев, — вот те чувства, которыми проникнуты русские люди во всех русских волостях. С большим воодушевлением зывают они к своим князьям, чтобы те «сами на себя крамолу не ковали», не желали бы большей волости, не противились бы старейшей братии и жили бы меж собою в мире.

Деятельность первых варяжских князей объединила племена русских славян в одно государство. Но это объединение было чисто внешним механическим соединением чуждых взаимно областей. Культурные сношения с Византией повели к распространению на Руси христианства и к основанию православной церкви в молодом Русском государстве. Новая религия и принесенная ею византийская образованность имели сильное внутреннее влияние на Русь и сплотили русские волости в одно целое культурными связями. Государственное единство пало от междоусобий княжеского рода; но культурные связи оказались крепкими и создали из русских племен один, сознающий свое единство, народ. В этом заключается главное историческое значение Киевского периода русской истории.

ГЛАВА ВТОРАЯ

§ 23. **Образование новых государственных центров на Руси и появление новых внешних врагов Руси в XIII веке.** К исходу XII века падение Киева стало совершенно очевидным. Этот великолепный город, возбуждавший удивление иностранцев своею красотою и богатством, стал беднеть и пустеть. Население Киева и окружающих его Днепровских волостей начало искать других мест для поселения, убегая от половецкого разорения и княжеских усобиц. Оно уходило всего чаще на запад, в сторону Карпатских гор, или же на север, в лесную область вятичей и далее за нее, в так называемое «залесье» на верхней и средней Волге. На Карпатских нагорьях и в лесах Поволжья кочевники не были страшны: они туда не доходили; не страшны были и княжеские «короделы», потому что князья спорили между собою не за окраины, а за государственный центр Киев. И вот на окраинах Русской земли, на смену старому Киеву, к XIII веку возникают три различных центра государственной жизни, вокруг которых начинает сосредотачиваться русская народность. Эти центры суть: «господин Великий Новгород», ставший самостоятельным и обособленным государством; затем новый город Владимир, основанный в Ростово-Суздальской земле, и, наконец, город Галич на Днестре. Самым прочным из них стал Владимир, из которого пошло объединение северно-русских племен; а наименее устойчивым оказался Галич, подпавший вскоре иноплеменному завоеванию. В то самое время, когда Киев шел к упадку, эти города росли, крепили, богатели и привлекали к себе население. В Новгороде развилось вечевое управление, приведшее Новгород к республиканскому устройству. Во Владимире выросла единоподержавная власть князя. В Галиче очень сильное влияние на дела получили бояре. Все эти политические силы — веча, князья и бояре — в Киевском государстве находились в состоянии неустойчивого равновесия, боролись одна с другою и потому розно несли Русскую землю.

В каждой из новых областей одна какая-нибудь сила, твердо возобладав над прочими, стала во главе государственного порядка. Поэтому-то история новых государств, сменивших собою Киевское, пошла неодинаковым путем, и судьбы этих государств оказались весьма различны.

В то же приблизительно время, когда вместо Киева обозначились новые столицы, то-есть в начале XIII века, у Руси появились новые враги. С юго-востока на смену половцам внезапно пришли новые кочевники — *татары* и обрушились на Русь, разорив и поработив ее. На северо-западе, у Балтийского моря, начали наступать на Литву и Русь *немцы*, образовавшие свои колонии на устьях Зап. Двины, Немана и Вислы. Еще севернее их, на Финском заливе и р. Неве, появились *шведы* и начали тревожить Новгородские земли. Под напором немцев *литовцы* пришли в движение, стали объединяться и сами стали нападать на пограничные русские волости. Под ударами всех этих врагов должны были русские люди устраивать свой новый порядок. Новгород устоял против шведов и немцев и сохранил свою независимость. Но юго-западные русские области — Поднепровье — были покорены сначала татарами, а затем Литовскими князьями. Восточная же Русь, разоренная татарами, надолго подпала татарскому игу. В новой тяжелой обстановке Русскому народу пришлось употребить большие усилия для того, чтобы просто выжить и уцелеть, пришлось бороться за самое свое существование. Народными героями этой эпохи стали именно те князья, которые умели соединять народные силы для этой борьбы и выступали добрыми страдальцами за землю Русскую. Такими были князь Александр Невский — в северной Руси, князь Даниил Галицкий в южной Руси, князь Довмонт — выходец из Литвы во Псков.

Эта тяжелая эпоха, пережитая Русью в XIII веке, составляет переход от истории Киевского государства к истории тех государств, которые его заменили, а именно: Новгородского государства, великого княжества Владимирского и великого княжества Литовского.

Новгородская Русь.

§ 24. **Город Новгород Великий и его страна.** Новгород расположен по обоим берегам р. Волхова, при истоке Волхова из озера Ильменя. Среди болот и низменностей Новгород занял ближайšie к озеру возвышенные места по течению реки. На правом берегу Волхова находилась «Торговая

сторона» города; на левом — «Софийская сторона». Торговая сторона получила свое название от «торга» — рыночной площади и торговых дворов и рядов; вся Торговая сторона делилась на две части, называвшиеся «концами». Софийская сторона называлась так потому, что в ее центре находился знаменитый храм Св. Софии, построенный Ярославом Мудрым. На этой стороне было три «конца» города и, кроме того, среди них внутренняя крепость — «детинец» (иначе — «кремль»). Думают, что первоначально концы города были отдельными самостоятельными поселками, которые лишь впоследствии слились в один город с общим «торгом» и «детинцем» в середине. По отношению к старым отдельным «концам» новый общий город и на самом деле назван «Новгородом». В течение всей Новгородской истории «концы» Новгорода сохраняли внутреннюю самостоятельность и имели каждый свое самоуправление. Таким образом, «господин Великий Новгород» слагался из пяти «концов». Соответственно пяти концам города вся волость Новгорода разделялась на пять провинций, носивших название «пятин». Кругом Онежского озера (и до Белого моря) лежала Обонежская пятина; кругом Ладожского озера (и до Финского залива) лежала Водьская пятина. На юго-запад от Новгорода и Ильменя шла пятина Шелонская (по реке Шелони), а на юго-восток — пятина Деревская. Эти четыре пятинны своими границами подходили к самому Новгороду. Пятая же Бежецкая пятина лежала вдали от Новгорода на восток, на водоразделах между р. Мстою и притоками Волги. Эти пять пятин составляли территорию Новгородского государства. За ним, на северо-восток, по рр. Онеге, Сев. Двине, Мезени, Печоре и по всему побережью Белого моря простирались зависимые от Новгорода «земли Новгородские»: Заволочье (по р. С. Двине) Тре или Треская земля (на севере Белого моря), Печора (на р. Печоре), Пермь (на р. Вычегде), Вятка (на р. Вятке) и др. Как в древнем Риме государственною землею была Италия, а земли вне ее были особыми «провинциями» (*praedium ropuli romani*), так и в Новгороде Великою государственною землею были «пятинны», а «земли» вне их играли роль зависимых провинций, бывших предметом новгородской эксплоатации.

Таков был состав Новгородских владений в эпоху процветания Новгорода (XIII—XIV вв.). Хозяином этих владений был «Новгород Великий» — старший город со всем его свободным населением. Новгородцы называли все свои владения «землею Святой Софии», олицетворяя свое государство в своем главном храме, в общей народной святыне. Подчиненные Нов-

городу города они звали «пригородами» Новгородскими. Все эти пригороды были в западной половине их государства (на запад от рек Волхова и Ловати). С запада и юго-запада грозили Новгороду чужеземные враги: шведы, немцы и литва; от них Новгород и заслонялся крепостями. Важнейшие из пригородов были: Псков (впоследствии отделившийся от Новгорода), Изборск, Старая Руса, Ладога; небольшие же укрепленные городки на запад и юг от Новгорода и Пскова считались десятками. На восток от Новгорода, напротив, совсем не было городов, ему подчиненных: там роль городов исполняли маленькие неукрепленные селения, носившие названия «рядков» и расположенные, главным образом, по рекам (Боровичи на Мсте и др.). Таких рядков было много, но в каждом из них не было более 100—200 дворов. Если не считать городов Пскова и Старой Русы, то можно сказать, что и все Новгородские пригороды были не велики: они были сильны своими укреплениями, но бедны населением и имели тоже по 200, много по 300 населенных дворов. По сравнению с ними Новгород и Псков можно назвать огромными городами, потому что в них было по 6—7 тысяч дворов, если не более. Вообще в древней Руси не было городов многочисленнее Новгорода и Пскова. Стало быть, при слабой населенности страны, эти города собирали в своих стенах очень значительную часть населения и на многочисленных вечах тем легче могли распоряжаться делами своих волостей.

§ 25. **Природа Новгородской страны. Развитие новгородской торговли. Пути сообщения.** За исключением некоторых мест в южных пятинах, вся Новгородская страна была неплодородна. Покрытая мхами и болотами, она не могла прокормить население скудным запасом своего хлеба и заставляла новгородцев заниматься рыболовством, охотой и другими промыслами. Хлеб новгородцы приобретали в северо-восточных русских областях, в Поволжье, и оттуда везли его, главным образом, по Мсте. В обмен на хлеб они сбывали на восток те товары, какие доставали у своих западных соседей на Балтийском побережье; это были ткани (сукна и полотна), металлические вещи (но не оружие), вино, фрукты. Чтобы добыть эти дорогие предметы с запада, новгородцы должны были доставлять туда в обмен разного рода сырье, в котором запад нуждался. Это сырье новгородцы или доставали у себя в пятинах и землях, или же получали с востока. В необъятных лесах севера добывались меха пушного зверя: соболей, лицис, куниц, бобров и др. Лесные «борти» (ульи в дуплах деревьев) давали воск и мед. На далеком Белом море доставали ворвань (жир морских животных). В южных пятинах разводили лен

и коноплю. С далекого востока получали шелк в сыром виде. Всеми этими товарами Новгород и снабжал запад. Так недостаток в хлебе создал для новгородцев необходимость торгового обмена и повел к развитию новгородской торговли, которая и стала главным занятием Новгорода.

В глубокой древности в поисках за товарами новгородцы проникли в северные и северо-восточные пространства нынешней России и даже за Урал. Они не могли, конечно, завоевать силою столь обширные земли. Они основывали в них свои колонии, занимали места для промыслов, покупали земли у инородцев, живших там, кабелили этих инородцев (лопарей, корелов, самоедов) и таким образом становились хозяевами на севере. Для заселения занятых там земель и для устройства промыслов новгородские промышленники отправляли на север отряды своей челяди, которая и закрепляла за своими господами, «боярами», огромные пространства диких земель с рыбными ловлями, соляными варницами и разными лесными охотничьими промыслами. За боярскую челядью шли на север отряды свободных новгородцев для промысла, а иногда и для грабежей и насилий над мирными и слабыми инородцами. Весь русский север был, таким образом, захвачен новгородцами и «примучен» к Новгороду.

Странствуя по северным рекам и Белому морю на своих лодках, «ушкуях», «ушкуйники» новгородские хорошо знали, откуда и какими путями можно доставить в Новгород драгоценные товары, необходимые для новгородского торгова с заморскими немцами. Все такие пути с севера вели в Ладожское озеро и из него по Волхову в Новгород. Как Волхов служил путем на Новгородский рынок для северных товаров, так реки Мста и Ловать служили путями для товаров восточных и южных, которые шли в Новгород из Руси Поволжской и Днепровской. Сосредоточив у себя русский товар, новгородцы отправляли его от себя на Балтийское побережье речными путями: по Волхову и Неве в Финский залив, или по Шелони через Псков к Рижскому заливу. Кроме речных путей шли из Новгорода на запад и сухопутные, «горние» дороги; из них важнейшая была на города Нарву и Кольвань (Ревель).

По западным путям приезжали в Новгород немецкие купцы. В древнейшую пору Новгород торговал по преимуществу с «готскими» купцами: так назывались купцы с о. Готланд из города Визби. Они имели в Новгороде свой особый «готский» торговый двор. Позднее, с расцветом Ганзейского союза (в XIII—XIV веках), в Новгороде стали преобладать ганзейские купцы из северной Германии, построившие в Новгороде

новый «немецкий» торговый двор. Иноземное немецкое купечество составляло в Новгороде особую замкнутую общину, которая имела свой устав (под названием «скра») и свои церкви. Торговые отношения между немцами и новгородцами сложились так, что заморские купцы чаще появлялись в Новгороде, чем новгородские за морем, и потому весь оборот западной новгородской торговли направлялся скорее немцами, чем русскими купцами. Зато в торговле восточной новгородцы были полными распорядителями. Не говоря уже о «землях» новгородских на севере Руси, где новгородцы были полными господами, новгородцы со своими товарами постоянно ездили в Поволжье, в Киевщину, в Литовские земли и даже на мусульманский юго-восток — в Хозарские земли. Находки древних арабских монет в Новгородской области очень не редки, что служит доказательством торговых сношений Новгорода с мусульманскими рынками.

§ 26. Государственное устройство и управление Новгорода. В древнейшее время своего существования под властью киевских князей, то-есть в X и XI веках, Новгород ничем не отличался от прочих русских городов. Кто княжил в Киеве, тот владел и Новгородом. Киевские великие князья держали в Новгороде своего наместника, обыкновенно одного из своих сыновей, и управляли Новгородскою областью по общему порядку, как управляли Киевом. Но когда в Киевской Руси, после смерти Владимира Мономаха (1125), начались непрерывные распри князей за Киев, Новгород воспользовался княжескими усобицами и перестал послушно принимать себе князей из руки киевского князя. Новгородское вече стало само приглашать князей в Новгород, избирая их из разных ветвей русского княжеского рода и предлагая им от себя известные условия. Такой порядок мог утвердиться в Новгороде в XII веке потому, что Новгородская земля была далека от Киева: с одной стороны, ослабевшие князья киевские не имели сил держать дальний Новгород в подчинении себе; а с другой стороны, князья, искавшие Киева, не хотели связывать свою судьбу с Новгородом, они боялись, сидя в Новгороде, упустить Киев, и оттого держались на юге, предоставляя Новгородский стол младшей братье. Усвоив себе обычай избирать князя, новгородцы в то же время начали избирать себе и «владыку». До середины XII века архиерея (сперва епископа, потом архиепископа) присылал в Новгород Киевский митрополит по своему собственному выбору. С середины XII века новгородцы стали сами выбирать архиепископа из местного духовенства и посылали его от себя к митрополиту

для поставления в сан. Наконец, новгородцы стали, взамен прежних княжеских посадников и тысяцких, выбирать своих и, таким образом, окружили князя своими чиновниками, требуя, чтобы он управлял в Новгороде только с «новгородскими мужами», а не с своею княжескою дружиною.

Добившись такого порядка, Новгород добился полной политической независимости и обособленности. Он превратился в самостоятельное государство, в котором верховная власть принадлежала вече. Вече избирает князей и изгоняет их; избирает владык и, в случае недовольства ими, сводит их; избирает и увольняет сановников, управляющих делами Новгорода. Вече устанавливает новые законы, утверждает договоры с иноземцами, решает вопросы о войне и мире. Вече судит важнейших лиц и важнейшие дела — от столкновений князя с новгородскими сановниками до преступлений пригородов новгородских. Словом, новгородское вече направляет всю политическую жизнь Новгорода и его земель. Местом собрания вече бывал «Ярославов двор» (площадь у торгового рынка на Торговой стороне) или же площадь в Детинце у Св. Софии. На вече шел всякий свободный граждански новгородец, имевший свое хозяйство (дети, хотя бы и взрослые, но жившие в хозяйстве отца, не считались в древней Руси полноправными гражданами). Одинаково с новгородцами на вече могли идти и жители пригородов, приезжавшие в Новгород. Дела на вече решались не по большинству голосов, а общим криком (предполагалось единодушие). На наш современный взгляд этот способ кажется странным и беспорядочным. Чтобы понять его, надобно помнить, что Новгород состоял из нескольких общин — «концов», делившихся, в свою очередь, на меньшие общины — «сотни» и «улицы». На вече члены этих общин стояли, конечно, вместе и легко могли договориться между собою по каждому делу, так что после переговоров выяснялось мнение каждой общины. А из суммы этих мнений и составлялось мнение вече. Стало быть, не было нужды считать отдельные голоса людей, составлявших тысячную толпу: надобно было только убедиться, что все общины, составлявшие Великий Новгород, сошлись на том или другом решении. В случае согласия их, дело считалось решенным. Если же согласия не достигали, то ссорились и даже дрались. Иногда из одного вече образовывалось два взаимно враждебных. Начиналось междоусобие; всего чаще на мосту через Волхов сходились враги для боя, и владыка новгородский с духовенством спешил мирить сограждан.

При таких порядках, понятно, вече не могло толково об-

суждать подробности сложных и важных дел. Оно могло только, выслушав готовый доклад по делу, принять его или отвергнуть. Такие доклады готовились для вечевых собраний особым *правительственным советом*. В него входили все важнейшие новгородские сановники — посадники и тысяцкие, как те, которые были в должности («степенные»), так и те, кто уже оставил должность («старые»). Во главе совета стоял в древнейшее время князь, а потом — «владыка». Совет назывался по-новгородски «господою»; немцы, торговавшие с Новгородом, называли его «Негген». Вся государственная жизнь Новгорода подлежала ведению господы; она руководила и внешними сношениями, и вечевою деятельностью. Чем далее шло время, тем влиятельнее становился в Новгороде этот аристократический совет.

Избирая себе князя, новгородское вече вступало с ним в договор или «ряд». Оно обязывало князя целовать крест на том, на чем целовали Новгороду крест его предки: «Новгород держати в старине по пошлине». Само же вече целовало князю крест на том, чтобы его «княжение держати честно и грозно без обиды». По новгородской «пошлине», то-есть по старому обычаю, князь в Новгороде был высшею военною и правительственною властью. Он предводительствовал новгородскою ратью, был верховным судьбою и правителем новгородским. Среди своих внутренних ссор и усобиц новгородцы очень нуждались в справедливом посреднике, который бы ни от кого из них не зависел, «любил добрых и казнил злых». Таким посредником и являлся князь. Но, чтобы сам князь не обратил своей власти против Новгорода, новгородцы ставили ему ряд условий. Они рассматривали князя, как постороннего Новгороду иноземца, и потому обязывали его и его дружину не приобретать в Новгородских владениях земли и челяди и не торговать самому, без посредства новгородских купцов, с немцами на немецком дворе. Таким образом, князь не мог никакими путями войти в состав новгородского общества и всегда оставался для Новгорода посторонним. В ту минуту, когда вече «показывало ему путь из Новгорода», то-есть отказывало ему от власти, князь терял всякую связь с Новгородом и сейчас же мог оставить Новгородские пределы. Как постороннее Новгороду лицо, князь и жил не в самом Новгороде, а верстах в трех от Новгорода, ближе к Ильмену, в так называемом городище. Править Новгородом князь обязывался, не изменяя новгородских законов и порядков, притом с постоянным участием посадника, избранного вечем. Посадник сопровождал князя на войну, присутствовал при княжеском

суде, вместе с князем назначал должностных лиц на низшие должности, словом, контролировал каждое действие князя. Управлять Новгородом князь должен был исключительно посредством новгородцев, никуда не назначая своих дружинников; кроме того, и сам он должен был находиться в Новгородских пределах, а если уезжал оттуда, то терял право управлять Новгородом. За свою службу Новгороду князь получал «дары» и «дань» в точно определенном размере и сверх того, пользовался разными угодьями и правом охоты в особо отведенных местах. В свою очередь, князь давал новгородцам различные льготы в своем княжестве, откуда он был приглашен в Новгород.

Выборные новгородские сановники, *посадник* и *тысяцкий*, вели текущие дела управления, помогая князю и в то же время наблюдая за ним. Посадник ведал гражданские дела, а тысяцкий был предводителем новгородской «тысячи», то-есть ополчения. Под ведением посадника находились выборные *старосты* концов («кончанские» или «конецкие») и улиц («уличанские» или «улицкие»). Тысяцкому были подчинены *сотские* — начальники десяти «сотен», составлявших тысячу. В древности всегда бывало так, что каждый чиновник не только управлял, но и судил своих подчиненных; по общему обычаю был свой суд и у посадника, и у тысяцкого. Вече выбирало этих сановников без срока; они были на степени, то-есть правили свою должность, пока были угодны вече. Посадник всегда выбирался из знатнейших и богатейших новгородцев, из больших «бояр», и поэтому был представителем новгородской аристократии. Напротив, тысяцкий представлял собою всю новгородскую массу, входившую в «тысячу».

Управление пятин новгородских и пригородов находилось в руках выборных новгородских властей. Пятины и пригороды были приписаны к «концам» Новгорода и сносились с Новгородом через свой «конец». Что же касается до новгородских «земель» и «волостей», то степень и порядок их зависимости от Новгорода трудно определить. Ими правили скорее всего новгородские промышленники, которые в них заводили свои промысла и устраивали свое частное вотчинное управление.

Новгородский *владыка*, архиепископ, не только ведал новгородскую церковь, но имел большое значение и в политической жизни Новгорода. Он занимал первое место в новгородском правительственном совете. Он следил за деятельностью веча: всякое решение веча обыкновенно требовало «благословения» владыки; в вечевых распрях владыка являлся прими-

рителем, входя в бушующую толпу в священном облачении и с крестом. В сношениях с иноземцами владыка часто являлся на первом месте: он своею печатью скреплял договорные грамоты; к нему иноземцы обращались за покровительством и защитой, когда их обижали в Новгороде. Двор владыки у Софийского собора и самый собор Св. Софии были правительственным центром, где собиралась «господа», хранился государственный архив Новгорода и богатая Софийская церковная казна, на которую новгородцы смотрели, как на государственную. Владыка управлял громадным количеством церковных новгородских земель. У него был свой штат чиновников и служни («софияне») и свой «полк», отдельно от общего новгородского ополчения. Понятно, почему новгородцам было важно самим выбирать своего владыку, а не получать назначенного со стороны.

§ 27. Состав Новгородского населения и борьба классов в Новгороде. Население Новгорода и его земель делилось по своему имущественному положению на две группы: людей *лучших* или *вятиших* и людей *молодших* или *меньших*. К первой группе принадлежали новгородские бояре, *житьи* (или *житые*) люди и добрые купцы. Это была богатая новгородская знать, владевшая землями в разных местах пятин и волостей новгородских и снабжавшая новгородский рынок товарами из этих земель и денежными капиталами. Те из богатых семей, члены которых были часто избираемы на высшие должности вечем, приобретали через это особую знатность и название бояр. Менее чиновные, но столь же богатые семьи звались житыми (подобное различие было между «сенаторами» и «всадниками» в римских оптиматах). Как всегда бывает в истории больших торговых городов, в Новгороде, с развитием его торговли, богатство и влияние торговой знати возросли до такой степени, что резко отделили эту знать от прочего населения, жившего в бедности. Все это бедное население составляло одну массу «черни», называемой *меньшими* людьми. В самом Новгороде, также и в других городах Новгородской земли это были мелкие торговцы, ремесленники и рабочие. В пятинах же меньшими людьми звались *смерды* (крестьяне) и *половники* (батраки, работавшие на хозяев из половины урожая). Смерды жили на государственных землях и были устроены в особые общины, носившие название *погостов*, а половники зависели от своих хозяев-землевладельцев и по своему житейскому положению приближались к холопам, которых в Новгородской земле было так же много, как и в других Русских землях.

Во все продолжение новгородской истории мы наблюдаем в Новгороде внутренние междоусобия и смуты. Первоначально несогласия между новгородцами были случайностью и возникли, например, по поводу приглашения князя, когда одна часть веча хотела одного князя, а другая — другого. Впоследствии же, с образованием в среде новгородцев сильной и властолюбивой торговой знати, внутренняя вражда в Новгороде стала постоянной и непрерывной. Знать стремилась управлять Новгородом по своему нраву и желала распоряжаться на вечах по своей воле. Бояре пользовались для этого своим влиянием в погостах, где у них была масса владений, «боярщин», и в самом Новгороде, где от них зависели мелкие торговые и рабочие люди. Нажимая на зависимую от них бедноту, они приводили дело к тому, что на вечах эта беднота поневоле творила их волю и решала дела так, как желали бояре. Однако такая житейская зависимость очень раздражала свободную новгородскую чернь и делала ее беспокойною. Вечевую толпу легко можно было поднять на тех бояр, которые казались ей утеснителями, и тогда «худые мужики вечники» начинали бить и грабить своих «лучших людей», а затем снова впадали в прежнюю от них зависимость. Мало-по-малу вражда больших и меньших людей новгородских получила чрезвычайную остроту, и Новгород впал в тяжелую непрерывную смуту. Боролись между собою не только бояре и чернь, но и одни боярские семьи с другими. В надежде овладеть властью в Новгороде, честолюбивые бояре сближались с недовольною толпою, принимали ее против других бояр, их соперников, и начинали открытое междоусобие, сопровождаемое грабежами и убийствами.

Эта смута была первою и главною причиною падения Новгорода. Лишенный внутреннего порядка, Новгород не мог ни держать в повиновении свои пригороды и земли, ни обороняться успешно от внешних врагов. По всей земле Новгородской шло неустройство, а соседи Новгорода — Литва и Москва — были готовы им воспользоваться и при первом же удобном случае подчинить себе Новгород. Чужая опасность и не имея сил в открытой борьбе отстаивать свою независимость, новгородцы должны были прибегнуть к единственному оставшемуся средству: искать союза с одним врагом, чтобы с его помощью защититься от другого. И в этом деле они разошлись: одни хотели в союзе с Литвою борониться от Москвы, а другие желали, наоборот, сблизиться с Москвою и бороться с Литвой. На литовской стороне стояли лучшие люди; меньшие же люди тянули к Москве. Дело кончилось тем, что Московское кня-

жество в 1478 году завоевало Новгород, а затем присоединило к себе и все его земли (§ 47). При этом завоевании погибли или разорились лучшие люди новгородские, а чернь получила московское устройство. Став московским городом, Новгород понемногу утратил свое торговое значение, потому что торговым оборотом Новгорода стал распоряжаться московский рынок.

§ 28. **Псков.** Как выше было сказано, Псков был крупнейшим Новгородским пригородом и по своей населенности равнялся Новгороду. По пространству же своему он, пожалуй, даже превосходил Новгород. Псков был расположен на скалистом мысу, при впадении в большую и глубокую реку Великую речки Псковы. Первоначально он состоял из небольшой крепости «детинца», или «крема», а затем разросся во все стороны, был обнесен одною внешнею стеною и, сверх того, укреплен несколькими внутренними стенами. В таком виде он представлял собою огромную твердыню, совершенно неприступную для врага. В «детинце», или «крема», помещался главный Псковский собор Св. Троицы, имевший для Пскова то же значение, что Святая София для Новгорода. В центре города находился «торг». Самый город делился на шесть концов, которые, как и в Новгороде, имели свое особое управление. Земля, принадлежавшая Пскову, была невелика и узкою полоскою тянулась с юга на север, вдоль р. Великой и берегов Чкудского озера. В ней стояли пригороды Пскова, числом около 12. Все они представляли собою пограничные крепости и были приписаны к «концам» Пскова — по два на каждый конец. Это были как бы форты, окружавшие главную крепость — Псков.

Такая сеть укреплений была необходима на западной границе Руси. Псков стоял на рубеже русских поселений, лицом к лицу с немцами и Литвою, и оберегал Новгородскую землю, а вместе и всю Русь, от вражеских нашествий с запада. В этом и заключалась его важность для Новгорода. С развитием торговых отношений Руси с Балтийским побережьем, Псков получил и торговое значение. Вместе с тем, разросшись и разбогатев, Псков стал выходить из Новгородской зависимости, стремился получить себе особых князей и, наконец, в 1348 году добился независимости. Новгород особым договором (в с. Болотове) отказался посылать от себя во Псков посадника и признал Псков уже не пригородом, а «младшим братом» Новгорода. С тех пор Псков сам избирал своих посадников, а князей получал почти всегда из рук великого князя московского; с Новгородом же у Пскова сохранилась одна связь:

не имея своего архиерея, Псков был подчинен в церковном отношении новгородскому владыке.

Вечевая жизнь Пскова общим строем своим походила на новгородскую; но вече во Пскове было более благоустроено и мирно, чем в Новгороде. Во Пскове не было такой громадной разницы состояний, как в Новгороде, а потому не было и таких острых междоусобий. Псковские бояре были не так богаты и влиятельны, а меньшие люди не были так обездолены и угнетены, как то было в Новгороде. Особенности общественного устройства во Пскове, его судебные и гражданские порядки определялись самостоятельным Псковским законодательством, выработанным на вече. Памятником этого законодательства является «Псковская судная грамота», составленная в XV столетии и заменявшая для Пскова Русскую Правду.

Из псковских князей в особенности почитались и почитаются во Пскове: *св. Всеволод-Гавриил* Мстиславович (внук Мономаха), изгнанный новгородцами и принятый во Пскове, где он и скончался (1132), и князь *Довмонт*, бежавший на Русь из Литвы и блестяще оборонявший Псков от врагов с запада (1299). Оба они почивают в Псковском храме Св. Троицы. Они княжили во Пскове ранее, чем Псков стал независим от Новгорода, и были первыми самостоятельными представителями княжеской власти во Пскове. С их именем Псков и связывал начало своей особности и независимости. В позднейшее же время псковские князья бывали обыкновенно подручниками великих князей московских и как бы их наместниками во Пскове.

Суздальская Русь.

§ 29. Заселение Суздальской земли русскими славянами и образование великорусской народности. Под именем Суздальской Руси или Владимиро-Суздальского княжества разумеется область, расположенная между средним и нижним течением Оки, с одной стороны, и верхним и средним течением Волги, с другой, по рекам Клязьме и Москве, впадающим в Оку. К этой же области всегда тянули места, находящиеся на север от средней Волги, по р. Шексне до Белоозера и по р. Костроме до водораздела с системою Сев. Двины. В этой области первоначально обитали финские племена: *меря* (на Волге) и *мурома* (на Оке). Слабость и дикость этих племен издавна позволяли славянам с верховий Днепра и Волги проникнуть в их страну и основать в ней несколько своих колоний. В самом начале русской истории существовало здесь славянское поселение на Белоозере, принадлежавшее Новго-

роду. Весьма древни, кроме того, были города Ростов и Суздаль, созданные, повидимому, также выходцами из Новгорода. Южнее их, на Оке, лежал город Муром, существовавший при Владимире Св., если еще не ранее. При Владимире же Святом, как полагают, возник на Клязьме город Владимир, а при Ярославе Мудром на Волге город Ярославль. До конца XI века вся эта северо-восточная окраина Русской земли представляла собою глухой и слабо населенный край, в лесах которого разбросаны были финские поселки. Меря и мурома не строили городов, не имели никакого гражданского устройства и не были политически объединены. Единственную власть у них были их жрецы-шаманы, которых славяне называли «волхвами».

В конце XI столетия, после Любечского съезда 1097 года, Суздальская область выделилась в особое княжество. По приглашению князей, она была отдана Владимиру Мономаху, который начал устраивать ее для младшего своего сына Юрия (прозвищем Долгорукого). С этого времени в новом княжестве началась постройка городов и усилился приток русских переселенцев. Сам Мономах, его сын Юрий и дети Юрия, Андрей (прозвищем Боголюбский) и Всеволод (прозвищем Большое Гнездо), приложили много стараний для заселения и оживления их вотчины и в течение одного столетия сделали из нее цветущее и сильное княжество. С именем князя Юрия связано построение городов Москвы и Юрьева «Польского» (ставшего «на поле»); с именем Андрея — построение города Боголюбова. В то же приблизительно время возникли Тверь, Кострома, Галич «Мерский» (то-есть, в земле «мери») и много других городов. Строя города, устраивая дороги в лесах и заводя переправы через болота и реки, князья облегчали движение в их землю переселенцев из Руси. Люди шли сюда как с запада, из земель Новгородской, Полоцкой и Смоленской, так и с юга, из земли вятичей и даже из Киевщины. Движение с запада, от Новгорода и Смоленска, было постоянным и непрерывным; оно совершалось с незапамятных времен.

Движение с юга началось позднее. Между южными княжествами, лежавшими на Днепре, и Суздальской землей простиралась непроходимая, лесная и дикая область вятичей. Она мешала прямому сообщению Киева и Суздаля; первоначально ее объезжали, направляясь от Суздаля на верховья Волги и оттуда уже на Днепр. С течением времени, именно в середине XII века, были проложены дороги и сквозь «вятичи», с Днепра на Оку. По этим дорогам из южной Руси пошло сразу много народа, который бросал свою прежнюю оседлость по причинам,

нам уже известным. Княжеские усобицы, половецкие набеги, общее оскудение Киевщины — гнали оттуда население, и оно с открытых южных пространств укрывалось в леса вятичей, а через эти леса выходило и далее на север, в «Залесье»: так на юге звали Суздальскую область, лежавшую за лесами. Сильный приток населения с юга сказался на быте нового Суздальского княжества. Южане переносили на новые места свои родные, привычные им имена и называли здесь города и реки по южному. На юге были города: Переяславль на р. Трубеже, Стародуб, Галич, Звенигород. Появились и на севере два Переяславля (Рязанский и Залесский) и в них река Трубеж; появились там два Стародуба (Ряполовский и Окский или Водцкий); появились Галич Мерский, Звенигород. И так было со многими названиями: рядом с финскими именами рек и местностей появилось на севере много славянских, взятых именно с русского юга. Принесли южане на север и свои богатырские песни и былины, в которых они воспевали «ласковых» киевских князей и свою борьбу со степняками, неизвестными на севере. Южане в короткое время усилили русский элемент в Суздальском краю; они содействовали скорому обрусению этой финской окраины и подъему в ней княжеского могущества.

Под давлением русской колонизации финские инородцы или покидали свои места, уступая их русским пришельцам, или же подвергались обрусению и постепенно утрачивали свой язык и свое обличье. В том и другом случае финны исчезали бесследно, и на их местах оказывалось сплошное русское население. Летописец, сначала упоминающий о мерянах, потом как будто о них забывает. Если бы меряне выселились в другую область или же были избиты на месте, летопись знала бы об этом. Но так как меряне постепенно и мирно обрусели, то исчезновение их племени совершилось для русских людей совсем не приметно. Однако смешение русских поселенцев с финскими туземцами не прошло бесследно для русских. Они восприняли некоторые физические и духовные черты того племени, с которым роднились на новых местах. Изменился их чисто славянский тип и характер; получилось как бы новое славянское племя. Это племя, в состав которого вошли русские славяне разных областей и племен и некоторая примесь финнов, называется *великорусским* племенем.

§ 30. **Характер страны и влияние ее на быт поселенцев.** Природа Суздальской земли была своеобразна и не походила ни на Киевскую, ни на Новгородскую. Здесь не было тучных черноземных пространств, как на юге, а был суглинок. Земля не была так плодородна, как в Поднепровьи;

но она была гораздо плодороднее, чем вокруг Новгорода. Поэтому население здесь пахало и жило своим хлебом. Но в то же время оно должно было заниматься и подспорными промыслами, по преимуществу лесными. Страна была очень богата лесом, так что даже самые места для пашни приходилось расчищать из-под леса, выжигая его и корчуя пни. В лесах занимались бортничеством (пчеловодством), гнали деготь, добывали лыко и мочалу, наконец, охотились. И земледелие, и лесной промысел способствовали тому, что население не сгущивалось в городах, а жило рассеянно мелкими поселками — в селах и деревнях, — причем в поселках не бывало и десятка дворов. В лесных чащах лучшими путями сообщения были реки, которыми Суздальская область была очень богата. Крупнейшие из них, Волга и Ока, текли по крайним области; середина же ее была прорезана массой их притоков, текших в разные стороны и тем самым представлявших большие удобства для сообщения. По этим-то речкам двигались поселенцы, осаживаясь на их берегах и образуя свои общины в пределах речных долин. В Киевской Руси обычным округом был город с принадлежащей ему землей; в Суздальской — речная область с ее сельским населением. Городов в Суздальской земле было не мало; но так как здесь не были развиты ни торговля, ни промышленность, то города не имели здесь того значения, как на юге. Они бывали здесь чаще крепостями, чем торгово-промышленными центрами.

Так сама природа края и его положение вдали от культурных краев Европы придавали ему характер простой крестьянской стороны, где главным занятием было земледелие, где господствовали простые формы натурального хозяйства и где не была развита городская жизнь. Порядок заселения этого края был таков, что в нем с самого начала его истории особенное значение приобрела княжеская власть. Мономах и его сыновья получили Суздальскую землю еще в то время, когда русская колонизация была в ней слаба. Князья прилагали заботы к тому, чтобы привлечь в свой край русских переселенцев и устроить их на новоселье. Построение городов, устройство путей и речных переправ было именно их делом. Попадая в новую землю, поселенцы уже заставали в ней хозяина-князя и привыкали считать его собственником занятых им пространств. С ним они рядились об условиях пользования землей, ему платили подати или «дань» с земли, подчинялись его чиновнику «тиуну» и, в случае опасности, укрывались в его княжеском городе. Словом, князь являлся здесь не только государем, но и землевладельцем, который овладел землей

по праву первого заимщика, первого колонизатора. Именно поэтому власть его стала чрезвычайно сильна: когда Суздальское княжество начало наполняться русскими поселенцами, средства суздальских князей выросли настолько, что дозволили им стать одними из самых могущественных во всей Русской земле. Вечевой порядок, господствовавший в остальных русских землях, не мог развиваться в Суздальском крае при сильном влиянии князя на городской быт. В новых городах, основанных князьями, население во всем зависело от строителя города; а старые города Ростов и Суздаль были не настолько сильны, чтобы противопоставить власти князей свои вечевые порядки.

Так образовался к исходу XII века быт Суздальской земли под влиянием ее природы и условий ее заселения.

§ 31. Первые суздальские князья. Если не считать Владимира Мономаха, бывавшего лишь наездом в своем Суздальском владении, то первым князем Суздальским следует назвать Мономахова сына *Юрия Долгорукова*. Он смолоду жил в Суздале и много положил труда на устройство своего княжества. Но он принадлежал еще к тому поколению князей, для которых главные интересы были связаны с Киевом. Когда для Юрия явилась надежда получить великое княжение в Киеве, он обратил все свое внимание на юг, принял участие в усобицах южных князей и, добившись успеха, в 1154 году переехал в Киев, где и умер в 1157 году. Свою далекую лесную вотчину, в которой он поставил много городов, он променял, таким образом, на беспокойный Киев.

Не таков был его сын *Андрей Юрьевич Боголюбский*. Вместе с отцом он хозяйничал на севере и вместе с отцом воевал на юге. Когда Юрий завладел Киевом и основался в нем, он посадил Андрея вблизи от себя, в Вышгороде (верстах в 15 от Киева вверх по Днепру). Но Андрей не имел намерения долго оставаться на юге. Вопреки желанию отца, он ушел в Суздальскую землю и поселился в своем городе Владимире на Клязьме, который давно был дан ему отцом. Когда же Юрий умер (1157), то ростовцы и суздальцы приняли к себе князем именно Андрея, мимо его братьев. Таким образом, Андрей соединил в своих руках всю Суздальскую область. Но он не оставил своего маленького Владимира и не перешел в старшие города. Желая быть «самовластцем» в Суздальской земле, он прогнал оттуда своих братьев, разогнал от себя наиболее самостоятельных и строптивых бояр и поставил себя независимо от городских вечевых собраний. Веча бывали «по старине» в старых городах Ростове и Суздале; поэтому-то Андрей и не

хотел жить там. Живя в своем собственном Владимире или вблизи от него, в селе Боголюбове (от которого происходит его прозвище), Андрей чувствовал себя полным хозяином и властвовал нераздельно. Для того, чтобы поднять значение Владимира, бывшего простым «пригородом» Ростовским, Андрей принимал особые меры. Он обстроил, расширил и укрепил город; не жалея средств, он создал в нем несколько изящных каменных храмов, по тому времени богатых и обширных¹⁾. Из этих храмов в особенности замечателен Успенский собор. Он стал главною святынею Владимира и всей Суздальской Руси, в особенности с той поры, как Андрей поместил в нем чудотворную икону Божьей Матери, написанную по преданию ап. Лукою. Андрей вывез эту икону из Вышгорода, когда переселился на север; позднее (1395) она была помещена в Московском Успенском соборе, где находится и ныне (§ 45).

Достигнув своей цели на севере и став полновластным государем в Суздальской области, Андрей желал влиять на дела киевские и новгородские и стремился к преобладанию во всей Русской земле. В Новгороде он хотел держать князей, от него зависимых и, по большей части, успевал в этом. Новгородцы не один раз восставали против Андрея и его подручников; в 1170 году они успели нанести решительное поражение войскам Андрея, прогнав их от Новгорода и набрав столько пленных, что продавали их за мелкую монету. Но, в конце концов, суздальский князь одолел новгородцев, так как, кроме военной силы, в его руках находилось действительное средство против Новгорода: Андрей закрывал границы своей земли для новгородских купцов и не допускал подвоза к Новгороду хлеба из Поволжья. Доведенные до голода, новгородцы поневоле искали мира с Андреем и мирились «на всей воле» великого князя. Андрей желал властвовать и в Киеве. Когда на Киевском княжении сел его племянник Мстислав Изяславич (§ 18), Андрей послал против него войско, которое и овладело Киевом (1169). Два дня суздальцы грабили и жгли столичный город, после чего Андрей, не приехав сам в Киев, отдал его одному из своих младших братьев. Живя у себя во Владимире, он, однако, носил имя великого князя и требовал повиновения себе от южных князей, против же ослушников посылал свои войска. Так окраинный суздальский князь распространил свое влияние на все Русские области.

¹⁾ Своеобразно-красивая архитектура древнейших храмов Суздальской Руси и их замечательные скульптурные украшения доставили большую известность и славу этим храмам. Их роскошь и изящество свидетельствуют о высоком развитии художественного вкуса и техники и о значительном богатстве их строителей, князей XII—XIII вв.

Властолюбивый и деспотичный, Андрей Боголюбский представлял собою новый тип князя, стремившегося к единовластью не только в своей семейной вотчине, но и во всей Русской земле. Все те, кто стоял за старые привычные порядки, не любили Андрея; напротив, люди, понимавшие преимущества единодержавного строя, видели в Андрее идеал государя. Оба взгляда на него — и враждебный, и сочувственный — отразились в летописях, в которых мы читаем похвалы Андрею рядом с осуждением. Властный характер Андрея был, однако, так тяжел для окружающих его, что в 1175 году собственная дворня убила Андрея в его любимом селе Боголюбове и разграбила его дворец.

После смерти Андрея в его земле произошла усобица. У Андрея не было сыновей. Старшие города Ростов и Суздаль призвали его племянников, а младшие Владимир и Переяславль — его братьев. Между князьями началась борьба, в которой приняли живое участие и горожане. Старшие города были побеждены; город Владимир окончательно получил первенство в Суздальской области, и в нем укрепился призванный владимирцами князь Всеволод, младший брат Андрей (прозванный «Большим Гнездом»). Княжение *Всеволода Юрьевича* (1176—1212) было временем расцвета Суздальского княжества. Старейшинство Всеволода было признано во всех краях Русской земли. Новгородцы были во всей воле Суздальского великого князя; он распоряжался и Киевом, потому что, как говорится в летописи, «положила на нем старейшинство вся братия во Владимирове племени»; даже далекие галицкие князья искали у него поддержки. О его могуществе в «Слове о полку Игореве» поэтично сказано, что Всеволод может «раскропить Волгу веслами, а Дон шлемами вылить»; так много у него рати.

Еще при жизни Всеволода начались несогласия в его семье. Старший сын великого князя Константин навлек на себя гнев Всеволода тем, что хотел возвратить старому Ростову старшинство пред новым Владимиром и говорил отцу: «дай мне Владимир к Ростову». Всеволод собрал у себя на совет духовенство и дружину и торжественно лишил Константина старшинства, оставив после себя великое княжение второму сыну Юрию. Константин не примирился со своим подчиненным положением и при первом же удобном случае попытался вернуть себе старшинство. Он воспользовался враждою Новгорода к его братьям и соединился с новгородцами. Следуя примеру Всеволода, великий князь Юрий и его младшие братья (Ярослав и Святослав) желали держать Новгород в безусловном подчи-

нении и озлобили новгородцев. Те обратились к одному из Мономаховичей старшей линии, Мстиславу Мстиславичу Уда- лому. Удалой пришел в Новгород из своего Торопца и повел новгородцев на суздальских князей в самую Суздальскую зем- лю. С Мстиславом-то и соединился Константин против своих родных братьев. Решительная битва между противниками произошла недалеко от Владимира, на речке Липице (1216). Победили новгородцы с Мстиславом и Константином. Юрий, убежав с поля битвы, отказался от великого княжения и отдал Владимир Константину; Новгород же вышел из зависимости от суздальских князей. С этой поры в Суздальской области не стало единой властью. Область разделилась на не- сколько княжений; великий князь сидел во Владимире, а его братья и племянники сидели в других городах и мало зави- сели от великого князя. Великое княжение потомки Всеволода наследовали по родовому порядку: брат после брата, племян- ник после дяди. Отличие Суздальской Руси от древней Киев- ской состояло только в том, что в городах не было вечевого устройства, и князья были полными хозяевами в своих «уде- лах», — так стали называться их владения.

Юго-западная Русь.

§ 32. **Княжества Волынское и Галицкое; их соединение.** Одновременно с тем, как на северо-востоке Руси выросло и крепло Суздальское княжество, на юго-западных окраи- нах Русской земли стали развиваться и богатеть земли Волын- ская и Галицкая, соединившиеся около 1200 года в одно силь- ное княжество.

Земля Волынская с главным городом Владимиром Волын- ским занимала места по правому берегу Зап. Буга и чрез вер- ховья Припяти простиралась до южного Буга. Свое название она получила от древнего города Волыня и племени волын- ян (бужан, дулебов), ее населявшего. С глубокой древности она была подчинена киевским князьям. С середины же XII века в ней образуется своя княжеская линия — старших Мо- номаховичей. Знаменитый князь *Изяслав Мстиславич* (§ 18) основался на Волыни и отсюда добывал Киев. Отсюда же искал Киева и сын его *Мстислав Изяславич*. Таким образом, волын- ские князья, подобно своим братьям и дядям, младшим суздаль- ским Мономаховичам, приобрели себе на Волыни постоянную «отчину» и желали присоединить к ней старый Киев. Сын Мстислава Изяславича *Роман Мстиславич* был особенно удач- лив: ему после долгой борьбы не только удалось овладеть

Киевом, где он стал держать подручных ему князей, но удалось приобрести и соседнее с Волынью Галицкое княжество.

Галицкое княжество состояло из двух частей: гористой и равнинной. Гористая часть была расположена на восточных склонах Карпат и главным городом имела Галич на р. Днестре. Равнинная часть простиралась на север, к Западному Бугу, и носила название «Червенских городов», по имени древнего города Червеня с его пригородами. Как далекая окраина Русской земли, Галицкая земля не была привлекательна для князей. На Червенские города имели притязания поляки и не раз их отбирали от Руси. Карпатские нагорья были недалеко от враждебных угров; близко оттуда была и беспокойная степь. Поэтому в Червенские города киевские князья посылали молодых князей, которым не было части в других местах Руси. В конце XI века, постановлением Любечского съезда, там были помещены правнуки Ярослава Мудрого, изгой Василько и Володарь. С тех пор Галицкая окраина превратилась в особое княжество. Сын Володаря *Володимирко* († 1152) соединил все его города под своей единодержавной властью и сделал столицей княжества Галич. Он расширил границы своих владений, привлекал к себе новых поселенцев, селил на своих землях пленных, взятых в войнах с Киевом и уграми. В отношении своего княжества он играл ту же роль, какую играл Юрий Долгорукий в Суздальском краю: он был первым его устройтелем. Лукавый и жестокий, Володимирко не оставил по себе доброй памяти. Как пример лукавства и лживости Володимирка, летописец приводит его ответ одному послу, когда тот напомнил князю о святости крестного целования: «и что ми имать сотворити сий крест малый?» с усмешкою сказал Володимирко. Начатое им дело объединения и усиления Галицкого княжества продолжал его сын *Ярослав* (прозванный *Осмомыслом*). В его долгое княжение (1152—1187) Галич достиг большого внешнего могущества. Прилив поселенцев в Галицкий край шел тогда не только с востока, из Руси, но и с запада, из Венгрии и Польши. Плодородие края манило туда население; положение Галича между Западной Европой и Русью способствовало развитию его торговли и процветанию городов. Талантливый Ярослав умело воспользовался благоприятными обстоятельствами и поднял свое княжество на большую высоту. «Слово о полку Игореве» справедливо ставит Ярослава по значению рядом со Всеволодом Большим Гнездом. Они были в то время сильнейшими князьями на Руси¹⁾.

¹⁾ В «Слове о полку Игореве» находим такое обращение к Ярославу: «Галицкий Осмомысле Ярославе! Ты высоко сидишь на своем златоко-

После смерти Ярослава Осмомысла в Галиче начались смуты, и в них прекратился род галицких князей. Галицким княжением овладел волынский князь *Роман Мстиславич* (1199), и, таким образом, Волынь и Галич соединились в одно значительное государство. Хотя смуты продолжались и после смерти Романа (1205), однако его государство не распалось, а достигло еще большего могущества в княжение сына Романа князя *Даниила Романовича* (§ 37).

Как на северо-востоке, в Суздальской Руси, возвышение княжеского могущества совершалось в зависимости от быстрого заселения края русскими поселенцами, так и на юго-западе волынские и галицкие князья стали сильны и влиятельны благодаря тому, что их земли стали наполняться приходцами с разных сторон. Но положение князей галицко-волынских было труднее и опаснее положения князей суздальских. Во-первых, Волынь и Галич имели своими соседями не слабых инородцев (как это было в Суздале), а сильные и воинственные народности: угров, поляков и литовцев. Сверх того, недалеко были и степные враги Руси — половцы. Поэтому князья волынские и галицкие должны были всегда думать о защите своих владений с севера и запада, от королей угорских и польских, а не только с юга — от половцев. Кроме того, в своих политических предприятиях эти князья привыкли сами пользоваться помощью тех же угров, литвы и поляков, если в ту минуту не воевали. Таким образом, иноземные силы неизбежно вмешивались в волынско-галицкие дела и при случае готовы были захватить эти княжества в свою власть (что, как увидим, позднее им и удалось). Во-вторых, общественная жизнь на Волыни, и в особенности в Галиче, сложилась так, что рядом с княжеским единодержавием там возникла сильная аристократия в виде княжеского боярства, старшей дружины, которая вместе с князьями уничтожила значение городских вечевых собраний, а затем стала оказывать влияние и на самих князей. Даже такие умные и талантливые князья, как Ярослав Осмомysl и Роман, должны были считаться с боярским самоволием. Князь Роман пытался сломить боярство открытым гонением, говоря, что «пчел не передавить — меда не есть». Однако боярство не было истреблено Романом и после Романа приняло самое

ванном столе, подперши горы Угорские своими железными полками, заступив путь королю (угорскому) и затворив ворота Дунаю;.. ты отворяешь ворота Киеву и стреляешь с отцова золотого стола салтанов (половецких)». Действительно, Ярослав был в сношениях с Венгрией, Болгарией, Византией, был грозою половцев и влиял на Киевские дела, особенно в промежуток времени между смертью Юрия Долгорукого и появлением в Киеве рати Андрея Боголюбского (1157—1169).

деятельное участие в смутах, наравне с внешними врагами ослабляя силу Галицкой и Волынской земли.

Близость и вмешательство иноземцев и боярская олигархия были двумя главными причинами того, что из Галицко-Волынского княжества не образовалось единого сильного государства. После своего расцвета в XII—XIII веках это княжество быстро стало клониться к упадку, ослабело в смутах и было завоевано иноземцами, поляками и литвою.

Эпоха татарского завоевания.

§ 33. **Появление татар и Батыев погром.** В то время, когда совершился упадок Киева и обозначились вместо старого Киева иные центры — Новгород, Владимир Суздальский и Галич, то-есть в первой половине XIII столетия, на Руси появились татары. Появление их было совершенно неожиданно, а сами татары были для русских людей вовсе неведомы и незнаемы: «Явившаяся язгыци (говорит летопись), ихже никтоже добре ясно не весть, кто суть и отколе изидоша и что язык их и которого племени суть и что вера их».

Родиною монгольского племени татар была нынешняя Монголия. Разрозненные кочевые и дикие племена татарские были объединены ханом Темучином, который принял титул Чингис-хана, иначе «великого хана». В 1213 году он начал свои колоссальные завоевания покорением северного Китая, а затем двинулся на запад и дошел до Каспийского моря и Армении, всюду внося разорение и ужас. Передовые отряды татар от южных берегов Каспийского моря прошли через Кавказ в Черноморские степи, где столкнулись с половцами. Половцы просили помощи у южно-русских князей. Собрались князья киевский, черниговский, галицкий (все Мстиславы по имени) и многие другие и пошли в степь навстречу татарам, говоря, что надо помочь половцам против татар, иначе они подчинятся татарам и умножат тем силу врагов Руси. Не один раз татары присылали сказать русским князьям, что воюют не с ними, а только с половцами. Русские князья шли вперед и вперед, пока не встретились с татарами в далеких степях на реке Калке (ныне Калмиус). Произошел бой (1223); князья билась храбро, но недружно, и потерпели полное поражение. Татары жестоко замучили пленных князей и воинов, преследовали бежавших до Днепра, а затем повернули назад и скрылись безвестно. «Сих же злых татар таурмен не сведаем, откуда были пришли на нас и где ся дели опять; только Бог весть», говорит летописец, пораженный страшным бедствием.

Прошло немного лет. Чингис-хан умер (1227), разделив свои огромные владения между своими сыновьями, но предоставив верховную власть одному из них — Угэдэю. Угэдэй отправил своего племянника Батые (Бату, сын Джучи) на завоевание западных стран. Батый двинулся с целою ордою подвластных ему татар и вступил в Европейскую Россию через р. Урал (по старинному наименованию Яик). На Волге разгромил он Волжских болгар и разорил их столицу Великий Булгар. Переправясь через Волгу, в конце 1237 года подошел Батый к пределам Рязанского княжества, где, как мы знаем (§ 18), княжили Ольговичи. Батый потребовал от рязанцев дани — «со всего десятину», но получил отказ. Рязанцы просили помощи от других земель русских, однако не получили ее и должны были одни своими силами отражать татар. Татары одолели, разгромили всю Рязанскую область, пожгли города, избили и пленили население и пошли дальше на север. Они разорили город Москву, бывший прикрытием с юга Суздаля и Владимиру, и вторглись в Суздальскую область. Великий князь владимирский Юрий Всеволодович, бросил свою столицу Владимир, ушел на северо-запад собирать войско. Татары взяли Владимир, убили княжескую семью, сожгли город с его чудными храмами, а затем опустошили и всю Суздальскую землю. Князя Юрия они настигли на реке Сити (впадающей в р. Мологу, приток Волги). В битве (4 марта 1238 года) русские были разбиты, а великий князь убит. Татары двинулись далее на Тверь и Торжок и вступили в Новгородские земли. Однако они не дошли до самого Новгорода верст сто и повернули назад в Половецкие степи. На дороге им пришлось долго осаждать городок Козельск (на р. Жиздре), который пал после необыкновенно храброй защиты. Так в 1237—1238 гг. совершил Батый покорение Северо-восточной Руси.

Основав свои кочевья на нижнем течении Дона и Волги, Батый оттуда предпринял завоевание южной Руси. В 1239 году он разорил Переяславль и Чернигов, а в 1240 году пошел большим походом на Киев. В конце 1240 года татары овладели Киевом после жестокого сопротивления и разорили город и область. От Киева они двинулись на Волынь и Галич, овладели ими и перешли через Карпаты в Венгрию и Польшу. Там Батый не удержался и, встретив мужественный отпор в Чехии, повернул назад в степи, где и основал Золотую или Кипчакскую орду; ее столицей стал новый город Сарай на низовьях Волги.

§ 34. Татарская власть на Руси. С образованием Золотой орды началась постоянная политическая зависимость Руси

от татар. Будучи кочевниками, татары не остались жить в русских областях, богатых лесами; они ушли на юг, в открытые степи, а на Руси оставили, для наблюдения, своих заместников, *баскаков*, с военными отрядами. Особые татарские чиновники, *численники* или *писцы*, изочли и переписали все население Руси, кроме церковных людей, и наложили на него дань, получившую название *выхода*. Сбором этой дани и вообще управлением татарским на Руси заведывали в Золотой орде особые чиновники, *даруги* или *дороги*, посылавшие на Русь *данщиков* для дани и *послов* для других поручений. Русские князья должны были у себя дома иметь дело с баскаками и послами; когда же князей для поклона или дел вызывали в орду, то там их «брали к себе в улус» (в кочевье) «дороги», ведавшие их княжества. Пока Золотая орда сохраняла свою зависимость от великих ханов в Монголии, русские князья должны были ездить и в далекую Монголию на поклон великим ханам.

Татарские порядки были очень тяжки для Руси. Баскаки и другие татарские чиновники с их вооруженной свитой сильно обижали народ; дань татарская была тяжела и унижительна. Во многих городах (Новгороде, Ростове, Суздале, Владимире и др.) народ не выдерживал, поднимался против татар и избивал численников и данщиков. Князьям стоило много труда и унижений отводить от себя и от своих людей ханскую грозу и склонять народ к повиновению и уплате выхода. Первое время татарской власти всем на Руси казалось очень мрачным и постыдным. Легче стало только тогда, когда князьям удалось добиться у татар позволения самим собирать дань для орды и самим же доставлять ее ордынским «дорогам» (§ 43). Этот порядок избавлял население от прямых сношений с татарами, а стало быть, и от частых насилий и обид татарских.

Надобно, однако, помнить, что и в первое время татарского ига церковные и политические порядки на Руси остались в прежнем виде. Татары называли Русь своим «улусом», то есть своею волостью или владением; но они оставили в этом улусе его старое устройство. К русской вере и русскому духовенству они относились с терпимостью и уважением, как относились терпимо вообще ко всем иным религиям с их духовенством или жречеством. Русский митрополит с церковными людьми был освобожден от татарского «выхода» и прочих платежей и повинностей в пользу татар. Русская церковь получала от ханов особые льготные грамоты («ярлыки»), которыми обеспечивались права духовенства. Такие же ярлыки получали от ханов и русские князья на их княжения. Татары оставили на Руси прежний порядок княжеского владения и обыкно-

венно только утверждали во власти князей-Рюриковичей на великом их княжении или на «уделах». Когда княжеские столы наследовались правильно и мирно, татары не изменяли действовавшего порядка перехода столов от брата к брату или от отца к сыну. Когда же начинались между князьями ссоры и усобицы, и князья обращались к татарам сами за судом и помощью, тогда ханы проявляли свою державную волю: давали ярлыки на княжения по своему произволу и наказывали строптивых князей, сажая в тюрьму и даже убивая их самих и разоряя их земли своими татарскими ратями. Иногда князья погибали в орде и не вследствие политических причин, а потому, что не желали подчиниться татарским обычаям, считая их несовместимыми с христианскою верою. Так погиб в орде черниговский князь Михаил Всеволодович с своим боярином Феодором, за что церковь наша и чтить их святыми мучениками. Но такого рода случаи не нарушали того общего порядка княжеского владения, к которому привыкли князья и народ: на Руси оставалась старая династия и старое княжеское управление. Это важное обстоятельство помогло нашим предкам собрать понемногу силы и средства для освобождения родины от чужого ига.

Знакомство с новыми господами Руси не могло пройти бесследно для нравов и обычаев русских людей. Татарское завоевание повело к полному разобщению Суздальской Руси, испытавшей всю силу монгольского гнета, с Русью Новгородской и Русью юго-западной. В Новгороде и на юго-западе татарская власть чувствовалась меньше и раньше пала. Там сильнее были западные влияния: немецкое в Новгороде и польское в юго-западной Руси. И вот в то время, как новгородцы и южноруссы убереглись от долгого и прямого татарского воздействия, население Суздальской и Рязанской областей поневоле воспринимало от татар некоторые их порядки (денежный счет, административные обычаи) и было лишено возможности широкого и свободного общения с оторванными от него другими ветвями русского племени и с европейским западом. Вот почему на русском востоке в татарскую эпоху XIII—XIV веков наблюдается некоторый культурный застой и отсталость и некоторый налет «татарщины». Великорусскому племени, которое многострадально заслонило собою от татарского насилия всю Европу, пришлось испытать на себе некоторое влияние монгольских нравов и порядков. Не следует, однако, преувеличивать силы этого татарского культурного влияния. В первые века татарщины русские люди не могли ничего добровольно перенимать у «поганных» татар, которых

они гнушались и ненавидели и которые сами тогда были на очень низком уровне культуры. Некоторое сближение произошло позднее — с той поры, когда иго ослабело и татары, перестав быть угнетателями и господами, сами являлись на службу к русским князьям, селились с их согласия на Руси (в Касимове, Елатые, Романове), занимались здесь торговлей и земледелием и, таким образом, мирно сходились с своими русскими соседями. Тогда — с XV века — вместе с восточными товарами русские начали перенимать восточные моды и обычаи «поганых» татар и даже роднились с ними посредством браков.

§ 35. **Немцы и Литва.** Одновременно с татарским завоеванием началось движение германских сил на западные окраины Русской земли. Шведы, датчане и немцы начали колонизовать восточные берега Балтийского моря и покоряли себе финские и литовские племена, жившие на морских побережьях Ботнического, Финского и Рижского заливов. Шведы овладели Финляндией и «примучивали» финнов к христианству; датчане заняли Эстляндию, где построили крепкий Ревель; немцы из Германии колонизовали устья Зап. Двины и Немана. Двигаясь на восток и распространяя вглубь страны свои владения, шведы и немцы придвигались все ближе и ближе к русским областям и, наконец, в середине XIII века вступили с русскими в борьбу, пытаясь овладеть русскими городами. Таким образом, поражаемая с востока татарами, Русь должна была на западе отбиваться от германцев. Покушения шведов были отбиты скоро (§ 36); борьба же с немцами затянулась надолго и отличалась большим напряжением и сложностью.

Первое появление немцев в устьях Зап. Двины в середине XII века носило характер мирный: немцы из северной Германии ездили на Двину торговать с туземцами. За купцами явились немецкие миссионеры проповедывать христианство между ливами (финнами) и литовцами. Проповедь их не имела успеха: уже крещеные, туземцы-дикари при первой возможности погружались в Двину, чтобы «смыть» с себя крещение и по воде отослать его обратно к немцам. Тогда на помощь священникам папа послал крестоносное ополчение. Вновь назначенный епископ Ливонии (так называли страну ливов) Альберт с войском прибыл в устья Двины, основал город Ригу (1200) и, опираясь на эту крепость, начал покорение окрестной страны, с тем, чтобы просветить ее светом христианства и подчинить немецкой власти. Он усиленно призывал из Германии колонистов в Ливонию и придумал основать здесь орден духовных рыцарей по образцу военных орденов в Палестине. Это и было устроено в 1202 году. Новый орден получил название «мече-

носцев» (*gladiferi*), потому что его рыцари носили белый плащ с красным крестом и мечем на плече. Ордену был дан устав рыцарей-темплиеров; орден управлялся магистром и находился в ленной зависимости от епископа. Так устроил епископ Альберт дело распространения христианства среди ливов и литвы. С тех пор рыцари-меченосцы не переставали распространять свои владения во все стороны от Риги; в землях, покоренных ими, ставили они крепкие замки и из этих замков держали в повиновении туземцев.

Немногим позднее (1225—1230) между Неманом и Вислой— на Балтийском побережье — основался другой духовный рыцарский орден — Тевтонский. Образованный для Палестины, он обладал большими силами и средствами; но удержаться в Палестине он не мог, так как там все более и более торжествовали мусульмане. В таких обстоятельствах один из польских князей (Конрад Мазовецкий) обратился к ордену с предложением поселиться в его владениях с тем, чтобы защищать польские земли от набегов литовского племени пруссов. Орден принял предложение. Пруссы, державшие в страхе поляков, вступили в борьбу и с тевтонами; но немцы оказались сильнее их. В течение полустолетия постепенно завоевывали рыцари Прусскую землю и, наконец, покорили ее всю. На месте племенных прусских областей образовалось немецкое государство, ставшее в ленную зависимость от императора. Таким образом, на восточном побережье Балтийского моря, на устьях главнейших рек этого побережья, Зап. Двины, Немана и Вислы, в XIII веке укрепились немцы, сильные как своим военным устройством, так и тою поддержкою, какую они могли иметь от папы и императора из Германии.

Немецкий натиск двояко отразился в жизни западных русских областей: Новгородской, Псковской, Полоцкой и Волынской. Во-первых, немцы, покорив низовья Зап. Двины, пришли в прямое соприкосновение с русскими владениями. Они напали на владения полоцких князей по р. Двине (Кукейнос, Герсиц) и покорили их, несмотря на деятельное сопротивление. Они приближались к Новгородским и Псковским землям, после многих столкновений взяли русский город Юрьев (понемецки Дерпт, Dorpat) и на время овладели Изборском и даже Псковом, откуда, как дальше увидим, выбыл их князь Александр Ярославич Невский. Во-вторых, вторжение немцев в литовские земли возбудило и подняло литовские племена. Под напором беспощадного врага разрозненная и слабая литва стала соединяться в большие скопища и искала вождей для борьбы с немцами. Иногда она шла на немцев с русскими

(полоцкими) князьями; иногда же в среде литовцев являлись свои князья, под властью которых охотно объединялись многие литовские роды и племена. Теснимые немцами, литовские князья нередко обращались на русские земли и захватывали их, чтобы вознаградить себя за отнятое немцами. Так попали под власть литовских князей многие земли Полоцкого княжества, отнятые князем Миндовгом; а позднее, как увидим, стали попадать области Киевские и Волынские. Стало быть, с появлением немцев на западных русских границах у Руси оказалось два новых врага: сами немцы, мечтавшие о завоеваниях на Руси, и литва, начавшая объединяться под угрозой немецкого завоевания.

§ 36. **События в Руси Северной. Св. князь Александр Невский. Развитие удельного порядка.** После великого князя Юрия Всеволодовича, погибшего в битве на р. Сити, великим князем в Суздальской Руси стал его брат *Ярослав Всеволодович* (1238). Когда татарская рать ушла на юг, он начал деятельно устраивать порядок в разоренной земле, восстанавливал сожженные города и возвращал на места бежавшее от татар население. Не имея сил вести борьбу с татарами, он признал над собою власть хана и вместе с другими русскими князьями поехал в Золотую орду на поклон к Батюю. Ему пришлось затем отправиться и в Монголию к великому хану. Оттуда Ярослав уже не вернулся: он умер у хана (1246). После смерти Ярослава великое княжение перешло, по старому русскому порядку, к его брату, а затем к его сыновьям.

Из них особенно был замечателен *Александр*, по порванию Невский. Еще при жизни отца он стал славен по всей Русской земле. При отце он княжил в Новгороде как раз в то время, когда на Новгородские пределы обрушились шведы, немцы и литва. Князь Александр счастливо отразил всех этих врагов, одержав над ними ряд громких побед. Первыми попали под его меч шведы (1240). Шведский полководец Биргер во главе крестоносного войска действовал в Финляндии против финских язычников и оттуда решил итти на Новгородскую землю. Шведы были уже на р. Неве, при впадении в нее р. Ижоры, когда их встретил Новгородский князь Александр. Он напал на них с небольшою дружиною, нанес им поражение и заставил их бежать. Победа была так решительна и значение ее казалось так велико для Руси, что подвиг князя Александра стал предметом многих благочестивых преданий. Одно из таких преданий говорило, что сами свв. князья Борис и Глеб в ладье приплыли с моря на помощь сроднику своему кня-

зю Александру и явились благочестивому воину Пелгусию. Победу на Неве рассматривали, как торжество православия над католичеством; она послужила первым поводом к тому, чтобы причислить князя Александра, доброго страдальца за русскую землю, к лику русских святых. За Александром с тех пор навсегда осталось прозвание «Невского». Год спустя после Невской победы встала опасность от меченосцев. Немцы взяли Изборск и Псков, вторглись в Водьскую пятину, заняли дороги вблизи от Новгорода и грабили купцов, всего верстах в 30 от города. Князя Александра не было в Новгороде, когда случилось это вторжение немцев. Приехав в Новгород, он немедленно пошел на немцев, отнял у них русские города и встретил их главную рать на льду Чудского озера (это было 5 апреля 1242 года). В упорной битве меченосцы были разбиты на голову: многое множество их было убито, пятьдесят «божьих дворян» (так русские звали рыцарей) попало в плен и было приведено князем Александром во Псков. После этого «ледового побоища» меченосцам пришлось оставить в покое русские земли. Прошло еще года три, и князь Александр одерживает новые победы над литвою. Возбужденные немецким натиском, литовские племена пришли в движение и стали напирать на русские владения, Полоцкие и Новгородские. Князь Александр, нанеся им несколько поражений, выгнал их из Новгородских пределов (1245).

Это произошло незадолго до смерти великого князя Ярослава. Вскоре по кончине отца сам Александр стал великим князем Владимирским. До тех пор ему приходилось действовать на западе Руси против разных врагов, и он показал себя мужественным и отважным защитником родины. Теперь, как великий князь, он имеет дело с татарами и, ясно понимая, что воевать с ними у Руси нет сил, держит себя в повиновении хану. Когда татары решили сделать на Руси перепись своих данников и определить их «число», князь Александр уговаривал народ спокойно «дать число» татарским чиновникам, «численникам». Он даже угрозами и силою принуждал к повиновению ослушников; когда же народ все-таки насильничал над численниками и не давал числа, Александр ехал в орду и отмаливал виновных у хана, являясь и здесь заступником за родину. Возвращаясь из такой поездки осенью 1263 года, князь Александр скончался на пути в Городце на Волге, искренно оплаканный всеми, «много потрудившись (по словам летописца) за землю Русскую, за Новгород и за Псков, за все великое княжение, отдавая живот свой и за православную веру». В трудную и мрачную годину бед Александр являлся на севере Ру-

си единственным представителем военной доблести и удачи, и политической мудрости, и самоотвержения. Отсюда его слава.

Следующие за ним великие князья Владимирские (младшие братья Александра: Ярослав, живший постоянно в Твери, и Василий, живший в Костроме) не имели на Руси того значения, каким пользовался Александр. При них власть и сила великого князя ослабели; прочие князья не только не повиновались им, но и стали враждовать с ними, несмотря на то, что великие князья получали свой сан по ханскому ярлыку. В следующих же поколениях князей, — сыновей, племянников и внуков Александра Невского, — усабицы стали самым обычным явлением, и в Суздальской Руси окончательно утвердился так называемый *удельный порядок*.

Особенность *удельного порядка* заключалась в том, что все княжества, образовавшиеся в Суздальской Руси, считались как бы частною собственностью тех княжеских семей, которые ими владели. На свой удел каждый князь смотрел, как на *вотчину*, и распоряжался им, как желал. Он завещал свою волость, кому хотел, и делил ее на части по числу своих наследников. Даже получив от хана ярлык на великое княжение, удельные князья не переселялись в стольный город Владимир, но оставались жить в собственном княжестве и оттуда управляли Владимиром. Первые так поступили братья Невского, Ярослав и Василий: получив Владимир, они не переселились в стольный город, а остались в своих городах — Твери и Костроме. Поэтому великих князей владимирских этого периода обыкновенно и называют по их удельным городам: Ярослав Тверской, Василий Кростомской, Дмитрий Переяславский, Андрей Городецкий и т. п.

Княжества Суздальско-Владимирской Руси обратились в уделы-вотчины отдельных княжеских семей по многим причинам. Во-первых, с самого начала Суздальского княжества княжеская власть в нем стала очень сильна (§ 30). Князья не должны были считаться здесь с вечевыми собраниями, сами основывали города и управляли ими. Издавна князь смотрел здесь на себя, как на собственника всей земли, ему принадлежавшей. От старых князей XII века такой взгляд перешел и к позднейшим князьям, которые стали считать свои уделы своею частною собственностью. Во-вторых, чем больше становилось князей в потомстве Всеволода Большого Гнезда, тем труднее было великому князю Владимирскому справляться с ними и держать их в повиновении. Удельные князья часто соединялись против великого князя, чтобы не дать ему усилиться и чтобы лучше сохранить свою самостоятельность. Они не

стеснялись тем, что великий князь утверждался в своем старшинстве ханом, и жаловались на него в орде, интриговали против него и даже воевали с ним. В таких условиях великие князья не могли, конечно, становить прочих князей в повиновении, и удельные князья становились полными господами в своих уделах. Наконец, в-третьих, порядок родового наследования великокняжеского достоинства хотя и удержался в Суздальской Руси, но получил совсем особый вид. Сан великого князя носил тот удельный князь, которому удавалось получить Владимирский стол. Старшие из удельных князей и стремились получить в орде ярлык на город Владимир, считаясь там друг с другом своим старшинством. Но кто бы ни овладел Владимиром, от того несколько не менялся порядок владения в прочих княжествах. Все князья оставались на своих вотчинах, и только князь, ставший великим, присоединял Владимир к своему уделу. Стало быть, родовое наследование применялось только к стольному городу; остальные же города считались собственностью семейной, не родовой. С течением времени, когда в разных уделах княжеские семьи размножились, у них появились даже свои «великие» (то-есть старшие) князья. Были великие князья Тверские, Ярославские, Нижегородские, но каждый из них мечтал стать, кроме того, великим князем Владимирским и «всея Руси».

Последствия удельного порядка, водворившегося в Суздальской Руси в XIII—XIV веках, были очень велики. Первым из них было бесконечное дробление княжеских уделов. Князья множились; каждый князь, умирая, по духовному завещанию («грамоте душевной») делил свою вотчину всем своим наследникам; даже и своей вдове-княгине он давал города и села «в опричину» (то-есть в особое владение до смерти). Уделы, таким образом, росли числом, но уменьшались пространством, — чем далее, тем более мельчали и мельчали. Князья, получавшие все меньше и меньше земли, беднели с каждым поколением и нуждались в средствах к жизни. Отсюда их желание со стороны добыть себе земли и всякого добра, «примыслить» что-нибудь от соседа. В многолюдном княжеском роде чувство родства притуплялось от частых ссор и усобиц; поэтому посягнуть на имущество соседнего князя считалось дозволительным. В погоне за «примыслами» у князей все более и более крепло взаимное отчуждение и развилось открытое хищничество. Они стали смотреть друг на друга, как на постоянных соперников и врагов, и старались при первом удобном случае овладеть у соседей плохо защищенным городом, селом, челядью. Всякое такое приобретение составля-

ло желанный «примысел». В результате подобная политика повела к одичанию людей и разложению политического порядка. В северо-восточной Руси настала политическая безурядица, в которой господствовало одно право сильного. Выход из такого печального состояния обозначился лишь тогда, когда в Суздальской Руси началось народное движение в пользу объединения и нашлась сильная княжеская семья (в Москве), которая сумела воспользоваться этим движением.

§ 37. События в Руси Южной. Князь Даниил Галицкий. Упадок Юго-западной Руси. В 1240 году Батый, как мы знаем, разорил Киев, Волынь и Галич. В эту пору там шли усобицы. После смерти князя Романа, соединившего в своих руках Волынь и Галич и умершего в 1205 году, остались два малолетних сына, Даниил и Василько. Только после двадцатипятилетней борьбы с соседними князьями и с галицкими боярами *Даниилу Романовичу* удалось прочно сесть на отчем столе и получить Галич и Киев¹). Но смута все-таки там не прекратилась. По словам летописца, «бояре же галичстии Данила князем себе называху, а сами всю землю держажу». Даниилу надобно было еще много времени, чтобы сломить своеволие бояр.

Едва он успел в этом, как разразился над его страну Батыев погром. Даниил убежал от татар в Польшу и возвратился домой, когда татары ушли. Деятельно принялся он восстанавливать сожженные города и возвращать в них бежавшее население. Для наполнения своего княжества он приглашал к себе колонистов и из других стран: ляхов, немцев, венгров. Стараясь всеми мерами усилить свое княжество, он строил в нем и укреплял города. Подчиняясь на первое время татарам и побывав с поклоном в орде, он, однако, не переставал мечтать о свержении их ига. Для этой цели он предпринял ряд важных действий. Понимая, что одними своими силами ему не освободиться от татар, он завел сношения с западом, обратился к папе, обещая ему унию с католичеством, и стремился

¹) На наследство князя Романа Мстиславича набросились многие южные князья, и Мономаховичи, и Ольговичи. Галицкое боярство также восстало на своих маленьких князей. Вместе с своею матерью, с дядькою, кормилицею и священником, Даниил и Василько бежали от врагов и мятежников из Владимира Волынского в Польшу, а оттуда в Венгрию. Там они нашли приют и помощь и вернулись оттуда на Русь добывать свои земли. Много лет шла борьба за Волынь и Галич между русскими князьями, поляками и венграми. В этой борьбе не малую роль играли и бояре галицкие, из которых боярин Владислав отважился даже воцариться и сесть на Галицком столе (однако этот единственный князь из бояр удержался недолго).

устроить крестовый поход против татар. Папа прислал Даниилу королевскую корону, и Даниил короновался ею в г. Дрогоичине (1255). Но далее дело не пошло. Крестовый поход не устроился, и, вообще, никакой помощи с запада против татар король Даниил не получил. Прервав тогда сношения с папою, Даниил стал искать союзников ближе и сошелся с литовским князем Миндовгом. Мало-по-малу обнаруживал он свои враждебные умыслы против татар и, казалось, готов был начать войну с ними. Но татары приняли свои меры и послали на Даниила своего воеводу с войском; он потребовал от Даниила срытия крепостей. Не отваживаясь на бой со страшным врагом, Даниил скрепя сердце подчинился, ибо видел, что татары превосходят его силами.

Так шли дела Даниила с татарами. Мечты об освобождении от татарского владычества не мешали Даниилу вести оживленные сношения с его западными соседями. Привыкший с детства к общению с поляками и венграми, Даниил всегда внимательно следил за ходом дел на западе и часто вмешивался в дела Венгрии, Чехии, Австрийского герцогства и Польши; он роднился с иноземными государями, мечтал о приобретениях земель в Германии, заботился об укреплении торговых связей с западными странами, охотно принимал выходцев с запада в свои земли. Такие сношения с западом были естественным последствием географического положения Даниилова княжества — рядом с ляхами и венграми, на краю Русской земли. В свою очередь, тесное общение с иноземцами послужило одною из причин быстрого падения самостоятельности Галича и Волыни вскоре по кончине Даниила.

Так же, как и другие западные области Руси, княжество Даниила испытывало на себе натиск возбужденной немцами литвы. Даниил находился в постоянной борьбе с литовским князем Миндовгом и с наиболее диким из литовских племен — ятвягами. Но, в то время, как слабые Полоцкие князья уступали Литве и подчинялись ей, Даниил сам переходил в наступление, вторгался в литовские области и постоянно брал верх над врагом. В конце-концов ятвяги были принуждены платить дань Галицкому князю; а Миндовг искал мира с Галичем, предлагая Даниилу устроить брак между их детьми. Сын Даниила, по имени Шварн, женился на дочери Миндовга, и, благодаря этому браку, Даниил получил сильное влияние на дела в Литовском княжестве. В особенности возросло это влияние после смерти Миндовга, когда русские войска Шварна Даниловича водворяли порядок в Литве и содействовали утверждению там сына Миндовга (Войшелка).

Таково было княжение Даниила, умершего около 1264 года (почти одновременно с князьями Александром Невским и Миндовгом). Слава этого князя была основана на необыкновенном успехе его деятельности. Многолетние смуты в Юго-западной Руси были им прекращены, боярство усмирено, княжеская власть окрепла, в княжестве водворен порядок и выросло благосостояние. В делах средней Европы Русь получила вес и влияние. Литва была побеждена и усмирена. Правда, татарская власть висела над княжеством Даниила, как и над северной Русью; но здесь она выражалась слабее, — вероятно, по той причине, что владения Даниила были всего дальше от татарских кочевий, на самой окраине захваченных татарским нашествием областей. Наследникам Даниила оставалось только поддерживать этот порядок, который был им насажден. Но они оказались неспособны это сделать. История юго-западной Руси после Даниила полна смутами и усобицами. Князья Галицкие и Волынские, сыновья, племянники и внуки Даниила, находились в непрерывных взаимных распрях; боярство получило прежнее значение; жители городов, в значительном числе инородцы и иноземцы, призванные в города отовсюду, не обнаруживали никакого патриотизма. Такое положение дела повело к иноземному вмешательству в дела Юго-западной Руси. Литва, вышедшая из-под влияния юго-западных князей, усилилась в XIV веке настолько, что сама стала стремиться к завоеванию Юго-западной Руси. Литовским князьям удалось захватить Волынь в середине XIV столетия. В то же время Польша овладела Галичем. Так разошлось по чужим рукам богатое наследство знаменитого князя Даниила Романовича.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Начало и рост великого княжества Литовского.

§ 38. **Первые Литовские князья.** Как мы видели (§§ 35, 37), литовские племена под натиском немцев в XIII веке стали стремиться к объединению и группировались около своих и русских князей для того, чтобы дать отпор завоевателям. Разрозненная до тех пор Литва стала складываться в государство. Выразителем объединительных стремлений у литовцев явился известный уже нам князь *Миндовг* (или Миндове). Захватив русский город Новгородок (или Новогородек) в верховьях Немана, он основал в нем свое княжество и распространил свою власть на некоторую часть литвы, жмуди, ятвягов и на русские волости: Полоцкую, Витебскую и отчасти Смоленскую. Покоряя Русь с помощью своих, литовцев, он с помощью русских распространял свое влияние и господство среди литовских князьков. Воюя с немцами, он двигал против них в одном ополчении и литву и русских. Так он первый из литовских князей старался сблизить враждебные прежде племена русские и литовские и на их соединении построить свое государство. Это государство было еще очень непрочное и слабо; но оно давало литве защиту от немцев, а русским — прибежище от татар, и потому оно держалось. Миндовг всю жизнь свою воевал с немцами, то уступая им, то снова поднимаясь на них. Когда это было для него выгодно, он согласился принять крещение от немцев и за это получил от папы королевскую корону. Когда же обстоятельства переменились, он вернулся к язычеству и снова обрушился на немцев. Также и по отношению к Руси Миндовг менял приемы своей политики. Являясь порою решительным завоевателем, он иногда готов был на соглашение. Встретив могучего противника в Данииле Романовиче Галицком, он замирил его уступкою некоторых земель и брачным союзом, отдав свою дочь в жены Шварну Данииловичу. Несмотря, однако, на всю свою

гибкость, Миндовг не кончил добром. Недовольные им литовские князья убили его (1263), но по большей части сами погибли от мести Миндовгова сына Войшелка. Один из них, князь Довмонт, спасся во Пскове, там крестился и начал княжить, приобретя чрезвычайную славу и почет за то, что доблестно и удачно защищал Псков от немцев и литвы.

В княжестве Миндовга начались после его смерти продолжительные смуты, и самое княжество Литва уменьшилось вследствие отпадения от него многих волостей. Прошло полстолетия раньше, чем в Литве утвердился порядок и снова образовалась сильная княжеская власть. С 1316 года в Литве действует князь *Гедимин*, основатель династии Гедиминовичей, образовавший из литовских и русских земель большое и сильное государство. Со времени Миндовга русское влияние на литовских князей чрезвычайно усилилось. При Гедимине в Литве уже существуют города, укрепленные по правилам военного искусства; литовские рати хорошо устроены и вооружены; они знают, как надо осаждать города, употребляют осадные орудия. Жители волостей имеют правильное управление и должны защищать свои города по очереди, в известные сроки. Всем этим благоустройством литовцы были обязаны русскому влиянию. Русские люди служат в войсках Гедимина и начальствуют ими; они ездят в посольства от имени литовского государя; они управляют городами и волостями. Словом, русский элемент, очевидно, возобладал над менее культурным литовским и произошло мирное сближение между соседними народами. При дворе Гедимина слышался русский язык, потому что Гедимин был сам женат на русской и детям своим устраивал браки с русскими же. Сам себя он считал не только литовским, но и русским князем, и в сношениях с немцами именовал себя «rex Litwinorum Ruthenorumque». Таким мирным сближением народностей следует объяснять быстрое и легкое соединение Юго-западных русских земель под властью Гедимина. Он подчинил себе все Русские княжества от Полоцка до Киева и подготовил присоединение Волыни. Границами его земель с востока были земли Смоленские и Черниговские, а с юга Волынские. Своим обширным княжеством Гедимин управлял сначала из неприступного города Трок (Трокский замок стоял на острове посреди озера), а затем из Вильны, построенной им на р. Вилии, притоке Немана.

Две трети всех земель Гедимина были русскими землями. Ясно, что *Литовской династии удалось образовать такой центр, к которому стала тяготеть потерявшая свое единство вся Юго-западная Русь*. Гедимин начал ее собирание, а его

дети и внуки его закончили. Дело это совершалось быстро и легко, потому что население русских земель само охотно шло под власть обруселых Гедиминовичей.

Из многих сыновей Гедимины два сосредоточили в своих руках власть в Литве. Это были великий князь *Ольгерд* и жмудский князь *Кейстут*. Дружные между собою, они поделили управление так, что Ольгерд знал русское население Литовского государства, а Кейстут — литовское. Ольгерд, живя в Вильне, был, так сказать, обращен на восток и действовал против северо-восточной Руси; Кейстут, живя в Троках, был обращен на запад и действовал против немцев. Поэтому русские знали Ольгерда больше, чем его брата; они очень хвалили ум и таланты Ольгерда, говоря, что это был сдержанный и хитрый политик, воевавший «не столько силою, елико мудростью». Кейстута же хорошо знали немцы; они изображали его доблестным рыцарем, храбрым и милостивым, прямодушным и честным. Оставаясь язычником по вере, Кейстут был христианином по духу. Об Ольгерде же никто хорошо не знал, какой он держался веры. Поддерживая друг друга во всех своих делах, Ольгерд и Кейстут, с одной стороны, задерживали немцев в их движении на восток, а с другой стороны — продолжали начатое их отцом собирание Руси. Война с немцами имела вид постоянных взаимных набегов, которые у немцев назывались «рейзами». Целью таких рейз было напугать врага и нанести ему возможно больше вреда, а затем без урона вернуться домой. Обе стороны — и немцы, и литва — не шли далее таких набегов. Немецкое завоевательное движение остановилось, и немцы были при Кейстуте довольны уже и тем, что держались на ранее захваченных ими местах. В отношении Руси южной Ольгерд достиг больших успехов. Он овладел Чернигово-Северскою областью и Брянском; Киев и Волынь были им окончательно подчинены. Не довольствуясь южными русскими областями, Ольгерд покушался утвердить свое влияние в Новгороде и Пскове и поддерживал Тверь против Москвы. Но в Северной Руси Москва была уже настолько сильна, что могла остановить замыслы Ольгерда. Встретив такого смелого и упорного противника, как великий князь Дмитрий Иванович Донской, Ольгерд должен был уступить.

Таковы были дела Ольгерда и Кейстута. Положив предел завоеваниям немцев, *они собрали под своею властью, можно сказать, всю Южную и Западную Русь, освободив ее от владычества татар и дав ей единую сильную власть*. Очень было важно, что эта власть была русскою по своей культуре и по своим приемам. Русским людям представлялось, что Гедимино-

вичи восстанавливают старую русскую силу и старый русский порядок на коренных русских местах — в области верхнего и среднего Днепра. Образованное Гедиминовичами могучее Литовско-Русское государство, казалось, имеет блестящее будущее. Однако дальнейший ход событий не оправдал тех надежд, с какими смотрела на литовских князей вся Юго-западная Русь.

§ 39. **Уния Литвы с Польшей. Ягайло.** Ольгерд умер (в 1377 году), оставив много сыновей. Из них великим князем стал *Ягайло*. Лишенный тех талантов и той выдержки, какими отличался его отец, Ягайло не умел с достоинством пользоваться своею властью. Между ним и его дядею Кейстутом началась усобица, вызванная вероломством Ягайла: Ягайло оказался в тайных сношениях с немцами против своего знаменитого дяди. Кейстут низложил Ягайла, но не лишил его жизни. Выбрав удобную минуту, Ягайло восстал против дяди, хитростью заманил его в свои руки и приказал удавить (1382). Сын Кейстута Витовт, вместе с отцом попавший в руки Ягайла, успел убежать из своей тюрьмы и скрылся у тевтонских рыцарей. От них он, однако, вернулся на родину, помирился с Ягайлом и получил некоторые земли своего отца.

Так бесславно и преступно провел Ягайло первые годы своего княжения. В 1385 г. из Польши ему было сделано предложение жениться на польской королеве Ядвига и соединить Польшу и Литву. У польского правительства были веские побуждения желать этого брака. С прекращением династии Пястов (1370) в Польше воцарился родственник Пястам (по женской линии) король венгерский Людовик, а после его смерти (1382) была признана королевою его малолетняя дочь Ядвига. Переход власти в руки Ядвиги не обошелся без смут и кровопролития между польскими панам; точно также много смут вызвал вопрос о том, кого выбрать в мужья молодой королеве. Надобен был жених, не столько приятный невесте, сколько полезный Польскому государству. Такого и нашли польские паны в лице Ягайла. Женившись на Ядвиге, он должен был обеспечить Польше союз и содействие своего княжества. Это было важно для поляков в двух отношениях. Во-первых, между Литвой и Польшей шла тогда долгая вражда за русские волости Волынь и Галич. Литва овладела Волынью, покушалась на Галич и постоянно держала Польшу в страхе угрозою своих нападений. Эта опасность уничтожалась в случае брака Ягайла с Ядвигою. Во-вторых, немцы, овладев Литовскими землями на Балтийском побережьи, дали себя знать и полякам. Тевтоны овладели Польским Поморьем, отодвинули Поль-

шу от моря и овладели торговым движением по Висле, на устьях которой они засели. Поляки вели с немцами такую же народную войну, как и Литва. Соединив силы обоих народов против общего врага, можно было надеяться на прочный успех. Таковы были причины, заставлявшие поляков желать унии с Литвою.

Предложение поляков было принято Ягайлом с радостью. Он согласился на все поставленные ему условия, чтобы только соединить в своих руках два государства. Его обязали самого принять католичество и крестить в католичество языческую Литву. Отец и дед Ягайла отличались религиозным безразличием и терпимостью; понятно, что и он легко переменял греческое православие на римскую веру. Пропаганда католичества давно была знакома Литве: Литву присоединяли к своей вере немцы; легко было Ягайлу допустить такую же пропаганду со стороны поляков. Сверх того, Ягайло согласился на соединение (унию) Литвы и Польши в одно государство и обещал свою помощь для возвращения Польше отнятых соседями земель. В 1386 году совершился брак Ягайла и Ядвиги и началась уния Литвы и Польши. Ягайло стал польским королем с именем Владислава. Произошло общее крещение литовцев в католичество, сопровождавшееся уничтожением языческих капищ, священного огня, «зничя», и других принадлежностей старого культа. Скоро сказались и политические последствия заключенной унии. Соперничество и борьба Польши и Литвы за южно-русские области прекратились. Ягайло даже помог своими войсками полякам вернуть к Польше занятые венграми города Червонной Руси — Галич, Львов и др. Наконец, соединенные силы Западной Руси, Литвы и Польши нанесли в 1410 году страшное поражение Тевтонскому ордену на границе Пруссии и Польши, при деревнях Грюнвальде и Танненберге. Эта знаменитая битва, в которой русское и польское славянство победило германцев, составляет эпоху в истории Ордена и Польши. Могущество Ордена пало и завоевания его прекратились; значение Польши и соединенной с нею Литвы необыкновенно поднялось.

Таким образом, цели, которые преследовала уния, были несомненно достигнуты: антагонизм Литвы и Польши уничтожен; общий враг их поражен. Польша от унии получила несомненные выгоды. Для Литвы же уния, вместе с добрыми последствиями, принесла и очень дурные. Она внесла в Литву семена внутренней вражды и разложения. До 1386 года в Литовско-Русском государстве было две народности (русь и литва) и две религии (православие и язычество). Православно-рус-

ское население, по приблизительному счету, занимало девять десятых всех земель государства и отличалось несравненно высшей культурой, чем языческая Литва. Понятно, что литовцы испытывали на себе сильнейшее влияние русской гражданственности; и они подчинялись ей охотно, потому что соединение того и другого народа под одну властью совершалось исподволь и без острой вражды. Литовско-Русское княжество, казалось, должно было стать сплошь православно-русским государством. Уния же 1386 г., сделавшая правительство княжества католическим, поставила в Литве рядом с православием римскую веру, ему враждебную. Православие в Литве преобладало численно; католичество же стало там господствующим исповеданием, потому что государь литовский сам его принял и обязался его распространять. Таким образом, в Литовском государстве появилась возможность религиозной вражды и столкновений из-за веры. С другой стороны, католичество принесено было в Литву поляками и сопровождалось поэтому польским культурным влиянием. Польское духовенство, польские придворные и чиновники появились в Литве и сменили собою русских приближенных князя. Они принесли с собою латинский и польский языки на смену русского, польские нравы и обычаи взамен русских. Ягайло и его двор не только окатоличились, но и ополячились. Так как народное большинство в старой Литве и вся Русь не хотели отставать от своих прежних привычек и обычаев, то неизбежно возникла вражда культурная и национальная. Вот эта-то вражда и была тяжелым последствием унии. Население Литвы и Западной Руси не сочувствовало Ягайлу и поднялось против него.

§ 40. **Витовт.** Став королем польским, Ягайло не мог уже непосредственно управлять Литовским княжеством и назначил своим наместником, с званием «великого князя», одного из своих братьев (Скиргайла). Но другие удельные князья литовские начали борьбу с Ягайлом и Скиргайлом и привели дело к тому, что великим князем литовским, в ленной зависимости от Ягайла, стал сын Кейстута *Витовт* (1392). Ему удалось укрепиться во власти так, что он смирил и забрал в свои руки всех удельных литовских князей и в то же время упразднил совсем свою личную зависимость от Ягайла. На съездах польской и литовской знати (в 1401 и 1413 годах) была окончательно установлена династическая уния Литвы и Польши, и Витовт признал себя лишь пожизненным владельцем своего княжества. Но это не мешало ему быть полновластным государем и вести самостоятельную политику. Необыкновенные способности и ум Витовта позволили ему стать прямым преемни-

ком Гедимины и Ольгерда. Он присоединил к Литве Смоленское княжество (1395); при нем границы Литвы достигли небывалых пределов: они доходили до двух морей: Балтийского и Черного. Литва «от моря до моря», — так обозначался обыкновенно объем государства Витовта. Стремясь расширить свое политическое влияние, Витовт вмешивался в дела всех Русских земель: Новгорода и Пскова, Твери, Москвы, Рязани. Московский великий князь Василий Дмитриевич, несмотря на то, что был женат на дочери Витовта Софии, должен был выступить против притязаний своего тестя на восточные и северные Русские земли. По уговору между ними, река Угра (левый приток Оки) была назначена границей между Московскими и Литовскими землями. Так далеко зашел на восток Витовт! Он пытался подвести под свою власть даже Золотую орду, изнывавшую тогда от междоусобий. Но ордынский правитель Едигей нанес Витовту решительное поражение на р. Ворскле (левый приток Днепра) и тем прекратил его притязания. Подвиги Витовта сделали его народным героем литовцев. Время его считалось эпохой наибольшего расцвета и могущества Литвы. Но в эту же самую эпоху появились первые признаки и внутреннего распада в молодом Литовском государстве.

Усиление Витовта и его вокняжение в Литовском государстве были последствием того недовольства, которое возбудила уния с Польшей среди русского и литовского населения Литвы. Поддерживая Витовта в его борьбе со Скиргайлом и Ягайлом, это население показывало, что не желает итти под польско-католическое влияние, а желает самостоятельности и обособленности в своей политической жизни. Казалось бы, что при таких условиях роль Витовта очень проста. Ему следовало бы опереться на сильнейшую часть подвластного ему населения — на православно-русскую народность — и обратить свое государство в такое же русское великое княжество, каким была тогда Москва. Сделав свою политику русской и обратившись к православию, Витовт мог бы стать соперником Московских князей и, быть может, скорее их объединить под своим скипетром всю Русскую землю. Но Витовт этого не сделал, потому что, с одной стороны, он нуждался в помощи Польши против немцев, а с другой стороны — в самой Литве появились люди, которые видели свою выгоду в унии и толкали Витовта к сближению с Польшей.

Чтобы понять это, надобно помнить следующие обстоятельства. По условиям унии, которые были определены польско-литовским съездом 1413 года в местечке Городле (на р. Западном Буге), *подданные великого князя Литовского, принимая*

католичество, получали те права и привилегии, какие имели в Польше лица соответствующего сословия: литовские князья и бояре получали права панов, простые дружинники — слуги князей — становились в положение польской шляхты (дворянства); двор и администрация в Литве устраивались по образцу польского королевского двора, при чем новые должности доставались только католикам. Те люди, которые видели для себя прибыль и честь в новых порядках, малодушно увлекались в сторону Польши и католичества, стояли на стороне унии, принимали польскую веру и проводили польское влияние в свою литовско-русскую среду. Таким образом, у Витовта среди его собственных подданных были уже не два, а три направления: православно-русское, старо-литовское и новое — католическо-польское. Все возлагали свои надежды на популярного князя, и он ко всем относился одинаково внимательно. Все его считали своим, но он не становился прямо ни на чью сторону. Держась необходимого ему союза с Польшею, он всего ближе был к тем, кто стоял в Литве за унию с Польшей. Но он понимал, что такие сторонники Польши еще очень малочисленны и слабы, и потому сам не склонен был прямо и решительно примкнуть к Ягайлу. В конце своих дней он даже хлопотал о получении от императора из Германии королевского титула и, стало быть, о независимости от Польши. Но это ему не удалось. Витовт умер (1430), оставив политические и национальные партии в своей стране непримиренными, в состоянии взаимного озлобления и недоверия. Борьба этих партий и погубила мало по малу силу и величие Литовско-Русского княжества.

§ 41. **Литовское княжество после Витовта.** По смерти бездетного Витовта все его преемники избирались на великое княжение сановниками самой Литвы и вели политику самостоятельных государей, избегая подчинения Польше. Уния оставалась только в идее; но отказаться от этой идеи обе стороны не могли, потому что и Польша, и Литва продолжали нуждаться во взаимной поддержке против общих внешних врагов. Лишь при младшем сыне Ягайла *Казимире* (1440—1492) оба государства находились в действительной унии, так как Казимир, избранный в малолетстве великим князем Литовским, позднее был избран и Польским королем, и таким образом соединил обе страны под своим скипетром. Но после кончины этого короля Казимира IV («Ягеллончика») Литва опять отделилась от Польши, избрав особого великого князя — *Александра Казимировича*. Только в 1501 году, когда и Польша избрала на свой престол того же Александра, оба государства условились вперед твердо держаться унии и избирать всегда

одного государя для обеих стран. С таким трудом была, наконец, на деле осуществлена личная уния, задуманная в 1386 году.

Несмотря на постоянное стремление Литвы к обособлению от Польши, в течение всего XV-го столетия польское влияние в Литве продолжало расти и крепнуть. Хотя Литовские великие князья и держались самостоятельно, все-таки они сами и их правители были католики по вере и в культурном отношении были уже ополячены. Пока в Литовском княжестве еще существовал старый порядок и волостные удельные князья были сильны, это не имело большого значения. Каждый князь правил своею волостью самостоятельно: если он был православный и русский по духу, то и волость его не испытывала католического и польского гнета. Но в XV столетии сила великих князей в Литве возросла и они понемногу превратили князей волостных в своих наместников и подчиненных слуг. Вместе с тем и управление волостей испытало перемены и подчинилось централизации. Везде католики стали предпочитать православным и польские обычаи — русским; везде на правительственные должности стали (в силу унии 1413 года) назначаться князья и бояре римской веры. Везде, стало быть, православно-русские люди чувствовали свое унижение и обиду. Горше всех приходилось, конечно, той русской знати, князьям и боярам, которые превратились из государей и правителей в подчиненных и гонимых. Некоторые, более малодушные, оставляли православие, принимали католичество, эту ценою делали хорошую карьеру и ополячивались. Другие пробовали бороться и ждали помощи от православной Москвы, которая в ту пору уже стала сильна. Они или передавались Московскому великому князю с своими волостями, объясняя свою измену Литве гонением на их веру, или же просто выезжали из Литвы в Москву на службу, пользуясь старинным правом свободных слуг «отъезжать» от одного господина к другому. Под влиянием таких переездов Москва втягивалась в литовские дела, узнавала внутреннюю слабость Литвы и не раз шла войною на Литву, грозя отнять от Литвы все ее русские области. А под угрозами Москвы литовское правительство еще теснее жалось к Польше, ища у нея помощи от нового опасного врага.

Но не одна литовская знать и князья терпели от католического правительства Литвы. В первую пору своей истории Литовско-Русское княжество имело русское общественное устройство, унаследованное от Киевской Руси. Волостные князья были окружены дружиною, состоявшей из вольных слуг и

холопов; в центре земщины был *город* с его вечем, от которого зависела волость, населенная свободным *крестьянством* (смердами). По правилу, установленному унией, все литовцы, крещенные в католичество, начинали жить на польском праве, то-есть получали те права, какие имели в Польше лица соответствующего сословия. А в Польше в ту эпоху устанавливался окончательно своеобразный феодальный порядок с резко обозначенными сословиями и с полным преобладанием дворянства («шляхты»). Города польские, по так называемому «магдебургскому праву», составляли собою особые общины, ограниченные городскими стенами, с правом сословного самоуправления. Шляхта польская мало-по-малу обращалась в правящий класс с широкими политическими и владельческими правами. Она имела очень мало обязанностей по отношению к государству, влияла на управление государством и на избрание королей; она пользовалась правом льготного землевладения и в своих имениях получила безграничную власть над крепостным бесправным крестьянством. К этим-то польским порядкам, выгодным для дворянства и ужасным для прочей массы населения, стало приближаться Литовское государство, когда стало уравнивать в правах своих католических подданных с соответствующими разрядами польского общества.

Из старых дружин волостных князей в Литве понемногу образован был многочисленный служилый класс, который обязан был нести военную службу и пользовался за то правом владения землею. Высший разряд этого класса заключал в себе самих волостных князей и прежних «бояр», знатных их слуг. Составив служебную аристократию, эта знать получила общее название *панов* или *князей и панов*. Остальные разряды служилого класса получили название *шляхты*. Всем этим служилым людям, в особенности же шляхте, было очень выгодно сравняться в правах с польскими панами и шляхтою, ибо в Польше эти права были громадны. Вот почему литовская шляхта легко и охотно ополячивалась и окатоличивалась. Усвоив себе польские нравы и обычаи, она кабрировала крестьян, овладевала землями и стремилась превратиться в правящее политическое сословие. Вместе с тем она служила проводником польского влияния во всех областях государственной и общественной жизни Литвы. Таким образом, произошло разложение старого порядка и начиналась острая внутренняя рознь между всевластным дворянством и прочею бесправною массою населения.

Начало и рост великого княжества Московского.

§ 42. **Причины возвышения Москвы.** Было уже сказано (§ 36), что в эпоху татарского завоевания во Владимиро-Суздальской Руси развился удельный порядок княжеского владения, прекратившийся с усилением Московского княжества.

Особое Московское княжество начало существовать со второй половины XIII века. Самый же город Москва, по преданию, был основан князем Юрием Долгоруким. Летописи упоминают о Москве в первый раз в 1147 году (затем в 1156 и 1176 годах, называя ее «Московью», «Кучково» и «Москва»). Первоначально Москва была крепостью, поставленной на южной границе Суздальской земли для того, чтобы охранять ее с юга, от Рязани и Чернигова. Батый, идя из Рязани к Суздалю и Владимиру, прежде всего взял и разорил Москву, закрывавшую ему путь к этим городам. В первое столетие своего существования Москва не составляла особого княжества, а принадлежала Владимирским князьям. Князь Александр Невский оставил на Москве своего младшего сына *Даниила*, и только с тех пор Москва стала особым уделом Даниилова потомства. С тех пор же началось быстрое усиление и возвышение нового удела.

Первая причина возвышения Москвы и усиления Московских князей заключалась в *особенно выгодном географическом положении города Москвы*. Москва была расположена в узле дорог, ведущих из южной Руси в северную и из Новгородской земли в Рязанскую. Переселенцы из южных областей, идя на север, не могли миновать реки Москвы и в большом числе оседали вокруг города Москвы ранее, чем подвигались далее к северу. Оттого Московское княжество быстро и густо заселялось, а это давало Московским князьям большие средства, так как, чем гуще было население удела, тем больше получал удельный князь. Река Москва, с другой стороны, была таким водным путем, который соединял верховья Волги, с средним течением Оки. Этим путем пользовались новгородцы, перевозя к себе хлеб, воск и мед из богатейших мест Рязанской земли. Владея такою торговою дорогою, Московские князья извлекали свои доходы из торгового движения в виде пошлин с купцов и т. п. Таким образом, географически центральное положение Москвы способствовало быстрому заселению Московского княжества и обогащению Московских князей. Изобилие же материальных средств давало этим князьям большую силу и склонность к «примыслам».

Второю причиною возвышения Москвы были *таланты и ловкость первых Московских князей*, умевших использовать вы-

годы своего положения. Первые два Московских князя, *Даниил Александрович* и сын его *Юрий*, успели «примыслить» себе все течение Москвы-реки, отняв от Рязанского князя город Коломну на устьи р. Москвы и от Смоленского князя город Можайск на верховьях р. Москвы. Кроме того, князь Даниил получил город Переяславль-Залесский по завещанию бездетного переяславского князя. Земли и богатства Юрия Даниловича выросли настолько, что он, как представитель старшей линии в потомстве Ярослава Всеволодовича, решился искать в орде ярлыка на великое княжение Владимирское и вступил в борьбу за Владимир с Тверским князем Михаилом Ярославичем (этот князь, Михаил, будучи племянником князя Александра Невского, приходился двоюродным братом Даниилу Московскому и, стало быть, дядею князю Юрию Даниловичу). Борьба велась в орде путем интриг и насилий. Оба князя, и Московский, и Тверской, в орде были убиты (князь Михаил Ярославич, замученный татарами, причтен церковью к лику святых). Великокняжеский стол тогда достался сыну Михаила, Александру Тверскому; а в Москве вокняжился брат Юрия Иван, по прозвищу Калита (то-есть кошель). Улучив минуту, Калита снова начал борьбу с Тверью и, наконец, в 1328 году добился великого княжения, которое с той поры уже не выходило из рук Московской династии.

§ 43. **Великий князь Иван Калита и его ближайшие преемники.** О деятельности великого князя *Ивана Даниловича Калиты* известно немного. Сел он на великом княжении, — и, по словам летописи, «бысть оттоле тишина велика по всей Русской земле на сорок лет и престаша татарове воевати Русскую землю». Именно этому князю приписывается та важная заслуга, что он исхлопотал себе разрешение доставлять «выход» в орду своими средствами, без участия татарских сборщиков дани. Таким образом был уничтожен главный повод для въезда татар в Русские земли и было достигнуто внутреннее спокойствие и безопасность на Руси. По преданию, Иван Калита очистил свою землю и от «татей», то-есть внутренних разбойников и воров. Тишина и порядок во владениях Калиты привлекали туда население: к Калите приходили на службу и на житье как простые люди, так и знатные бояре с толпами своей челяди. Самым же главным политическим успехом Калиты было привлечение в Москву русского митрополита.

С упадком Киева, когда его покинули старшие князья, должен был возникнуть вопрос и о том, где быть митрополиту всея Руси: оставаться ли ему в заглохшем Киеве, или искать

нового места жительства? Около 1300 года митрополит Максим решил этот вопрос, переселившись во Владимир-на-Клязьме после одного из татарских погромов в Киеве. Уход владыки на север побудил Галичских князей просить Царградского патриарха устроить особую митрополию в Юго-западной Руси. Но патриарх не согласился разделить русскую церковь. После смерти Максима он поставил на Русь митрополитом игумена Петра, волынца родом; а Петр, осмотревшись в Киеве, поступил так же, как Максим, и переехал на север. Официальным местопребыванием его стал стольный город Владимир; но так как в этом городе великие князья не жили, и за Владимир спорили Москва с Тверью, то Петр решительно склонился в пользу Москвы, во всем поддерживал Московского князя Ивана Калиту, подолгу жила у него в Москве и основал там знаменитый Успенский собор, на подобие Успенского собора Владимирского. В этом соборе он и был погребен, когда кончина застигла его в Москве. Его преемник грек Феогност уже окончательно утвердился в Москве, и, таким образом, Москва стала церковною столицей всей Русской земли. Ясна вся важность этого события: в одно и то же время в Москве образовалось средоточие и политической, и церковной власти и, таким образом, прежде малый, город Москва стал центром «всея Руси». Предание говорит, что, создавая Успенский собор в Москве, как главную святыню зарождавшегося государства, святитель Петр предсказал славное будущее Москвы Ивану Калите, тогда еще не получившему великого княжения. Благодарные москвичи необыкновенно чтили память Петра митрополита и причли его к лику святых, как «всея России чудотворца», вскоре же по его кончине.

Таковы были первые успехи, достигнутые Московскими князьями благодаря их ловкости, выгодному положению их удела и сочувствию духовенства. Немедленно же стали сказываться и последствия этих успехов. При самом Калите (1328—1341) и при его двух сыновьях, *Семене Гордом* (1341—1353) и *Иване Красном* (1353—1359), которые так же, как и отец их, были великими князьями всея Руси, Москва начала решительно брать верх над прочими княжествами. Иван Калита распоряжался самовластно в побежденной им Твери, в Новгороде и в слабом Ростове. Сыну его Семену, по словам летописца, «все князья русские даны были под руки»: самое прозвище Семена «Гордый» показывает, как он держал себя с своими подручниками. Опираясь на свою силу и богатство, имея поддержку в орде, Московские князья явились действительною властью, способною поддержать порядок и тишину не только в своем

уделе, но и во всей Владимиро-Суздальской области. Это было так важно и так желанно для измученного татарами и внутренними неурядицами народа, что он охотно шел под власть Московы и поддерживал Московских князей. К Московским князьям приезжало много знатных слуг, бояр со своими дружинами, с юга и из других уделов Суздальских. Поступая на службу к Московским князьям, эти слуги усиливали собою рать московскую, но и сами, служа сильному князю, улучшали свое положение и становились еще знатнее. Быть слугою и боярином великого князя было лучше, чем служить в простом уделе; поэтому слуги Московских князей старались, чтобы великое княжение всегда принадлежало Москве. Бояре московские были верными слугами своих князей даже и тогда, когда сами князья были слабы. Так было при великом князе Иване Ивановиче Красном, который был «кроткий и тихий», по выражению летописи, и при его сыне Дмитрии, который остался после отца всего девяти лет.

Вместе с боярством и духовенство проявляло особое сочувствие и содействие Московским князьям. После того, как митрополит Феогност окончательно поселился в Москве, он подготовил себе преемника — московского инока, москвича родом, Алексия, происходившего из знатной боярской семьи (Плещеевых). Посвященный в митрополиты, Алексий при слабом Иване Красном и в малолетство сына его Дмитрия стоял во главе Московского княжества, был, можно сказать, его правителем. Обладая исключительным умом и способностями, митрополит Алексий пользовался большою благосклонностью в орде (где он вылечил болевшую глазами ханшу Тайдулу) и содействовал тому, что великое княжение укрепилось окончательно за Московскими князьями. На Руси он являлся неизменным сторонником Московских князей и действовал своим авторитетом всегда в их пользу. Заслуги св. Алексия пред Москвою были так велики и личность его была так высока, что память его в Москве чтилась необычайно. Спустя 50 лет после его кончины (он умер в 1378 году) были обретены, в основанном им Чудовом монастыре в Москве, его мощи, и было установлено празднование его памяти. Руководимое св. Алексием русское духовенство держалось его направления и всегда поддерживало Московских князей в их стремлении установить на Руси сильную власть и твердый порядок. Как мы знаем, духовенство изначала вело на Руси проповедь богоустановленности власти и необходимости правильного государственного порядка. С большою чуткостью передовые представители духовенства угадали в Москве возможный государственный центр и стали содействовать Москве.

Вслед за митрополитом Алексием в этом отношении должен быть упомянут его сотрудник преподобный инок Сергей, основатель знаменитого Троицкого монастыря (теперь Троице-Сергиева лавра в 66 верстах на север от Москвы). Вместе с митрополитом Алексием и самостоятельно, сам по себе, этот знаменитый подвижник выступал на помощь Москве во все трудные минуты народной жизни и поддерживал своим громадным нравственным авторитетом начинания московских князей.

За знатными боярами и высшим духовенством тянулось к Москве и все народное множество. Московское княжество отличалось внутренним спокойствием; оно было заслонено от пограничных нападений окраинными княжествами (Рязанским, Нижегородским, Смоленским и др.); оно было в дружбе с ордою. Этого было достаточно, чтобы внушить желание поселиться поближе к Москве, под ее защиту. Народ шел на Московские земли, и Московские князья строили для него города, слободы, села. Они сами покупали себе целые уделы у обедневших князей (Ярославских, Белозерских, Ростовских) и простые села у мелких владельцев. Они выкупали в орде русский «полон», выводили его на свои земли и заселяли этими пленниками, «ордынцами», целые слободы. Так множилось население в Московских волостях, а вместе с тем вырастали силы и средства у Московских князей.

Таким образом, первые успехи Московских князей давшие им великокняжеский сан, имели своим последствием решительное преобладание Москвы над другими уделами; а это, в свою очередь, вызвало сочувствие и поддержку Москве со стороны боярства, духовенства и народной массы. До конца XIV столетия, при Калите и его сыновьях, рост московских сил имел характер только внешнего усиления путем счастливых «примыслов». Позже, когда Московские князья явились во главе всей Руси борцами за Русскую землю против орды и Литвы, Москва стала центром народного объединения, а Московские князья — национальными государями.

§ 44. **Дмитрий Донской и Куликовская битва.** Сыновья Ивана Калиты умирали в молодых годах и княжили недолго. Семен Гордый умер от моровой язвы (чумы), обошедшей тогда всю Европу; Иван Красный скончался от неизвестной причины, имея всего 31 год. После Семена детей не осталось вовсе; после Ивана осталось всего два сына. Семья Московских князей, таким образом, не умножалась, и Московские удельные земли не дробились, как то бывало в других уделах. Поэтому сила Московского княжества не ослабела, и Московские князья один за другим получали в орде великое княжение и крепко

держали его за собою. Только после смерти Ивана Красного, когда в Москве не осталось взрослых князей, ярлык на великое княжение был отдан Суздальским князьям. Однако десятилетний Московский князь Дмитрий Иванович, направляемый митрополитом Алексием и боярами, начал борьбу с соперниками, успел привлечь на свою сторону хана и снова овладел великим княжением Владимирским. Суздальский князь (Дмитрий Константинович) был великим князем всего около двух лет.

Так началось замечательное княжение *Дмитрия Ивановича*. Первые его годы руководство делами принадлежало митрополиту Алексию и боярам; потом, когда Дмитрий возмужал, он вел дела сам. Во все время одинаково политика Москвы при Дмитрии отличалась энергией и смелостью.

Во-первых, в вопросе о великом княжении Московский князь прямо и решительно стал на эту точку зрения, что великокняжеский сан и город Владимир составляют «вотчину», то-есть наследственную собственность Московских князей, и никому другому принадлежать не могут. Так Дмитрий говорил в договоре с Тверским князем и так же писал в своей духовной грамоте, в которой прямо завещал великое княжение, вотчину свою, старшему своему сыну.

Во-вторых, в отношении прочих князей Владимиро-Суздальской Руси, а также в отношении Рязани и Новгорода, Дмитрий держался властно и повелительно. По выражению летописца, он «всех князей русских привоажаше под свою волю, а которые не повиновахуся воле его, а на тех нача посягати». Он вмешивался в дела других княжеств: утвердил свое влияние в семье Суздальско-Нижегородских князей, победил Рязанского князя Олега и после долгой борьбы привел в зависимость от Москвы Тверь. Борьба с Тверью была особенно упорна и продолжительна. Тверской великий князь Михаил Александрович обратился за помощью к Литовским князьям, которые в то время обладали уже большими силами. Литовский князь Ольгерд осадил самую Москву, только что обнесенную новою каменной стеною, но взять ее не мог и ушел в Литву. А московские войска затем осадили Тверь. В 1375 году между Тверью и Москвою был заключен, наконец, мир, по которому Тверской князь признавал себя «младшим братом» Московского князя и отказывался от всяких притязаний на Владимирское великое княжение. Но с Литвою осталась у Москвы вражда и после мира с Тверью. Наконец, в отношении Новгорода Дмитрий держал себя властно; когда же, в конце его княжения, новгородцы ослушались его, он пошел на Новгород войною и смирил его,

наложив на новгородцев «окуп» (контрибуцию) в 8.000 рублей. Так выросло при Дмитриии значение Москвы в северной Руси: она окончательно торжествовала над всеми своими соперниками и врагами.

В-третьих, при Дмитриии Русь впервые отважилась на открытую борьбу с татарами. Мечта об освобождении Руси от татарского ига жила и раньше среди русских князей. В своих завещаниях и договорах они нередко выражали надежду, что «Бог свободит от орды», что «Бог орду переменит». Семен Гордый в своей душевной грамоте увещевал братьев жить в мире по отцову завету, «чтобы не перестала память родителей наших и наша, чтобы свеча не угасла». Под этой свечой разумеется неугасимая мысль о народном освобождении. Но пока орда оставалась сильною и грозною, иго ее по-прежнему тяготело над Русью. Борьба с татарами стала возможна и необходима лишь тогда, когда в орде начались «замятня многа», иначе говоря, длительное междоусобие. Там один хан убивал другого, владельцы сменялись с необыкновенною быстротою, кровь лилась постоянно, и, наконец, орда разделилась на двое и терзалась постоянною враждою. Можно было уменьшить дань орде и держать себя независимее. Мало того: явилась необходимость взяться за оружие против отдельных татарских шаек. Во время междоусобий из орды выбегали на север изгнанники татарские и неудачники, которым в орде грозила гибель. Они сбивались в большие военные отряды под предводительством своих князьков и жили грабежом русских и мордовских поселений в области рек Оки и Суры. Считая их за простых разбойников, русские люди без стеснений гоняли их и били. Князья Рязанские, Нижегородские и сам великий князь Дмитрий посылали против них свои рати. Сопrotивление Руси озлобляло татар и заставляло их, в свою очередь, собирать против Руси все большие и большие силы. Они собрались под начальством царевича Арапши (Арабшаха), нанесли русским войскам сильное поражение на р. Пьяне (приток Суры), разорили Рязань и Нижний-Новгород (1377). За это москвичи и нижегородцы разорили мордовские места, в которых держались татары, на р. Суре. Борьба становилась открытой и ожесточенной. Тогда овладевший ордою и затем провозгласивший себя ханом, князь Мамай отправил на Русь свое войско для наказания строптивых князей. Нижний-Новгород был сожжен; пострадала Рязань. Но Дмитрий Иванович Московский не пустил татар в свои земли и разбил их в Рязанской области на р. Воже (1378). Обе стороны понимали, что предстоит новое столкновение. Отбивая разбойничьи шайки, русские князья постепенно втянулись в борьбу с хан-

скими войсками, которые поддерживали разбойников; победа над ними давала русским мужество для дальнейшей борьбы. Испытав неповиновение со стороны Руси, Мамай должен был или отказаться от власти над Русью, или же идти снова покорять Русь, поднявшую оружие против него. Через два года после битвы на Воже, Мамай предпринял поход на Русь.

Понимая, что Русь окажет ему стойкое сопротивление, Мамай собрал большую рать и, кроме того, вошел в сношения с Литвою, которая, как мы знаем, была тогда враждебна Москве. Литовский князь (преемник Ольгерда) Ягайло обещал Мамаю соединиться с ним 1 сентября 1380 года. Узнав о приготовлениях Мамаю, Рязанский князь Олег также вошел в сношения с Мамаем и Ягайлом, стараясь уберечь свою украиную землю от нового неизбежного разорения татарами. Не укрылись приготовления татар к походу и от Московского князя. Он собрал вокруг себя всех своих подручных князей (Ростовских, Ярославских, Белозерских). Послал он также за помощью к прочим великим князьям и в Новгород, но ни от кого из них не успел получить значительных вспомогательных войск и остался при одних своих силах. Силы эти, правда, были велики и современники удивлялись как количеству, так и качеству московской рати. По вестям о движении Мамаю, князь Дмитрий выступил в поход в августе 1380 года. Пред началом похода был он у преподобного Сергия в его монастыре и получил его благословение на брань. Знаменитый игумен дал великому князю из братии своего монастыря двух богатырей, по имени Пересвета и Ослебя¹⁾, как видимый знак своего сочувствия к подвигу князя Дмитрия (оба эти богатыря, носившие схиму монашескую на доспехах, погибли в бою с татарами и погребены в Симонове монастыре в Москве). Первоначально московское войско двинулось на Коломну, к границам Рязани, так как думали, что Мамай пойдет на Москву через Рязань. Когда же узнали, что татары идут западнее, чтобы соединиться с Литвою, то великий князь двинулся тоже на запад, к Серпухову, и решил не ждать Мамаю на своих границах, а идти к нему навстречу в «дикое поле» и встретить его раньше, чем он успеет там сойтись с литовскою ратью. Не дать соединиться врагам и бить их порознь — это обычное военное правило. Дмитрий переправился через Оку на юг, пошел к верховьям Дона, перешел и Дон и на Куликовом поле, при устьи речки Непрядвы (впадающей в Дон справа), встретил Мамаево рать.

¹⁾ Слово *Ослебя* (с ударением на последнем слоге) склонялось как *осля, щеня, теля*: *Ослебяти* и т. д. От этого имени произошла фамилия *Ослебятевых*.

Литовский князь не успел соединиться с нею и был, как говорили тогда, всего на один день пути от места встречи русских и татар. Боясь дурного исхода предстоящей битвы, великий князь поставил в скрытом месте, в дубраве у Дона, особый засадный полк под начальством своего двоюродного брата князя Владимира Андреевича и боярина Боброка, волынца родом. Опасения Дмитрия оправдались: в жесточайшей сече татары одолели и потеснили русских; пало много князей и бояр; сам великий князь пропал безвестно; сбитый с ног, он без чувств лежал под деревом. В критическую минуту засадный полк ударил на татар, смял их и погнал. Не ожидавшие удара татары бросили свой лагерь и бежали без оглядки. Сам Мамай убежал с поля битвы с малой свитой. Русские преследовали татар несколько десятков верст и забрали богатую добычу. Возвращение великого князя в Москву было торжественно, но и печально. Велика была победа, но велики и потери. Когда, спустя два года (1382), новый ордынский хан, свергший Мамай, Тохтамыш внезапно пришел с войском на Русь, у великого князя не было под руками достаточно людей, чтобы встретить врага, и он не смог их скоро собрать. Татары подошли к Москве, а Дмитрий ушел на север. Москва была взята татарами, ограблена и сожжена; разорены были и другие города. Татары удалились с большою добычею и с полоним, а Дмитрий должен был призвать себя снова данником татар и дать хану заложником своего сына Василия. Таким образом, иго не было свергнуто, а северная Русь была обессилена безуспешною борьбою за освобождение.

Тем не менее, Куликовская битва имела громадное значение для северной Руси и для Москвы. Современники считали ее величайшим событием и победителем татар, великому князю Дмитрию, дали почетное прозвище «Донского» за победу на Дону. Военное значение Куликовской победы заключалось в том, что *она уничтожила прежнее убеждение в непобедимости орды и показала, что Русь окрепла для открытой борьбы за независимость.* Набег Тохтамыша не уменьшил этого значения Мамаева побоища: татары одолели в 1382 г. только потому, что пришли «изгоном», внезапно и крадучись, а Москва их проглядела и не убереглась. Все понимали, что теперь Русь не поддается, как прежде, нашествиям орды и что татарам можно действовать против Руси только нечаянными набегами. Политическое же и национальное значение Куликовской битвы заключалось в том, что *она дала толчок к решительному народному объединению под властью одного государя, Московского князя.* В глазах тогдашних русских людей события 1380 года

имели такой смысл: Мамаева нашествия со страхом ждала вся северная Русь. Рязанский князь, боясь за себя, «изменил», войдя в покорное соглашение с врагом. Другие крупные князья (Суздальско-Нижегородские, Тверской) притаились, выжидая событий. Великий Новгород не спешил со своею помощью. Один Московский князь, собрав свои силы, решился дать отпор Мамаю, и притом не на своем рубеже, а в Диком Поле, где он заслонил собою не один свой удел, а всю Русь. Приняв на себя татарский натиск, Дмитрий явился добрым страдальцем за всю землю Русскую; а отразив этот натиск, он явил у себя такую мощь, которая ставила его естественно во главе сего народа, выше всех других князей. К нему, как к своему единственному государю, потянулся весь народ. Москва стала очевидным для всех центром народного объединения, и Московским князьям оставалось только пользоваться плодами политики Дмитрия Донского и собирать в одно целое шедшие в их руки удельные земли.

Таково значение Куликовской битвы. Она уничтожила призрак татарской непобедимости и превратила Московского удельного князя в национального великорусского государя, ускорив процесс народного и государственного объединения в северной Руси.

§ 45. **Великие князья Василий I Дмитриевич и Василий I Васильевич Темный.** Донской умер всего 39 лет и оставил после себя нескольких сыновей. Старшего, Василия, он благословил великим княжением Владимирским и оставил ему часть в Московском уделе; остальным сыновьям он поделил прочие города и волости своего Московского удела. При этом в своем завещании он выразился так: «а по грехом отымет Бог сына моего князя Василья, а хто будет под тем сын мой, ино тому сыну моему князь Васильев удел». На основании этих слов, второй сын Дмитрия, Юрий, считал себя наследником своего старшего брата как в Московских землях, так и в великом княжении. В этом он был неправ, потому что Дмитрий имел в виду только тот случай, если бы Василий умер бездетным; вообще же Московские князья держались в своих завещаниях начала семейного наследования, а не родового, и сами звали себя «вотчичами» великокняжеских и своих удельных земель.

При великом князе *Василии Дмитриевиче* (1389—1425) Русь пережила два татарских нашествия: первое от хана Тимур-Ленка или Тамерлана, который, однако, не пошел далее

южных Рязанских окраин¹⁾, а второе от татарского мурзы (князя) Едигея, мстившего Василию за неплатеж «выхода» в орду. Едигей внезапно и скрытно, обманом, вторгся в Русскую землю и осадил Москву (1408). Великий князь ушел на север, а Едигей разорил почти все его области и, взяв «окуп» с Москвы, безнаказанно вернулся в орду. Таковы были отношения Василия Дмитриевича к татарам. С Литвою у Василия так же шла вражда, как и у его отца. Постоянно усиливаясь, Литовские князья подчиняли себе Русские области на верховьях Днепра и Зап. Двины; но к тому же стремилась и Москва, собиравшая к себе Русские земли. Несмотря на то, что великий князь Московский был женат на дочери великого князя Литовского Витовта (Софии), между ними дело доходило до открытых войн. Столкновения закончились тем, что границей владений Литвы и Москвы была признана р. Угра, левый приток Оки. Примирившись с тестем, Василий Дмитриевич вверил Витовту попечительство над своим сыном, а его внуком, великим князем Василием Васильевичем. Это была минута наибольшего превосходства Литовского княжества над Московскою Русью (§ 40).

Великий князь *Василий Васильевич*, по прозвищу Темный (то-есть слепой), остался после своего отца всего 10-ти лет. Его княжение (1425—1462) было очень беспокойно и несчастливо. Дядя великого князя, Юрий Дмитриевич, удельный князь богатого Галича (на верховьях р. Костромы), не желал признавать малолетнего племянника великим князем и желал себе старшинства. Когда умер попечитель Василия Витовт, Юрий открыто заявил свои притязания, и началась борьба Юрия и его сыновей Василия Косого и Дмитрия Шемяки с Василием Васильевичем за Москву и великое княжение. Междоусобие это тянулось около 20 лет (1430—1450) и доходило до больших жестокостей. Так, например, Василий Васильевич приказал ослепить попавшего к нему в плен Василия Ко-

¹⁾ Великий князь Василий Дмитриевич захватил Нижний-Новгород у Суздальских князей в виде обычного в то время «примысла» и опирался в этом деле на хана Тохтамыша, который дал ему ярлык на Нижний сверх обычного ярлыка на великое княжение. Но когда Тохтамыш был свергнут азиатским ханом Тимур-Ленком или Тамерланом, то отношения с татарами у Василия испортились. Русь стала ждать страшного татарского нашествия и готовилась к обороне. Великий князь собрал большое войско и стал на своем рубеже, на берегу Оки, решившись отразить врага. Москва была готова к осаде. Митрополит Киприан, для того, чтобы поддержать бодрость в народе, подал мысль принести в Москву главную святыню всего великаго княжения — Владимирскую Икону Богоматери, привезенную во Владимир с юга князем Андреем Боголюбским (с тех пор эта икона остается в Московском Успенском соборе). Но Тамерлан не дошел до Оки и от города Ельца повернул назад (1395).

сого, за что сам был потом ослеплен Дмитрием Шемякою. Москва много раз переходила из рук в руки, но окончательно досталась Василию Васильевичу вместе с землями его врагов. В этой борьбе удельных князей с великим князем Московским новый обычай вотчинного наследования от отца к сыну восторжествовал решительно и бесповоротно над старым порядком родового наследования и старшинства дядей над племянниками. Огромное большинство населения, духовенство и боярство стояли на стороне Василия Васильевича: народ уже оценил преимущества семейного наследования, ведшего к установлению единовластия, желаемого страню.

Во время московской уособицы татары беспокоили русские земли, как и в прежнее время, воровскими набегами. Распадение Золотой орды выражалось, между прочим, в том, что татарские князья все в большем и большем числе изгонялись из орды во время междоусобий и должны были искать себе пристанища. Одни из них мирно просились и поступали на службу к московским князьям; другие же начинали разорять Русские земли и сами попадали под удары русских. Из таких изгнанников особенно заметен в это время был хан Улу-Махмет. Разорив русские волости по Оке, он пошел на Волгу и устроил себе город Казань на р. Казанке, близ впадения ее в Волгу. Основав там особое Казанское царство, он оттуда стал громить Русь, доходя в своих набегах до самой Москвы. Великий князь Василий Васильевич вышел против татар, но под Суздалем был разбит и взят татарами в плен (1445). В Москве началась паника, ждали татар; но татары не пришли. Они выпустили великого князя за большой выкуп, который был собран с народа и пришелся ему тяжело. Неудовольствие народа усилилось еще и оттого, что с великим князем, когда он вернулся из плена, приехало в Москву много татар на службу. Москвичам казалось, что великий князь «татар и речь их любит сверх меры, а христиан томит без милости». Тогда-то Шемяка, воспользовавшись недовольным настроением народа, захватил великого князя и осмелился его ослепить.

При многострадальном князе Василии Васильевиче произошло важное событие в жизни русской церкви. Как известно, в 1439 году на соборе православного и католического духовенства во Флоренции была совершена уния церковей восточной и западной. Император и патриарх Константинопольские искали этой унии, надѣясь, что когда, будет уничтожена церковная распрѣя востока и запада, тогда папа и западные государи помогут грекам в их борьбе с турками. Погибая от турок, греческие власти готовы были на всякие уступки папе, и уния

поэтому была устроена так, что греки сохраняли свой церковный обряд, но признавали все католические догматы и главенство пап. В то самое время, когда в Царьграде готовились к собору, надо было назначить на Русь митрополита. Назначили ученого грека, очень склонного к унии, Исидора. Приехав в Москву, он сейчас же стал собираться на собор в Италию, отправился туда с большою свитою и там стал одним из самых ревностных поборников соединения с латинством. Обласканный папою, возвратился он (в 1441 году) в Москву и объявил о состоявшемся соглашении с Римом. Но в Москве соглашения не приняли, так как сами же греки целыми столетиями воспитывали в русских ненависть к католичеству. Исидор был взят под стражу и ухитрился бежать в Литву, откуда перебрался в Италию. А в Москве решились отделиться от Константинопольского патриархата, который предал православие папе, и впредь самим ставить себе митрополита по избранию собора русских архиереев. Новым порядком и был поставлен в митрополиты московские рязанский епископ Иона. В то же время в Юго-западной Руси, на старой киевской митрополии, водворились особые митрополиты, попрежнему назначаемые из Константинополя.

Образование Великорусского государства.

§ 46. **Великий князь Иван III Васильевич**; значение его деятельности. Преемником Василия Темного был его старший сын Иван Васильевич. Слепой отец сделал его своим соправителем и еще при своей жизни дал ему титул великого князя. Выросши в тяжелое время междоусобий и смут, Иван рано приобрел житейский опыт и привычку к делам. Одаренный большим умом и сильною волей, он блестяще повел свои дела и, можно сказать, закончил собирание великорусских земель под властью Москвы, образовав из своих владений единое Великорусское государство. Когда он начал княжить, его княжество было окружено почти отовсюду русскими владениями: господина Великого Новгорода, князей тверских, ростовских, ярославских, рязанских. Иван Васильевич подчинил себе все эти земли или силою, или мирными соглашениями. В конце своего княжения он имел лишь иноплемennых соседей: шведов, немцев, литву, татар. Одно это обстоятельство должно было изменить его политику. Ранее, окруженный такими же, как он сам, владетелями, Иван был одним из многих удельных князей, хотя бы и самым сильным, теперь, уничтожив этих князей, он превратился в единого государя целой

народности. В начале своего княжения он мечтал о примыслах, как мечтали о них его удельные предки (§ 36); в конце же он должен был думать о защите целого народа от иноверных и иноземных его врагов. Коротко говоря, сначала его политика была удельною, а затем стала *национальною*.

Приобретая такое значение, Иван III не мог, разумеется, делиться своею властью с другими князьями московского дома. Уничтожая чужие уделы (в Твери, Ярославле, Ростове), он не мог оставлять удельных порядков в своей собственной родине. При первой возможности он отнимал уделы у своих братьев и ограничивал их старые права. Он требовал от них повиновения себе, как государю от подданных. Составляя свое завещание, он обделил своих младших сыновей в пользу старшего их брата, великого князя Василия, и лишил их всяких державных прав, подчинив великому князю, как простых служебных князей. Словом, везде и во всем Иван проводил взгляд на великого князя, как на единодержавного и самодержавного монарха, которому одинаково подчинены как его служилые князья, так и простые слуги. Новая мысль о народном единодержавном государе вела к переменам в дворцовой жизни, к установлению придворного этикета («чина»), к большей пышности и торжественности обычаев, к усвоению разных эмблем и знаков, выражавших понятие о высоком достоинстве великокняжеской власти. Так, вместе с объединением северной Руси совершалось превращение московского удельного князя в государя-самодержца всей Руси.

Наконец, став национальным государем, Иван III усвоил себе новое направление во внешних отношениях Руси. Он сбросил с себя последние остатки зависимости от Золотоордынского хана. Он начал наступательные действия против Литвы, от которой Москва до тех пор только оборонялась. Он даже заявил притязания на все те русские области, которыми со времен Гедимины владели Литовские князья: называя себя государем «всей Руси», он под этими словами разумел не только северную, но и южную и западную Русь. Твердую наступательную политику вел Иван и относительно Ливонского ордена. Он умело и решительно пользовался теми силами и средствами, которые накопили его предки и которые он сам создал в своем государстве.

В этом и заключается важное историческое значение княжения Ивана III. Объединение северной Руси вокруг Москвы началось давно: при Дмитрии Донском обнаружилось первые его признаки; совершилось же оно при Иване III. По-

этому Ивана III можно с полным правом назвать создателем Московского государства.

§ 47. Подчинение Великого Новгорода и Новгородских земель. Мы знаем (§ 27), что в последнее время самостоятельной новгородской жизни в Новгороде шла постоянная вражда между лучшими и меньшими людьми. Часто переходя в открытые усобицы, эта вражда ослабляла Новгород и делала его легкой добычей для сильных соседей Новгорода — Москвы и Литвы. Все великие московские князья старались втянуть Новгород под свою руку и держать там своих служилых князей в качестве московских наместников. Не раз за неповиновение новгородцев великим князьям москвичи ходили войною на Новгород, брали с него окуп (контрибуцию) и обязывали новгородцев к послушанию. Когда Василий Темный окончательно победил Шемяку (§ 45), Шемяка укрылся в Новгороде; за это Василий разгромил Новгород и принудил новгородцев присягнуть на том, что Новгород будет ему послушен и не будет принимать никого из враждебных ему князей. Притязания Москвы на Новгород заставляли новгородцев искать союза и защиты у Литовских великих князей; а те, с своей стороны, при всякой возможности старались подчинить себе новгородцев и брали с них такие же окупы, как Москва, но в общем плохо помогали против Москвы. Поставленные между двух страшных врагов, новгородцы пришли к убеждению в том, что они сами не могут охранить и поддержать свою независимость и что только постоянный союз с кем-либо из соседей может продлить существование Новгородского государства. В Новгороде образовались две партии: одна — за соглашение с Москвою, другая — за соглашение с Литвою. За Москву стояло по преимуществу простонародье, за Литву — бояре. Простые новгородцы видели в Московском князе православного и русского государя, а в Литовском — католика и чужака. Передаться из подчинения Москве в подчинение Литве значило для них изменить своей вере и народности. Бояре же новгородские, с семьею Борецких во главе, ожидали от Москвы полного разрушения старого новгородского строя и мечтали сохранить его именно в союзе с Литвою. После разгрома Новгорода при Василии Темном литовская партия в Новгороде взяла верх и стала готовить освобождение от московской зависимости, установленной при Темном, — путем перехода под покровительство Литовского князя. В 1471 году Новгород, руководимый партией Борецких, заключил с Литовским князем и королем Польским Казимиром Ягайловичем союзный договор, по которому король обязался защищать Новгород

от Москвы, дать новгородцам своего наместника и соблюдать все вольности новгородские и старину.

Когда в Москве узнали о переходе Новгорода к Литве, то взглянули на это, как на измену не только великому князю, но и вере и русскому народу. В этом смысле великий князь Иван писал в Новгород, убеждая новгородцев отстать от Литвы и короля-католика. Когда же новгородцы не послушались, то в Москве стали готовиться к походу на Новгород. Великий князь собрал у себя большой совет из своих военачальников и чиновников вместе с духовенством, объявил на совете все новгородские неправды и измену и спрашивал у совета мнения о том, начать ли немедленно войну с Новгородом, или ждать зимы, когда замерзнуть новгородские реки, озера и болота. Решено было воевать немедленно. Походу на новгородцев придан был вид похода за веру на отступников: как Дмитрий Донской вооружился на безбожного Мамаю, так, по словам летописца, благоверный великий князь Иоанн пошел на этих отступников от православия к латинству. Московская рать разными дорогами вошла в Новгородскую землю. Под начальством князя Даниила Холмского она скоро победила новгородцев: сначала один московский отряд на южных берегах озера Ильменя разбил новгородское войско, а затем в новой битве на р. Шелони главные силы новгородцев потерпели страшное поражение. Посадник Борецкий попал в плен и был казнен. Дорога на Новгород была открыта, а Литва не помогла Новгороду. Пришлось новгородцам смириться пред Иваном и просить пощады. Они отказались от всяких сношений с Литвою и обязались быть неотступными от Москвы; сверх того, они заплатили великому князю огромный окуп в 15½ тысяч рублей. Иван возвратился на Москву, а в Новгороде возобновились внутренние смуты. Обижаемые своими насильниками, новгородцы жаловались великому князю на обидчиков, и Иван лично отправился в 1475 году в Новгород для суда и управы. Правосудие московского князя, не пощадившего на своем суде сильных бояр, повело к тому, что обиженные у себя дома новгородцы стали ездить из года в год в Москву просить суда у Ивана. Во время одного из таких приездов два чиновника новгородских титуловали великого князя «государем», тогда как раньше новгородцы звали московского князя «господином». Разница была большая: слово «государь» в то время значило то же, что теперь значит слово «хозяин»; государем тогда называли своего хозяина рабы и слуги. Для вольных же новгородцев князь не был «государем», и они его звали почетным титулом «господин», так же точно, как звали и свой вольный

город «господином Великим Новгородом». Естественно, что Иван мог схватиться за этот повод, чтобы покончить с новгородскою вольностью. Его послы спросили в Новгороде: на каком основании новгородцы называют его государем и какого хотят государства? Когда же новгородцы отреклись от нового титула и сказали, что никого не уполномочивали называть Ивана государем, то Иван пошел походом на Новгород за их ложь и запирательство. Новгород не имел сил бороться с Москвою. Иван осадил город и начал переговоры с новгородским владыкою Феофилом и боярами. Он потребовал безусловной покорности и объявил, что хочет в Новгороде такого же государства, как в Москве: вечно не быть, посаднику не быть, а быть московскому обычаю, как государи великие князья держат свое государство у себя в Московской земле. Долго думали новгородцы и, наконец, смирились: в январе 1478 года согласились они на требование великого князя и целовали ему крест. Новгородское государство перестало существовать; вечевой колокол был увезен в Москву. Туда же была отправлена семья бояр Борецких, во главе которой стояла вдова посадника Марфа (ее считали руководительницею противомосковской партии в Новгороде). Вслед за Великим Новгородом были подчинены Москвою и все Новгородские земли. Из них Вятка оказала некоторое сопротивление. В 1489 году московские войска (под начальством князя Даниила Щеняти) силою покорили Вятку.

В первый год после подчинения Новгорода великий князь Иван не налагал своей опалы на новгородцев и не принимал крутых мер против них. Когда же в Новгороде попробовали восстать и вернуться к старине, — всего через год после сдачи Новгорода великому князю, — тогда Иван начал с новгородцами крутую расправу. Владыка новгородский Феофил был взят и отправлен в Москву, а взамен его был прислан в Новгород архиепископ Сергей. Много новгородских бояр было казнено, еще больше было переселено на восток, в московские земли. Исподволь все лучшие люди новгородские были выведены из Новгорода, а земли их ввзяты на государя и розданы московским служилым людям, которых великий князь в большом числе поселил в Новгородских пятинах. Таким образом исчезла совсем новгородская знать, а с нею исчезла и память о новгородской вольности. Меньшие люди новгородские, смерды и половники, были избавлены от боярского гнета; из них были образованы крестьянские податные общины на московский образец. В общем их положение улучшилось, и они не имели побуждения жалеть о новгородской старине. С уничтожением новгородской знати пала и новгородская торговля с западом,

тем более, что Иван III выселил из Новгорода немецких купцов. Так была уничтожена самостоятельность Великого Новгорода. Псков пока сохранил свое самоуправление, ни в чем не выходя из воли великого князя.

§ 48. Присоединение удельных княжеств. При Иване III деятельно продолжалось присоединение к Москве удельных земель. Те из мелких ярославских и ростовских князей, которые до Ивана III сохранили еще свою независимость, при Иване все передали свои земли Москве и били челом великому князю, чтобы он принял их к себе в службу. Становясь московскими слугами и обращаясь в бояр московского князя, эти князья сохраняли за собою свои родовые земли, но уже не в качестве уделов, а как простые вотчины. Они были их частными собственниками, а «государем» их земель почитался уже московский великий князь. Таким образом все мелкие уделы были собраны Москвою; оставались только Тверь и Рязань. Эти «великия княжения», когда-то боровшиеся с Москвою, теперь были слабы и сохранили только тень своей независимости. Последние Рязанские князья, два брата, Иван и Федор, были родными племянниками Ивана III (сыновьями его сестры Аграфены). Как мать их, так и сами они не выходили из воли Ивана, и великий князь, можно сказать, сам правил за них Рязанью. Один из братьев (князь Федор) скончался бездетным и завещал свой удел дяде великому князю, отдав, таким образом, добровольно половину Рязани Москве. Другой брат (Иван) умер также молодым, оставив малютку сына, по имени Ивана, за которого правила его бабушка и брат ее Иван III. Рязань оказалась в полной власти Москвы. Повиновался Ивану III и Тверской князь Михаил Борисович. Тверская рать ходила даже с москвичами покорять Новгород. Но позднее, в 1484—1485 годах, отношения испортились. Тверской князь завел дружбу с Литвою, думая от Литовского великого князя получить помощь против Москвы. Иван III, узнав об этом, начал войну с Тверью и, конечно, победил. Михаил Борисович убежал в Литву, а Тверь была присоединена в Москве (1485). Так совершилось окончательное объединение северной Руси.

Мало того, объединительная национальная политика Москвы влекла к московскому государю и таких служивых князей, которые принадлежали не северной Руси, а Литовско-Русскому княжеству. Князья Вяземские, Одоевские, Новосильские, Воротынские и многие другие, сидевшие на восточных окраинах Литовского государства, бросали своего великого князя и переходили на службу московскую, подчиняя

Московскому князю и свои земли. Именно этот переход старых русских князей от католического государя Литвы к православному князю северной Руси и давал повод Московским князьям считать себя государями всей Русской земли, даже и той, которая находилась под литовским владычеством и хотя еще не соединилась с Москвою, но должна была, по их мнению, соединиться по единству веры, народности и старой династии Св. Владимира.

§ 49. Семейные и придворные дела при Иване III. Необыкновенно быстрые успехи великого князя Ивана III в собирании русских земель сопровождались существенными переменами в московском придворном быту. Первая жена Ивана III, тверская княжна Мария Борисовна, умерла рано, в 1467 году, когда Ивану не было еще и 30 лет. После нее у Ивана остался сын — князь Иван Иванович «Молодой», как его обыкновенно называли. В ту пору уже завязывались сношения Москвы с западными странами. По разным причинам, римский папа был заинтересован тем, чтобы установить сношения с Москвою и подчинить ее своему влиянию. От папы и вышло предположение устроить брак молодого Московского князя с племянницей последнего Константинопольского императора Зоей-Софией Палеолог. После взятия Царьграда турками (1453) брат убитого императора Константина Палеолога, по имени Фома, бежал с семейством в Италию и там умер, оставив детей на попечении папы. Дети были воспитаны в духе Флорентийской унии, и папа имел основание надеяться, что, выдав Софью за Московского князя, он получит возможность ввести унию в Москве. Иван III согласился начать сватовство и отправил в Италию послов за невестою. В 1472 году она приехала в Москву и брак состоялся. Однако надеждам папы не было суждено осуществиться: папский легат, сопровождавший Софью, не имел никакого успеха в Москве; сама Софья ничем не содействовала торжеству унии, и, таким образом, брак Московского князя не повлек за собою никаких видимых последствий для Европы и католичества. Но он имел некоторые последствия для московского двора.

Во-первых, он содействовал оживлению и укреплению завязавшихся в ту эпоху сношений Москвы с Западом, с Италией в особенности. Вместе с Софьею прибыли в Москву греки и итальянцы; приезжали они и впоследствии. Великий князь держал их у себя, как «мастеров», поручая им строение крепостей, церквей и палат, литье пушек, чеканку монеты. Иногда этим мастерам вверялись и дипломатические дела, и они ездили в Италию с поручениями от великого князя. Выезжих

итальянцев в Москве называли общим именем «фрязин» (от «фряг», «франк»); таким образом действовали в Москве Иван Фрязин, Марк Фрязин, Антоний Фрязин и т. п. Из итальянских мастеров особою известностью пользовался архитектор Аристотель Фиоравенти, построивший в Московском Кремле знаменитые Успенский собор и Грановитую палату. Вообще труды итальянцев при Иване III Кремль был обстроен и украшен заново. Рядом с «фряжскими» мастерами у Ивана III работали и немецкие, хотя в его пору они не играли первой роли; выдавались только лекаря-«немчины». Кроме мастеров, в Москве появлялись иноземцы гости (например, греческая родня Софьи) и послы от западно-европейских государей (между прочим, посольство от римского императора предлагало Ивану III титул короля, от которого Иван отказался). Для приема гостей и послов при московском дворе был выработан определенный «чин» (церемониал), совсем отличный от того чина, который соблюдался прежде при приемах татарских посольств. И вообще порядок придворной жизни при новых обстоятельствах изменился, стал сложнее и церемоннее.

Во-вторых, появлению в Москве Софьи московские люди приписывали большие перемены в характере Ивана III и замешательства в княжеской семье. Они говорили, что как пришла Софья с греками, так земля замешалась и пришли нестроения великие. Великий князь изменил свое обращение с окружающими: стал держать себя не так просто и доступно, как прежде, требовал знаков почтения к себе, стал взыскателен и легко опался (налагал немилость) на бояр. Он стал обнаруживать новое, непривычно-высокое представление о своей власти. Женившись на греческой царевне, он как будто считал себя преемником исчезнувших греческих императоров и намекал на это преемство тем, что усвоил себе византийский герб — двухглавого орла. Словом, после брака с Софьей Иван III проявил большое властолюбие, которое потом испытала на себе и сама великая княгиня. В конце своей жизни Иван совсем было поссорился с Софьей и отдалил ее от себя. Ссора их произошла по вопросу о престолонаследии. Сын Ивана III от первого брака, Иван Молодой, умер в 1490 году, оставив великому князю маленького внука Дмитрия. Но у великого князя был другой сын от брака с Софьей — Василий. Кому было наследовать престол московский: внуку Дмитрию или же сыну Василию? Сначала Иван III решил дело в пользу Дмитрия и при этом наложил свою опалу на Софью и Василия. Дмитрия он при своей жизни венчал на царство (именно на *царство*, а не на великое княжение). Но через год отношения переменя-

лись: Дмитрий был отстранен, а Софья с Василием снова вошли в милость. Василий получил титул великого князя и стал соправителем отца. При этих переменах терпели придворные Ивана III: с опалю на Софью попали в немилость ее приближенные, причем несколько человек было даже казнено смертью; с опалю на Дмитрия великий князь также воздвиг гонение на некоторых бояр и одного из них казнил.

Вспоминая все то, что происходило при дворе Ивана III после его женитьбы на Софье, московские люди высказывали осуждение Софье и считали ее влияние на мужа скорее вредным, чем полезным. Ей они приписывали падение старых обычаев и разные новизны в московском быту, а также и порчу характера ее мужа и сына, ставших властными и грозными монархами. Не следует, однако, преувеличивать значения личности Софьи: если бы ее и вовсе не было при московском дворе, все равно, Московский великий князь сознал бы свою силу и полновластие, и сношения с Западом, все равно, завязались бы. К этому вел весь ход Московской истории, в силу которого Московский великий князь стал единственным государем могучей великорусской народности и соседом нескольких европейских государств.

§ 50. Внешняя политика Ивана III. Дела с татарами. Во время Ивана III существовали уже три самостоятельных татарских орды в пределах нынешней России. Золотая орда, истощенная усобицами, доживала свой век. Рядом с нею в XV веке образовалась в Черноморьи Крымская орда, в которой утвердилась династия Гиреев (потомков Ази-Гирея). В Казани, как мы знаем (§ 45), золотордынские выходцы основали, также в середине XV века, особую орду, объединив под татарскую власть финских инородцев: мордву, черемису, вотяков. Пользуясь несогласиями и постоянными междоусобиями среди татар, Иван III исподволь добился того, что подчинил Казань своему влиянию и сделал своим подручником казанского хана или «царя» (тогда ханов москвичи называли царями). С Крымским царем у Ивана III образовалась прочная дружба, так как оба они имели общего врага, Золотую орду, против которой и действовали вместе. Что же касается до Золотой орды, то Иван III прекратил всякие зависимые к ней отношения: не давал дани, не ехал в орду, не оказывал почтения хану. Рассказывали, что однажды Иван III даже бросил на землю и топтал ногою ханскую «басму», то-есть тот знак (вероятно, золотую пластинку с надписью), который хан вручил своим послам к Ивану, как доказательство их полномочий и власти. Слабый золотордынский хан Ахмат пытался действовать про-

тив Москвы в союзе с Литвою; но так как Литва не давала ему верной помощи, то он ограничивался набегами на московские границы. В 1472 году он пришел к берегам Оки и, пограбив, ушел назад, не смея итти на самую Москву. В 1480 году он повторил свой набег. Оставив вправо от себя верховье Оки, Ахмат пришел на р. Угру, в пограничные между Москвою и Литвою места. Но и здесь он не получил никакой помощи от Литвы, а Москва встретила его сильною ратью. На Угре и стали друг против друга Ахмат и Иван III — оба в нерешимости начать прямой бой. Иван III велел готовить столицу к осаде, отправил свою жену Софью из Москвы на север и сам приезжал с Угры к Москве, боясь как татар, так и своих родных братьев. Они были с ним в ссоре и внушали ему подозрения в том, что изменяет в решительную минуту. Осмотрительность Ивана и медлительность его показали народу трусостью, и простые люди, готовясь в Москве к осаде, открыто негодовали на Ивана. Духовный отец великого князя, архиепископ ростовский Вассиан, и словом, и письменным «посланием» увещевал Ивана не быть «бегуном», а храбро стать против врага. Однако Иван так и не решился напасть на татар. В свою очередь, и Ахмат, простоял на Угре с лета до ноября месяца, дождался снегов и морозов и должен был уйти домой. Сам он скоро был убит в усобице, а его сыновья погибли в борьбе с Крымскою ордою, и самая Золотая орда окончательно распалась (1502). Так окончилось для Москвы «татарское иго», спадавшее постепенно и в последнюю свою пору бывшее номинальным. Но не окончились для Руси беды от татар. Как крымцы, так и казанцы, и нагаи, и все мелкие кочевые татарские орды, близкие к русским границам и «украинам», постоянно нападали на эти украины, жгли, разоряли жилища и имущество, уводили с собою людей и скот. С этим постоянным татарским разбоем русским людям пришлось бороться еще около трех столетий.

§ 51. Внешняя политика Ивана III. Литва и Ливония. Сношения с Западом. Отношения Ивана III к Литве при великом князе Казимире Ягайловиче не были мирными. Не желая усиления Москвы, Литва стремилась поддерживать против Москвы Великий Новгород и Тверь, поднимала на Ивана III татар. Но у Казимира не было достаточно сил, чтобы вести с Москвою открытую войну. После Витовта внутренние осложнения в Литве ослабили ее. Усиление польского влияния и католической пропаганды создало в Литве много недовольных князей; они, как мы знаем (§ 41), уходили в московское подданство со своими вотчинами. Это еще более уменьшало литовские

силы и делало для Литвы очень рискованным открытое столкновение с Москвою. Однако оно стало неизбежным по смерти Казимира (1492), когда Литва избрала себе великого князя особо от Польши. В то время как королем Польши стал сын Казимира Ян Альбрехт, в Литве вокняжился его брат Александр Казимирович. Воспользовавшись этим разделением, Иван III начал войну против Александра и добился того, что Литва формально уступила ему земли князей, перешедших в Москву (Вяземских, Новосильских, Одоевских, Воротыньских, Белевских) и, кроме того, признала за ним титул «государя всея Руси». Заключение мира было закреплено тем, что Иван III выдал свою дочь Елену замуж за Александра Казимировича. Александр был сам католик, но обещал не принуждать к католичеству своей православной супруги. Однако ему трудно было сдержать это обещание под внушениями своих католических советников. Судьба великой княгини Елены Ивановны была очень печальна, и ее отец напрасно требовал от Александра лучшего с ней обращения. Сдругой стороны, и Александр обижался на московского великого князя. К Ивану III на службу продолжали проситься православные князья из Литвы, объясняя свое нежелание оставаться под властью Литвы гонением на их веру. Так, Иван III принял к себе князя Бельского и князей Новгород-Северского и Черниговского с громадными вотчинами по Днепру и Десне. Война между Москвою и Литвою стала неизбежна. Она шла с 1500 по 1503 год, причем сторону Литвы принял Ливонский орден, а сторону Москвы — Крымский хан. Окончилось дело перемирием, по которому Иван III удержал за собою все приобретенные им княжества. Было очевидно, что Москва в ту минуту была сильнее Литвы, точно так же, как она была сильнее и ордена. Орден, несмотря на отдельные военные удачи, заключил с Москвою также не особенно почетное перемирие. До Ивана III, под напором с запада, Московское княжество уступало и проигрывало; теперь московский великий князь сам начинает наступать на своих соседей и, увеличивая с запада свои владения, открыто высказывает притязание на присоединение к Москве всех вообще русских земель.

Воюя с своими западными соседями, Иван III искал дружбы и союзов в Европе. Москва при нем вступила в дипломатические сношения с Данией, с императором, с Венгрией, с Венецией, с Турцией. Окрепшее русское государство входило в круг европейских международных отношений и начинало свое общение с культурными странами Запада.

§ 52. Великий князь Василий III Иванович. Иван III, по

примеру своих предков, составил завещание, в котором поделил свои владения между своими пятью сыновьями. По форме это завещание было похоже на старые княжеские душевные грамоты, но по сути своей оно окончательно устанавливало новый порядок единой державы в Московском государстве. Старшего своего сына Василия Иван III делал прямо государем над братьями и ему одному давал державные права. Василий получил один 66 городов, а четверо его братьев — только тридцать, и притом мелких. Василий один имел право бить монету, сношиться с другими государствами; он наследовал все выморочные уделы бедетных родственников; только его детям принадлежало великое княжение, от которого отказались заранее его братья. Таким образом, Василий был государем, а его братья и прочая родня — подданными. Такова основная мысль завещания Ивана III.

Василий III наследовал властолюбие своего отца, но не имел его талантов. Вся его деятельность была продолжением того, что делал его отец. Чего не успел довершить Иван III, то доканчивал Василий. Покорив Новгород, Иван оставил прежнее самоуправление во Пскове. Внутренняя жизнь Пскова не давала тогда поводов к вмешательству в его дела. Во Пскове не было внутренних усобиц. Находясь на окраине Русской земли, в постоянном страхе от литвы и немцев, Псков крепко держался Москвы, был ей послушен и всегда имел у себя, вместо самостоятельного князя, московского наместника. При таких условиях Псковское вече не могло сохранить за собою прежнего самостоятельного политического значения; оно стало органом местного самоуправления под главенством московского государя. Однако послушание псковичей великому князю не обеспечивало их от притеснений со стороны московских наместников. Псковичи жаловались на своих «князей» в Москву, а наместники жаловались на псковичей. В 1510 году, после одной из таких ссор, Василий III уничтожил вече во Пскове, взял в Москву вечевой колокол и вывел из Пскова на жительство в Московские волости 300 семей псковичей, а на их место прислал столько же семейств из Московских городов. Псков не оказал великому князю никакого сопротивления; псковичи только слезами оплакивали потерю своей вековой вольности и жаловались, что город их поруган и разорен, «а псковичи бедные не ведали правды московския».

То же было сделано и с Рязанью. Иван III, овладев одною половиною Рязани, другую оставил за малолетним рязанским князем Иваном, но управлял Рязанью за него, как его дед. Московская опека продолжалась и при Василии III. Однако,

возмужав, рязанский князь стал тяготиться зависимостью от Москвы и мечтать о самостоятельности. Заметив это, Василий арестовал князя Ивана, а его волость присоединил к Москве (1517). Как и во Пскове, рязанцев толпами выводили в Московские волости, а на их место селили москвичей. Такой «вывод» из покоренных земель делали для того, чтобы уничтожить в них возможность восстаний и отпадений от Москвы.

Наконец, оставались еще князья Северской земли, перешедшие к Ивану III от Литовского великого князя со своими волостями. Василий III, воспользовавшись их распрями, выгнал этих князей из их городов и взял их владения к Москве (1523). Таким образом, все так называемые «удель» были упразднены, и в Московском государстве остались только простые служилые князья, которые в своих вотчинах не имели уже никаких державных прав и служили великому князю, как простые бояре.

Внешняя политика Василия была продолжением политики предшествующего княжения. Москва попрежнему притягивала к себе выходцев из Литвы (князья Глинские), а Литва, как и ранее, не могла примириться с уходом князей и земель из литовского подданства. Дважды вспыхивала война между Василием III и литовским великим князем Сигизмундом Казимировичем (братом великого князя Александра Казимировича, § 41). Василий III овладел в 1514 году Смоленском, имевшим важное военное значение. Как ни старались литовцы вернуть себе Смоленск, эта крепость осталась в московских руках, и Литва была вынуждена заключить (в 1522 г.) перемирие с уступкою Смоленска Москве до «вечного мира» или «докончания». Но этого «докончания» так и не было достигнуто в течение более, чем столетия, ибо Литва и Москва никак не могли размежевать между собою спорные промежуточные между ними русские волости.

Татарские отношения после падения Золотой орды не стали легче для Москвы. Дружба с Крымом при Василии III прекратилась, а влияние Москвы в Казани не было прочно. И со стороны Крыма и со стороны Казани на русские области совершались постоянные набеги. На южных границах Московского государства грабили крымцы; в местах нижегородских, костромских и галицких — казанские татары и подчиненные им мордва и черемиса. От татарской и черемисской «войны» русские люди не могли жить спокойно у себя дома и не имели возможности колонизовать ни плодородной черноземной полосы ни юг от Оки (так называемого «Дикого Поля»), ни лесных пространств за Волгою по рр. Унже и Ветлуге. Вся во-

сточная и южная окраина государства была в постоянном страхе татарских набегов. Мало того: если татарам удавалось не встретить на границах Руси московской сторожевой рати, они устремлялись в центральные русские волости и добирались даже до самой Москвы. Василию III оставалось только сторожить свои границы и при случае вмешиваться во внутренние дела татар и укреплять среди них свое влияние. В Казани это и удавалось. Крым же, к сожалению, был так далек от Москвы, что нельзя было хорошо следить за крымцами и влиять на них. Московское правительство ограничивалось тем, что посылало в Крым посольства с «поминками», то-есть подарками, которыми думало задобрить и замирить врага; а в то же время ежегодно летом на южной границе государства (шедшей по берегу средней Оки и потому называвшейся тогда «берегом») ставились войска, чтобы стеречь «берег» от внезапных набегов. Сверх того, в наиболее опасных местах строили на Оке и за Окою недоступные для татар каменные крепости (Калуга, Тула, Зарайск) и помещали в них войска.

Василий III был женат на Соломонии из боярского рода Сабуровых и не имел детей. Он, однако, никак не хотел оставить великого княжения своим братьям (Юрию и Андрею), так как, по его мнению, они и своих уделов не умели устроить. Поэтому, с разрешения митрополита (Даниила), он заставил свою жену постричься в монахини (с именем Софии) и отправил ее на житье в Суздальский женский Покровский монастырь. Сам же он женился вторично, взяв за себя княжну Елену Васильевну Глинскую, из рода литовских выходцев. В этом браке у него было два сына, Иван и Юрий. Старшему из них было всего 3 года, когда Василий III заболел случайным нарывом и умер, не дожив до 60 лет. И личный характер Василия и его поступок с первою женою вызывали неодобрительные отзывы окружающих его старых бояр. Властный и строгий, Василий не обладал достоинствами Ивана III, зато еще более его любил власть и привык окружать себя простыми раболепными дьяками. Таков был последний «собиратель» Руси.

Переход удельного быта в государственный.

§ 53. **Самодержавие Московских государей и мысль о Москве, как о третьем Риме.** Московское государство, как мы видели, образовалось из Московского удельного княжества через присоединение к нему других уделов северной Руси, а затем Новгородских земель и волостей великого княжества Литовского. Московские князья, делая свои «примыслы», долго

смотрели на себя, как на удельных собственников своих «вотчинных» земель. Приобретя прочно великое Владимирское княжение, они и его стали называть своею «вотчиною». Позднее, когда они требовали от Литвы уступки старых русских городов они приказывали своим послам говорить, что и вся Русская земля от их предков из старины их вотчины. Таким образом, Московские князья распространяли свои удельные понятия от своего удела на всю страну, и по удельному порядку, считали себя собственниками и хозяевами всего своего огромного государства. Такой взгляд был усвоен и всем населением: московские люди всегда выражались так, что они живут на «земле великого государя» и только владеют ею. Продавая свою землю, они, например, писали в купчих грамотах: «продали есмь землю государеву, а своего владения». Таким образом, власть Московских князей имела характер *вотчинной власти* и уже потому была очень полною и самодержавною: князья не только управляли странюю, но и владели ею. С течением времени, когда Московские князья стали во главе народного объединения и собрали вокруг себя всю северную Русь, они получили значение вождей целого народа, и власть их приобрела новый характер *национальной власти*, общенародной и демократической. Пользуясь сочувствием и поддержкою народных масс, Московские государи сознавали себя представителями народного единства и национальной независимости и потому держались гордо и властно. Иван III отказался от предложенного ему императором королевского титула, ибо не хотел ни от кого «поставления» во власти «на своей земле». Иностранные послы отзывались о Василии III, что он имел такую власть, какой не обладал ни один современный ему монарх; они заметили, что москвичи равняли своего государя с Богом, говоря: «мы этого не знаем, знает Бог да государь». Так создавалась в Москве сильная самодержавная власть, вотчинная по происхождению и национальная по значению.

Случилось это в то самое время, когда другие православные государства склонились к упадку и гибели. На православный Восток надвинулась гроза турецкого завоевания. Завладев азиатскими провинциями Греческой империи, турки перешли в Европу; в исходе XIV и начале XV века покорили они балканских славян и кольцом окружили Царьград. Мы видели, что в ожидании своей гибели греки искали помощи даже у папы (§ 45). Ничто, однако, не помогло, и в 1453 году Царьград был взят турками. На Востоке не осталось ни одного православного государства, ни одной независимой епархии: все было пленено «безбожными агарянами» (так звали тогда

турок). Одно только Московское государство имело православного государя и независимого митрополита; одно только оно росло и крепло, объединило могучее великорусское племя и сбросило с себя последнюю тень татарского ига. С давних пор, с самого принятия Русью христианства, на Руси усвоили мысль о том, что все «православие» (то-есть совокупность православных христиан) испокон-века объединено под единою верховною властью греческого государя («цесаря», «царя») и греческой церкви. Поэтому-то и Константинополь, столица царя и патриарха греческих, Русью был назван «Царьградом» и почитался за столицу всего «православия». Теперь, когда Царьград был пленен турками и все восточные государства и церкви подчинены ими, в православии не осталось иной столицы, кроме свободной Москвы. Московские люди поняли это вскоре падения Константинополя. Московские князья Иван III и Василий III начали смотреть на себя, как на наследников и преемников греческих царей. Иван III женился на греческой царевне, усвоил себе греческий герб, венчал внука Дмитрия на «царство». Как он, так и Василий III иногда стали звать себя «царями». Такой взгляд разделялся и вывозими на Русь греками и балканскими славянами, которые взирали на Московских князей, как на единственных защитников веры, искали их поддержки и помощи против турецкого гнета и называли их прямо наследниками императоров. В тогдашней русской письменности сами русские люди охотно занимались темами о преемстве между Византиею и Москвою. Исходя из мысли о богоустановленном единстве всего христианского мира, один из писателей того времени, псковский инок (Елезарова монастыря) Филофей написал великому князю Василию III послание, в котором доказывал, что изначально мировым центром был Рим старый, затем Рим новый (Roma nova — Константинополь), а в последнее время стал третий Рим — Москва. «Два Рима падоша (говорил Филофей), а третий стоит, а четвертому не быти». Такое выражение получила мысль о всемирной роли «Москвы — третьего Рима». Вслед за Филофеем другие писатели раскрывали ту же идею, именуя московского великого князя царем всего «православия». Москву «новым Константиновым градом» (то-есть новым Царьградом), а русский народ — «Новым Израилем», который самим Господом избран во главу всего православия. Эту мысль о передаче всемирного главенства от Царьграда Москве старались доказать и пояснить всеми способами. Указывали на то, что во многих случаях святыня сама чудесным образом переходила из Греции, где меркло православие, на Русь, где оно сияло попрежнему (например, Тих-

винская икона Богоматери). Передавали предание, будто сам апостол Андрей Первозванный был в Русской земле, благословил горы Киевские и предсказывал, что на Руси будет цвести истинная вера; на этом основании заключали, что русская церковь ведет свое начало от апостолов и потому является достойною преемницею греческой церкви. Рассказывали далее, что знаки царского сана давно были переданы самими греческими царями (именно Константином Мономахом) на Русь великому князю Владимиру Мономаху, а от него перешли, по естественному преемству, к Московским великим князьям. В Москве действительно существовала (и существует) шапка Мономаха, а также его оплечья (бармы), которые возлагали на себя великие князья при венчании на престол. Сложилась, наконец, легенда даже о том, что русская династия происходила от первых римских царей, так как Рюрик был будто бы потомком Пруса, брата императора Августа. Целым рядом подобных преданий была укреплена в Москве мысль о том, что Московское государство есть первенствующее во всем «православии», что Московский князь есть «царь православия», и что московская церковь, сохранив, одна из всех православных церквей, свою независимость и чистоту, тем самым стала выше старых восточных патриархатов.

Усвоив эту величавую мысль, Московские князья поставили себя на большую высоту. Созная за собою всю полноту вотчинной власти на свою землю, чувствуя в себе национальных вождей многолюдного и сильного народа, они желали теперь играть вселенскую роль царей всего православного мира. Понятно, почему их власть казалась такою могущественною и самодержавною. Но эта самодержавная власть не всем была приятна и не всеми охотно признавалась. Против нее стало заметно движение в московском боярстве XV века.

§ 54. **Боярство и князата; их притязания.** Как было сказано (§ 43), в первое время возвышения Московского княжества в Москве образовалось преданное князьям боярство. Древний обычай давал боярам и вольным княжеским слугам право уходить со службы князю, если слуга бывал недоволен своим «государем» (хозяином). Знатнейшие из слуг, бояре, кроме того, считали себя в праве участвовать в княжеской думе и обсуждать все дела управления и политики. В XIV столетии бояре не уходили от Московских князей, потому что в Москве им было лучше и доходнее, чем где бы то ни было. Напротив, из других княжеств добровольно приезжало в Москву много слуг и просилось на московскую службу. Имея прямую для себя выгоду в успехах Москвы, бояре московские всеми силами

старались об усилении Московских князей и были их верными слугами. Не раз они даже правили княжеством за малолетних или неспособных князей и никому не давали их в обиду. Зато и князья ценили и жаловали своих бояр. По преданию, Дмитрий Донской, умирая, приказывал своим детям: «бояр же своих любите и честь им достойную воздавайте, без их думы ничего не творите». Среди этого старого, коренного московского боярства особенно были заметны род Федора Кошки (родоначальника Романовых и Шерметевых), род Бяконта (родоначальника Плещеевых и др.), род Мураы-Чета (родоначальника Сабуровых, Годуновых и др.), роды Головиных, Морозовых, Вельяминовых и многих других. Начиная с XV века, в среду московского боярства стали поступать в большом числе удельные князья северной Руси и выезджие князья из Литвы. Удельные князья приходили на службу Московского князя с своими уделами, которые великий князь и оставлял за ними в качестве простых боярских вотчин. Князья литовские переходили в Москву также с своими волостями; если же они выбегали из Литвы без земель, то великие князья давали им земли от себя. Таким образом, новые слуги московского государя были обеспечены землями и должны были с этих земель служить Москве ратную и всякую иную службу, являясь по государеву зову с своими «людьми» (холопами) всюду, куда их позовут. Занимая разные должности, придворные и военные, служилые князья становились на деле самыми обыкновенными слугами; но они не хотели равняться с простыми боярами, потому что происходили из княжеского рода и вели себя от Рюрика или же Гедимины. На основании родословных книг они точно знали, кто из них принадлежит к старшей линии, а кто к младшей, и кто кого породой выше. Положение каждого князя в его роде называлось его «отечеством», и при каждой службе князья считались «отечеством», стараясь, чтобы старшие и знатнейшие занимали высшие должности, а молодые и «худые» — низшие. А все вместе князья желали на всякой службе быть выше простых бояр, потому что они считали себя «государями», а бояр простыми людьми. Но старые московские бояре, «исконивечные государские», не хотели уступать своего первенства всякому князю, иногда бедному и «худому». У бояр было свое «отечество» в их родах и свои счета местами на службе. Путем долгих споров князья и бояре определяли сравнительное старшинство и знатность каждой семьи, княжеской и боярской, и занимали служебные места соответственно этой знатности. В Москве твердо укоренился обычай такого счета «отечеством» при всяком служебном назначении. Служилый чело-

век соглашался взять должность или занять место только тогда, когда убеждался, что его не унижат, и не подчинят равному с ним или менее знатному, чем он сам. Если же его сотоварищи не имели, по его мнению, соответствующей знатности, он сейчас же бил государю челом, что ему с ними быть и служить «невместно», что эта служба его «отечеству поруха» и что он просит дать ему «оборонь». Этот обычай счета местами по отечеству называется *местничеством*, а столкновения из-за мест — местническими «случаями» или «делами».

Таким образом, в XV веке в Москве постепенно сложилось новое боярство, наверху которого оказались, по своей «великой породе», потомки удельных князей, подчиненных Москвою. Не допустить первенства князей среди бояр великие князья не могли, потому что они не могли изменить «породы» и «отечества» своих слуг, не могли незнатного сделать знатным, а родовитого сделать простым. По старому выражению, государь жаловал землями да деньгами, а отечеством не жаловал. Но московские государи не могли быть довольны своим новым боярством, потому что оно стало менее зависимо от них. Знатные князья-бояре помнили, что их предки были такими же государями, как Московский князь, и сами себя считали тоже «государями», а не простыми слугами. Они желали принимать участие в управлении государством, как соправители своего родича Московского князя, а не как его слуги. В своих вотчинах они чувствовали себя попрежнему удельными князьями, какими были их отцы и деды. Словом, новое московское боярство приняло вид родовой и земельной аристократии, питавшей притязания на участие в управлении государством. При таких условиях старые добрые отношения между московскими самодержцами и их боярством пали. Иван III и Василий III одинаково не признавали притязаний «княжат» (так в Москве стали звнать титулованных слуг). Они отбирали от них некоторые вотчины, запрещали им продавать земли без особого разрешения или дозволяли продавать только родне, — все затем, чтобы как-нибудь не упустить из московского подданства удельных земель и не лишиться с них службы государству. Они не допускали княжат до своей тайной думы и всякие дела делали, «запершись» от них, «у постели» (то-есть, в своих внутренних покоях), «сам-третей» с доверенными лицами из простых «дьяков» (секретарей). Когда же княжата роптали и жаловались на это, государи «опалялись» на них, ссылали их, постригали в монахи, даже казнили. Если же кто-либо из княжат замышлял «отъехать» от великого князя в Литву (больше некуда уже было отъезжать), то его хватили и обвиняли

в измене и отступничестве. Таким образом, у самых знатных своих слуг московские государи отнимали старое право совета и отъезда, каким всегда пользовались бояре. Княжата не принимали в расчет, что времена уже изменились и что при новом государственном порядке отъезд есть действительно измена государству: они роптали и были готовы на смуту. В своих боярско-княжатах Московские князья нажили себе домашних врагов.

§ 55. Люди служилые и тяглые; поместная система и крестьянское прикрепление. Одновременно с образованием княжеской аристократии в Московском государстве стали слагаться и другие сословные группы. В удельное время, в тот период, когда еще совершалось заселение северо-восточных княжеств славянским племенем, состав общества в этих княжествах был очень неопределенным. В общем потоке колонизации, шедшей с Днестра и с Ильменских рек в Поволжье, население не сразу находило себе оседлость, перемещалось и бродило, двигаясь постепенно в восточном и северо-восточном направлении. Только князья, хозяева уделов, сидели неподвижно в своих удельных владениях. Вынужденные вести свое хозяйство и содержать дружину при условии непрерывной подвижности, «текучести» всего народонаселения, князья выработали особые приемы хозяйства и управления. Они не могли сразу остановить переселенческий поток, задержать население в своих волостях и прикрепить его к своему уделу. Народ приходил в их удел и уходил из него свободно, не сказываясь князю и без его позволения. Князья поэтому старались закрепить за собою отдельных лиц. Они или принимали их к себе на вольную службу по договору (это были их бояре и слуги вольные), или же покупали их и кабелили, как рабов (это были их «люди» или холопы). Из тех и других составлялся «двор» князя, соответствующий дружине Киевского периода (§ 20). С помощью этого двора удельный князь управлял своим уделом, защищал его и вел свое хозяйство. Бояре и вольные слуги были его советниками и полководцами, а «люди» составляли рать и были рабочими на его пашне и промыслах. Часто князья приглашали неимущих свободных людей селиться на княжеской земле с условием служить и работать князю, причем, если такой слуга не исполнял своих обязанностей, его лишали данной ему земли. Из этих слуг «под дворским» (то-есть подчиненных княжескому дворскому или дворецкому) составлялся особый, средний разряд княжеских людей, — не холопов, но и не вполне свободных. Только перечисленные разряды слуг, от бояр до холопов, находились в непосредственном подчинении князю; а из них только «люди» были подданными князя в нашем

смысле этого слова, то-есть находились в принудительной от него зависимости. Остальные могли от него уйти к другому князю, — или теряя свою землю, если это были слуги под дворским, или сохраняя все свои земли, если это были слуги вольные.

Так устроены были отношения удельных князей к тем, кто им служил. Все же прочие лица, жившие в уделе князя, носили общее наименование «христиан» или «крестьян» и не находились вовсе в личной зависимости от князя. Как в городах («посадах»), так и в сельских волостях они были устроены в общины или «мирь». Князь знал, что в какой-либо его волости (занимавшей, например, долину какой-либо речки) жили крестьяне. Он приказывал там счесть количество крестьянских дворов, назначал с них со всех один общий податной оклад, «тягло», и поручал самим же крестьянам в известные сроки (на Рождество, на Петров день) доставлять ему свою подать. Люди приходили в эту волость и уходили из нее без ведома и разрешения князя. Крестьянский «мир» их принимал и отпускал; он их облагал податью в общий оклад; выборные «старосты» собирали эту подать и отвозили князю. И так шло из года в год, до тех пор, пока князь не приказывал (заметив убыль или прибыль крестьянских дворов в данной волости) снова переписать дворы и уменьшить или увеличить сумму мирского платежа. При таком порядке крестьяне знали не князя, а крестьянский мир; а князь мог быть равнодушен к тому, что тот или другой его крестьянин уйдет к соседнему князю. Прямого ущерба от этого для князя не было. Такою же свободой перехода крестьяне пользовались и на частных боярских землях. Приходя на землю, они составляли арендное условие, «порядную», и в порядной определяли свои обязанности и платежи господину; уходя от господина, они известным порядком «отказывались» от земли. Закон и обычай считали нормальным сроком отказа «Юрьев день осенний» (26 ноября). Если прибавим, что переход человека из одного разряда в другой, — из крестьян в горожане («посадские люди») или в холопы и обратно, — был очень легок и доступен всем, то мы поймем, что общественное устройство в удельное время было очень неопределенно и бесформенно.

Такая неопределенность не могла удержаться при переходе удельного быта в государственный. Московские государи раньше всего взялись за переустройство своего «двора». Мы видели, что они наложили свою руку на земли своих служилых князей и требовали, чтобы земли эти «не выходили из службы» (§ 54). То же правило было применено ко всем вообще вотчи-

нам: *всякий, кто владел землею, был обязан участвовать в защите государства.* С каждой вотчины должны были являться ратные люди, «конны и оружны», по первому зову государя. Княжата и бояре, владевшие крупными вотчинами, приводили с собою целые «воинства» своих людей. Мелкие вотчинники выезжали на службу сами «своею головою», или с одним-двумя холопами. Но так как во время тяжелых войн с татарами, литвою и немцами нужна была большая военная сила, то обычной рати не хватало, и московские государи стали усиленно вербовать служилых людей, «собою добрых и дородных» (то-есть годных к бою), и селить их на казенных землях, потому что иных средств на содержание воинских людей, кроме земель, тогда не было.

Прежде такие земли давались слугам из частных владений князя, из его «дворца». Теперь «дворцовых» земель уже не хватало и слугам стали давать земли «черные» (то-есть податные, государственные). Прежде такие земли, данные слугам, носили название «служних земель»; теперь они стали называться «поместьями», а их владельцы — «помещиками», «детьми боярскими» и «дворянами». *В отличие от вотчин, которые были частною наследственною собственностью вотчинников, поместья были временным владением.* Помещик владел землею, пока мог служить; прекращалась служба за нерадением или смертью помещика, — и поместье возвращалось в казну. В начале XVI века помещиков считали уже тысячами и поместная система охватила уже всю южную половину государства. На государственную службу было «поверстано» множество народа; новым помещикам были розданы земли вблизи границ: в Новгородских пятинах, в Смоленске, в Северском крае, на Оке и, наконец, в центральных областях кругом Москвы. Для заведывания поместьями в Москве была устроена «Поместная изба», а для заведывания службою вотчинников и помещиков — «Разряд».

Сверх поместных земель, служилым людям давали время от времени денежное жалованье, а наиболее знатным из них давали «кормленья». Это значило, что их посылали в какой-нибудь город «наместником» или в какую-нибудь волость «волостелем». Они правили, судили суд, смотрели за порядком и получали за это с населения «кормы» и «пошлины». Кормы имели вид даров в определенные сроки (к большим праздникам); а «пошлины» — это плата за суд и за всякие иные действия кормленщика в пользу населения. Вот это *управление с правом брать доход с волости или города в свою пользу и называлось «кормлением».* Таково было устройство нового служилого сословия. Это сословие теперь состояло: 1) из княжат и бояр,

составлявших аристократию, 2) из дворян и детей боярских — вотчинников и помещиков и 3) из гарнизонных людей (стрельцов, пищальников, пушкарей), на вербованных на мелкие земельные участки в особых «слободах» при укрепленных городах.

Развитие поместной системы повело к тому, что большие пространства занятой крестьянами земли были переданы помещикам и, таким образом, на этих землях создавалась зависимость крестьян от землевладельцев. *За то, что землевладелец служил с своей земли государству, крестьяне обязаны были работать на него, пахать его пашию и платить ему оброк.* Ни помещику, ни правительству было уже неудобно допускать свободный выход крестьян с занятой ими земли, и потому крестьян старались удерживать на местах. Их записывали вместе с их землями в особые «писцовые книги» и тех, кто попал в книгу, считали прикрепленным к той земле, на которой он был записан. Эти «письменные» крестьяне уже не выпускались со своих мест; могли переходить с места на место только люди «неписьменные», то-есть не записанные в книги. Но таких крестьян сами землевладельцы, приняв к себе по «порядной» записи, старались закрепить на своей земле разными средствами, в особенности же тем, что давали им займы деньги, семена, рабочий скот и, таким образом, обязывали их сидеть у себя, пока не отработает долга. Право перехода в Юрьев день, однако, не было отменено, и им пользовались те крестьяне, которые не «застарели» еще за своими землевладельцами. Надобно заметить, что с укреплением государственного порядка не только землевладельцы стали бороться с бродячеством крестьян, но и сами крестьянские общины не стали выпускать из своей среды «тяглецов», потому что уход податных плательщиков затруднял сбор и правильную доставку государю податного оклада. Кто уходил, не платил ничего; а кто оставался, тот должен был платить за себя и за ушедших. Поэтому крестьянские миры сами просили у государя права не выпускать из общины письменных крестьян. Так мало-по-малу принимались меры к тому, чтобы прикрепить крестьян к местам, сделать из них оседлое податное сословие, обязанное платить государю подати («тянуть тягло»), а на служилых землях еще и работать на землевладельца.

§ 56. **Вопрос о церковном землевладении; ересь жидовствующих.** Вопрос об устройстве служилого землевладения был в то время связан с вопросом о монастырском землевладении. В XV веке монастыри в Московской Руси так размножились и овладели таким количеством земель и крестьян, что стали возбуждать некоторое беспокойство правительства и светских

землевладельцев. У правительства уже не стало хватать удобных земель для помещиков, и великие князья были бы не прочь секуляризовать монастырские вотчины. С другой стороны, земельные богатства монастырей стали смущать самих монахов, которые находили, что «стяжание» противоречит вообще монашеским обетам. Так с разных точек зрения начато обсуждение вопроса о монастырских землях, и возникло целое движение, оставившее яркий след в литературе того времени.

Развитие монастырской жизни в период татарского ига зависело от многих причин. Тяжелые условия жизни в «миру» способствовали удалению от мира в «пустыню». Оставляя города и городские монастыри, иноки шли искать уединения и безмолвия в северные леса и ставили там, в глухой чаще свои кельи. Но в этих же лесах, в общем движении колонизации, они сталкивались с другими поселенцами. Из пустынного поселения иноков возникал монастырь, а около него крестьянские поселки. Из нового монастыря шли новые иноческие колонии и снова обращались в монастыри. Так в Костромском, Галицком, Вологодском и Белозерском краю монастырская колонизация оказалась в челе народного переселенческого движения и, можно сказать, руководила этим движением. Из одного знаменитого Троицкого-Сергиева монастыря образовалось не менее 35 монастырей-колоний. Основываясь на новых землях, монастыри содействовали их обработке и получали от благочестивых князей грамоты на занятые ими пространства. Служа центром для крестьянских поселений, монастыри впоследствии, волею князей, делались господами этих поселений. Так создались мало по малу земельные богатства монашеской братии. В среде этой братии не все одинаково относились к этим богатствам. Одни малодушно пользовались ими, превратив монашеский подвиг в безбедное житие. Другие стремились воспользоваться громадными средствами монастырей для добрых общественных целей. Третьи, наконец, пришли к убеждению, что монахи вовсе не должны владеть землями и богатствами, а должны кормиться своим рукоделем. Когда, к концу княжения Ивана III, монастырские вотчины достигли громадных размеров и обнаружилось темные стороны монастырского землевладения, тогда и возник спор о нем в письменности и на церковных соборах. Во главе спорящих стали два выдающихся представителя тогдашнего монашества: Иосиф Волоколамский или Волоцкий (по фамилии Санин, игумен Волоколамского, им же основанного монастыря) и Нил Сорский (по фамилии Майков, основатель скита на р. Соре близ Белоозера). Первый из них был строгий монах и отличный хозяин, одинаково

способный и к литературной деятельности и к практической. Отлично устроив и обогатив свой монастырь, он умел поддерживать в нем порядок и крепкое подвижническое житие. Видя на своем хозяйстве, что богатство не портит монастырских нравов, он думал, что монастыри могут богатеть и с пользой употреблять свои средства для высоких целей. Он говорил между прочим: «Если у монастырей сел не будет, то как честному и благородному человеку постричься? А если не будет добродородных старцев (то-есть монахов), откуда взять людей на митрополию, в архиепископы, епископы и на другие церковные властные места? Итак, если не будет честных и благородных старцев, то и вера поколеблется». Так защищал он землевладение монастырей. Против него с неменьшим убеждением выступал Нил и его ученики и последователи, получившие название «заволжских старцев», так как они все были из северных, за Волгою основанных монастырей. Нил был монах-отшельник, не признававший никаких связей монастыря с миром и никакого богатства у монашествующей братии: монахи должны решительно оторваться от мирских забот, быть пустынножителями и нестяжателями, кормиться трудами рук своих и всем существом своим стремиться к Богу, не радея на о чем земном. Вопрос, поднятый в отвлеченном споре, был перенесен на житейскую почву и рассмотрен на церковном соборе 1503 года. Большинство собора стало на сторону взглядов Иосифа и в этом духе составило соборное определение в пользу монастырского землевладения. Светская власть не решилась идти против соборного авторитета, и монастырские вотчины не только уцелели, но и продолжали расти. Монастыри не только получали земли от государей, но и сами покупали их, принимали в заклад, одоляя под них деньги светским людям, и, наконец, получали их в дар от благочестивых людей на помин их душ. Практическое направление духовенства, опираясь на сочинения Иосифа Волоцкого, создало целую школу монахов-администраторов и хозяев, прозванных «иосифлянами» по имени их учителя Иосифа. Нуждаясь в поддержке светской власти для ведения своих обширных хозяйственных дел, «иосифляне» отличались податливостью и угодничеством пред великими князьями, чем и вызывали против себя укору и обличения суровых заволжских «нестяжателей», среди которых в особенности отличался инок из князей Патрикеевых, по имени Васиан Косой. Против иосифлян писал также и ученый афонский монах Максим Грек, призванный в Москву с Афона для перевода греческих книг и разбора великокняжеской библиотеки. Борьба двух направлений вспыхивала постоянно по самым

разнообразным делам и проникала во все стороны тогдашней церковно-общественной жизни; в конце концов, она привела к полному торжеству иосифлянской стороны. За резкость своих обличений и за несочувствие второму браку великого князя Василия III Вассиан Косой и Максим Грек попали даже в опалу и были заточены в монастыри.

Разница направлений сказалась также в очень громком деле о «ереси жидовствующих». Эта ересь возникла в Новгороде в 1471 году, в годы присоединения Новгорода к Москве, и из Новгорода перешла в Москву. Заключалась ересь в том, что по учению какого-то Жидовина Схарии жидовствующие не признавали Св. Троицы, отвергали божество Иисуса Христа, ожидали Мессии, не почитали Богородицы и святых, не поклонялись св. кресту и иконам, почитали закон Моисеев и вместо воскресенья чтили субботу. Ересь распространилась среди новгородских священников и церковников. Некоторые попы-еретики самим князем Иваном III были из Новгорода привезены в Москву и определены в придворные соборы, после чего ересь пошла и по Москве. Ей сочувствовали видные светские люди (например, доверенный дьяк великого князя Федор Курицын) и кое-кто из духовенства, между прочим архимандрит Зосима, потом избранный в митрополиты (и тогда осудивший ересь). Протекло более пятнадцати лет от начала ереси раньше, чем ее открыли. Новгородский архиепископ Геннадий донес о ней в Москву. Началось дело, причем в Москве оно шло вяло, а Геннадий в Новгороде вел его с великим рвением. Чтобы подвинуть и московское начальство быть деятельнее и суровее, Геннадий заручился содействием влиятельного Иосифа Волоцкого. Иосиф выступил против ереси с обличениями, собранными потом в одну книгу под названием «Просветитель». Он заявил себя сторонником крайних мер и требовал казни еретиков. И в этом на него восстали заволжские старцы, писавшие против жестокости во имя христианского милосердия. Но и здесь, как в деле о монастырских землях, возобладали взгляд Иосифа: на церковном соборе 1504 года еретики были осуждены на казнь. Многие из них были сожжены, и ересь заглохла.

Таковы были главные темы, занимавшие московскую письменность на рубеже XV и XVI веков. Возобладавшее в ней иосифлянское направление, утверждая сложившиеся в жизни церковные обычаи, было очень удобно для государственной власти, потому что поддерживало единодержавие и самодержавие в Московском государстве. Именно потому «иосифляне» и занимали выдающиеся церковные должности с постоянным покровительством великих князей.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Московское царство в XVI—XVII веках.

Время царя Ивана IV Грозного.

§ 57. Детство и юность великого князя Ивана IV Васильевича. Великий князь Василий III, умирая (1533), оставил двух сыновей, Ивана и Юрия. Старшему из них, Ивану, было всего три года. Разумеется, новый великий князь не мог править сам. Власть сосредоточилась в руках его матери Елены Васильевны, которая оказалась властолюбивою и энергичною женщиною. При ней попали в тюрьму ее собственный дядя князь Михаил Васильевич Глинский и дяди великого князя, князь Юрий и Андрей Ивановичи, так как они казались опасными для правительницы. Они все трое умерли в заключении. Недолго прожила и сама Елена. Говорят, что ее отравили недовольные ею бояре (1538).

По смерти матери Иван остался всего семи с половиною лет, а его брат пяти лет. Близких родных у детей не было, потому что они, как сказано, умерли в тюрьмах; остался только двоюродный брат Ивана, маленький сын князя Андрея, Владимир, князь Старицкий. Малолетний великий князь Иван был таким образом круглым и беззащитным сиротою. В старину за малолетних московских князей правили бояре с митрополитом (так, например, было в детстве Димитрия Донского). И при Иване IV стали править бояре. Но в старину бояре и митрополит «прямилли» своим князьям и соблюдали их интересы. А при Иване IV бояре были уже иные. Во главе правления самовластно стали знатнейшие Рюриковичи — князья Шуйские; у них затем отнял власть князь Бельский, а у Бельского снова отбили ее Шуйские. Во время смут бояре не щадили ни великого князя, ни митрополита. Они не оказывали Ивану никакой любви и почтения, врывались в его покои с своими ссорами и драками. Митрополитов они сменяли, насильно сгоняя с

митрополии (согнали Даниила, за ним Иоасафа.) Удержался только вызванный на митрополию из Новгорода новгородский архиепископ Макарий, человек большого ума и такта. К народу бояре относились, «как львы», по тогдашнему выражению, грабя и обижая, вместо того, чтобы управлять «вправду».

Вот в какой обстановке выросстал Иван IV. Он не видел добра и любви от бояр. Они только во время церемоний, на глазах народа, оказывали ему знаки внешнего почтения, как великому князю. А в обычной живни Иван и брат его росли, по словам самого Ивана, как самые убогие люди («яко убожайшая чадь»). Их, своих государей, бояре даже не кормили вовремя, плохо одевали и всячески обижали. Государь играл в комнатах своего отца, а Шуйский, например, разваливался на лавке, положив свою ногу на постель великокняжескую. Это непочтение страшно обижало маленького Ивана так же, как сердило его открытое хищничество Шуйских, тащивших из дворца к себе всякую «кузнь» (золото и серебро) и «рухлядь» (меха и ткани). Мальчик озлоблялся и, не видя доброго воспитания, сам поддавался дурным чувствам. Он мечтал о мести боярам и уже 13-ти лет успел отомстить одному из Шуйских (князю Андрею Михайловичу): Иван приказал своим псарям схватить его, и псари его убили. В то же время Иван проявлял жестокость и во всех своих играх, муча и калеча животных и людей. Злоба было посеяна в Иване боярским воспитанием, а вместе с нею развилось в нем двуличие и притворство. Не смея еще прямо разогнать ненавистных ему правителей, он скрывал свои чувства и был с ними двоедушен. Только одного доброго друга имел Иван в своем отрочестве. Это был митрополит Макарий. Образованный и умный, он составлял в те годы свой знаменитый сборник житий и поучений — «великие минеи-четии» — и обладал огромною библиотекою. Он и приохотил Ивана к чтению и образовал его ум, рано внушив Ивану понятие о Москве, как о третьем Риме, и воспитав в нем желание превратить великое княжение Московское в православное «царство». Но влияние Макария не могло истребить в Иване его нравственную порчу и распущенность. Умный и начитанный, живой и деятельный, великий князь выросстал в то же время озлобленным и лукавым, способным на жестокость и падким на дурные забавы и удовольствия.

Таков был Иван IV к своему совершеннолетию, то-есть к 16—17 годам. Достигнув 16 лет, он объявил митрополиту и боярам о своем желании жениться и принять *царский* венец. Он выбрал себе в жены простую боярышню (не княжну) из

рода Федора Кошки, Анастасию Романовну Юрьеву¹⁾, и в начале 1547 года венчался на царство и женился. Торжественный чин венчания на царство превращал московского великого князя в «государя царя и великого князя». Надобно было, чтобы этот новый титул признали восточные патриархи (для которых вобновлялось в Москве вселенское православное царство, утраченное с падением Царяграда), а затем и все прочие государства. Патриарх Константинопольский прислал Ивану IV свое согласие и благословение (1561); многие же другие государи долго отказывали Московским царям в царском титуле, именуя их попрежнему только великими князьями.

§ 58. Первый период царствования Ивана IV. Внутренняя деятельность. Со времени женитьбы и венчания на царство началась самостоятельная деятельность царя Ивана. Он находился в это время под влиянием своей молодой жены, облагородившей его личную жизнь и отвлекшей его от дурных забав, и под влиянием одного из сотрудников митрополита Макария, священника Благовещенского дворцового собора Сильвестра. Есть предание, что Сильвестр стал особенно близок к Ивану во время громадного московского пожара, испепелившего Кремль и город в 1547 году. Указывая Ивану, что пожар Москвы он должен понимать, как наказание Господне за его царские грехи, Сильвестр потряс душу молодого царя и овладел его волею. Государь решился посвятить себя заботам о народе, а Сильвестр собрал около него целый кружок бояр-княжат, которые вместе с государем хотели добра народу. Значение Сильвестра стало чрезвычайно велико: он руководил и мирскими и церковными делами и, по выражению летописи, был «якоже царь и святитель»; ему все повиновались и он «все мог».

Начиная с 1550 года, правительство Ивана IV провело в жизнь целый ряд важных реформ. В 1550 году был собран «собор» духовных и светских сановников для обсуждения необходимых мероприятий. С 1497 года в Москве действовал сборник законов, служивший руководством для судей и наместников, составленный дьяком Гусевым и известный под названием «Судебника». Иван IV с благословения собора исправил и дополнил этот Судебник (в отличие от «княжеского» Судебника 1497 года новый Судебник 1550 года носит название «царского»). Главные новинки царского Судебника состояли в том, что он всячески заботился о праведном суде и для пра-

¹⁾ В роде Кошки был обычай — имя или прозвище деда делать фамилиею внуков: поэтому один и тот же род носил последовательно фамилию Кошкиных, Захарьиных, Юрьевых, Романовых.

восудия требовал, чтобы на суде наместников и волостей сидели выборные от народа старосты и «целовальники» (то есть присяжные). Затем в 1551 году был составлен собором сборник правил церковного порядка и благочиния, содержащий в себе 100 глав и потому названный «Стоглавом». Он имел целью обновить и улучшить церковно-общественную жизнь и уничтожить злоупотребления в церковном управлении и хозяйстве. В то же время, кроме составления законов, шли меры практические:

1. Решено было постепенно отменить все «кормления» и предоставить местному населению право выбирать самим своих управителей и судей. До тех пор во всех податных общинах существовали для сбора податей и разных хозяйственных дел «земские старосты». После 1550 года позволено было поручать им и наместнические дела, то-есть суд и управление. Такие старосты, заменявшие кормленщиков, назывались «излюбленными» старостами или головами, или же «земскими судьями и судейками». В тех округах («губах»), где жили не одни податные, но и служилые люди, всему населению сообща позволено было выбирать себе для суда и управления особых «губных старост» из дворян и детей боярских. Губные старосты в «губах» заменяли кормленщика, а отдельно от них земские старосты у тяглых людей ведали попрежнему хозяйственные дела. За то, что земские люди избавлялись от кормов и пошлин наместнику, они должны были вносить в казну государеву известный оброк или «окуп»; а государь из этого окупа уплачивал денежное жалованье тем своим слугам, которые по новому порядку уже не получали кормлений. Таким образом, Иван IV дал широкое самоуправление земщине. От правительства в областях сидели только «воеводы», командовавшие гарнизонами, да «городовые прикащики», заведывавшие казенным имуществом в городах. Все судебные дела и все управление были в руках выборных, за исключением дел особой важности, которые докладывались в Москву.

2. Одновременно с введением земских учреждений шло устройство служилого класса. Из общей массы детей боярских и дворян в 1550 году Иван IV выбрал тысячу лучших, дал им земли около Москвы («подмосковные») и устроил из них особый полк «московских дворян» в отличие от «городовых» (провинциальных). Городовые же служилые люди были разделены по «статьям», по их служебной годности, и для них был определен размер службы, — именно, с каждых 100 четвертей (полудесятин) пахотной хорошей земли должен был явиться на службу «человек на коне в доспехе». Самое войско полу-

чило более правильное устройство. Дворянское ополчение обыкновенно собиралось на службу так, что дворяне каждого города с его уездом составляли один отряд (туляне, коломенчи, ярославцы и т. п.). Эти-то отряды и были поделены при Иване IV на «сотни» и поставлены под начальство особых «голов». Кроме того, была образована особая пехота с ружьями или «пищальями» (стрельцы) и устроена хорошая артиллерия (наряд¹). Так как местничество в высших разрядах служилых людей мешало делу, то Иван IV составил правила против злоупотреблений местническими счетами. Наконец, был произведен пересмотр и уравнивание поместий с тем, чтобы государевы земли были справедливо распределены между помещиками. В придачу к поместьям помещикам давалось иногда и денежное жалованье.

Таковы были меры Ивана IV, выработанные им вместе с кружком бояр и Сильвестром в 50-х годах XVI века. Оне касались всех сторон тогдашней жизни и вносили в жизнь много добра; поэтому оне и пользуются большою славою.

§ 59. Первый период царствования Ивана IV. Завоевания. Не менее славны и внешние дела Ивана IV, современные его реформам. В 1552 году было завоевано им Казанское царство, а в 1556 — Астраханское царство, возникшее на развалинах Золотой орды. Было уже сказано (§ 52), чем было вредно для Руси татарское соседство. Татары из Казани и подчиненные им инородцы не давали покоя московским окраинам и закрывали для русской колонизации пути на восток. Попытки московского правительства овладеть Казанью до Ивана IV не имели успеха, потому что не были решительны. Иногда русская рать появлялась под самую Казанью; казанцы пугались, принимали к себе хана из рук московского государя, обещали мир и подчинение, а затем сейчас же изменяли и начинали враждебные действия. В такого рода отношениях московские люди хорошо изучили казанские места и казанские дела. При Иване IV и был составлен план окончательного овладения Казанью. В 1551 году большое московское войско направлено было так, что одна часть его защитила московские границы от крымцев (на тот случай, если бы крымцы задумали напасть на Москву), а другая часть пошла к Казани и поставила недалеко от Казани, на устьи р. Свияги, крепость Свияжск. В этой крепости был оставлен гарнизон для наблюдения за Казанью и сложены запасы для будущего похода. На этом пока

¹) Как пушкари с пушками, так и пищальники с пищальями существовали в Москве и раньше, но при Иване Грозном эти виды войска были приведены в большое благоустройство.

дело и кончилось. В следующем же 1552 году поход повторился тем же порядком. Защитившись от Крыма особою ратью, Иван IV двинул большое войско на Казань и в конце лета осадил ее. После упорной защиты Казань (2-го октября) была взята приступом. В первый раз при этом московские войска вели подкопы и взрывали неприятельские стены порохом. Город был весь сожжен и разграблен; остатки татарских ратей были добиты в окрестных лесах; Казанский царь Едигер (Ядигар) был взят в плен и крещен; таким образом татарское ханство было уничтожено. Вместо татарской Казани Иван IV построил русскую. В новой крепости были поселены только русские служилые и торговые люди; татарам было разрешено жить лишь в подгородной слободе. Во всей земле, подчиненной казанским ханам, были поставлены русские крепости (Чебоксары, Цивильск, Яранск, Уржум, Малмыж и всех дальше — Уфа). Все инородцы были приведены в повиновение Москве (мордва, черемисы, чувашаи, вотяки, башкиры). В покоренный край призывались и сами охотно шли русские поселенцы. Огромные пространства по Волге и Каме были открыты теперь для русского населения. Естественно для Москвы было желание взять устье той великой реки, течением которой она только-что овладела. Московские рати спустились по Волге и в 1556 году захватили город Астрахань, где тогда сидели слабые ногайские ханы, сами призывавшие московского государя к вмешательству в их дела.

Покорение татарских царств было великим народным делом. На всей восточной границе государства настал покой; были возвращены из Казани русские «полонянники» — пленные, томившиеся в татарской неволе; были приобретены громадные плодородные пространства; был открыт прямой путь за Урал, через Вятку и Каму; наконец, совершилось первое торжество христианства над исламом, Европы над Азией. Чувствуя все величие победы, русский народ пел ее в песнях и за нее сделал Ивана IV, Грозного царя, своим эпическим героем.

§ 60. **Перемена в Иване IV и разрыв с советниками.** Все блестящие дела свои Иван IV делал нераздельно с кружком бояр, подобранных Сильвестром. К составу этого кружка принадлежали, между прочим, ближний придворный («ложничий» или «постельничий») Алексей Федорович Адашев, затем князь Андрей Михайлович Курбский и некоторые другие княжата. До 1553 года ничем не нарушалось согласие государя и его советников, которых Курбский называл, на западно-русский манер, «избранною радой»; но с этого года

пошли между ними недоразумения и ссоры. Государю стало казаться, что «поп» и бояре «снимают с него власть» и хотят вместо царя сами «царством владеть». Повидимому, княжата и Сильвестр действительно желали соправительствовать с государем и ограничить его личную власть боярско-княжеским советом, «радою». Когда царь не подчинялся их внушениям и поступал по-своему, они сердились и осуждали его. Им, например, не нравилась женитьба царя на простой боярышне: дед его был женат на царевне (Софье), отец — на княжне (Елене), а Иван IV женился, по их выражению, на «рабе». С роднею царицы Анастасии, Захарьиными-Юрьевыми, советники государя жили недружно, и эта недружба повела в 1553 году к большому столкновению. Иван IV захворал в этом году горячкою и, не надеясь выздороветь, стал думать о завещании. Царство свое он оставлял единственному своему сыну-малютке Димитрию и хотел, чтобы бояре немедленно ему присягнули. Но призванные во внутренние покои царя бояре начали смуту: одни присягнули, а другие не захотели присягать, говоря, что Димитрий еще младенец, за него править будут Захарьины, а им, боярам, никак нельзя быть в подчинении у Захарьиных. К удивлению, Иван IV узнал, что против его сына высказались члены его избранной рады и что как бояре, так и Сильвестр желали бы воцарить двоюродного брата государева, князя Владимира Андреевича Старицкого. С большим трудом Иван настоял на своем требовании и заставил всех своих бояр поцеловать крест Димитрию. Затем сам он выздоровел, а его сын Димитрий вскоре же скончался, утонув нечаянно в р. Шексне во время путешествия Ивана IV по монастырям. Все это происшествие потрясло Ивана и очень настроило его против Сильвестра и рады. Однако по внешности хорошие отношения продолжались еще несколько лет — до 1560 года, когда скончалась молодая жена Ивана IV, оставив ему двух сыновей (Ивана и Федора).

Со смертью жены царь круто изменился: около него появились новые любимцы, с которыми царь начал вести недостойную жизнь; а старых советников Иван удалил от себя. Сильвестр был отправлен в Соловецкий монастырь, Адашев — в Ливонию, где он и умер (тогда шла война с Ливонией). Другие члены «рады» не могли помириться с утратою своего влияния, пробовали вернуть себе и Сильвестру расположение царя, но возбудили против себя только гнев и опалы. Они стали тогда думать об отъезде; но Иван IV взял с них обязательства не отъезжать. Между царем и боярами шла глухая распря. Она превратилась в жестокое гонение на бояр после бегства

в Литву князя А. М. Курбского (1564). Из Литвы Курбский прислал царю письмо с обвинениями против него в жестокости и несправедливости. Царь ответил ему обширнейшим оправдательным письмом и затем начал действовать открыто против бояр-княжат.

§ 61. **Второй период царствования Ивана IV. Внутренняя деятельность.** Действия свои против бояр-княжат царь открыл невиданным поступком. В самом конце 1564 года он выехал из Москвы, не сказав куда, и остановился за Троице-Сергиевым монастырем в Александровской слободе (теперь город Александров). Оттуда в январе 1565 года он прислал в Москву грамоту, извещая, что он оставил свое царство из-за боярской измены. Москвичи, отправив к царю посольство с духовенством во главе, просили его не покидать царства. Иван согласился остаться во власти только с условием, что ему не будут мешать «класть свою опалу» на изменников, а иных и казнить, а ему самому учинить себе «опричнину»: «двор ему себе и на весь свой обиход учинити особой». Так была учреждена знаменитая опричнина. Мы уже знаем (§ 36), что старину опричниною назывался удел, даваемый в особое владение вдовам-княгиням по завещаниям князей, их мужей. Вот такое особое владение устроил себе и царь Иван. Он основал себе новый «двор»: построил новые дворцы (между прочим, в Александровской слободе); подобрал новый штат придворных и прислуги; отобрал себе новую тысячу дворян (подобно тому, как в 1550 году была отобрана тысяча дворян в Москве); наконец, для содержания нового двора взял к себе «в опричнину» несколько городов и волостей, с которых шли ему деньги и запасы «на его обиход». Люди, вошедшие в опричнину, получили в народе ходячее название «опричников»; сам же Иван называл их «дворовыми».

Когда опричнина устроилась, она начала действовать. Цель опричнины состояла в том, чтобы отнять всякую силу и значение у той княжеской аристократии, которая образовывалась в Москве из потомства удельных князей и считала себя как бы соправительницей государя. Испытав на себе властолюбие своих бояр, царь Иван счел их «изменниками» и, не довольствуясь «опалами на отдельных лиц, задумал обезвредить все боярство. В своем новом «дворе», куда он не пустил «изменников-бояр», он получил силы и средства для действий против них. Он брал к себе в опричнину один за другим те города и уезды, в которых были старые удельные вотчины бояр-княжат, и применял к ним тот порядок, какой применялся Москвою в завоеванных областях (Новгороде, Пскове, Ря-

зани). Именно, из взятых в опричнину уездов выводились вон все опасные и подозрительные для Ивана IV люди, обыкновенно потомки удельных князей. Их переселяли на окраины государства, на новые земли, где не было никаких удельных воспоминаний и где эти люди не могли быть опасны. Старые же их земли отбирались «на государя» и шли «в раздачу». Вместо удаленной знати царь селил в их старых вотчинах мелких помещиков-опричников, преданных ему и зависевших только от него. Совершая это дело разорения и изгнания старой знати, царь, по его выражению, «перебирал людешек». Он делал это до самой своей смерти, в течение почти 20 лет, и понемногу забрал в опричнину половину своего государства. Остальная половина оставалась в старом положении, управлялась боярскою думою и называлась «земщиною» или «земскими» (людьми). В 1575 году над земщиною Иван IV поставил было особого «великого князя» в лице подчиненного ему крещеного татарского (Касимовского) царя Семиона Бекбулатовича, но скоро свел его в Тверь.

Опричнина была жестокою мерою, разорившею не только княжат, но и многих других людей, — всех тех, кого насильственно переселяли с места на место, у кого отнимали вотчины и хозяйство. Сама по себе опричнина должна была возбудить ненависть гонимых. Но действия опричнины сопровождались еще чрезвычайными зверствами. Царь Иван не только выгонял знать из ее вотчин: он мучил и казнил неприятных ему людей. По царскому велению, рубили головы «изменникам» не только десятками, но целыми сотнями. В 1570 году царь подверг разорению целый город, именно Великий Новгород. Заподозрив новгородцев в какой-то измене, он ходил на них войною, как на настоящих врагов, и губил их без всякого суда в течение нескольких недель. По всему государству, много лет сряду, вторгаясь в частные дома, опричники проливали кровь, насильничали, грабили и оставались без всякого наказания, так как считалось, что они «выводили измену» из царства. Иван IV, получивший имя «Грозного» за свои казни и зверства, сам доходил до неистовства и необыкновенной распущенности. Кровавые казни сменялись у него пирами, на которых также лилась кровь; пиры сменялись богомольем, в котором бывало и кощунство. В Александровской слободе Иван устроил что-то в роде монастыря, где его развратные опричники были «братиею» и носили черные рясы поверх цветного платья. От смиренного богомолья братия переходила к вину и крови, глумясь над истинным благочестием. Московский митрополит Филипп (из рода бояр Колычевых) не мог мириться с распущенностью

нового государева двора, обличал Ивана и опричников и за то был низложен царем с митрополии и сослан в Тверь (в Отрочь монастырь), где в 1570 году был задушен одним из самых жестоких опричников — Малютою Скуратовым-Бельским. Иван не постеснялся расправиться и с своим двоюродным братом князем Владимиром Андреевичем, которого подозревал в умыслах против себя еще со своей болезни 1553 года. Князь Владимир Андреевич был умерщвлен без суда, так же, как мать и жена его. Не умеря своей жестокости, Грозный не ограничивал никаких своих вожделений. Он предавался всяческому излишествам и порокам¹⁾.

Наблюдая необычайную жестокость царя и его странные выходки, народ не понимал его и говорил, что царь «играл божьими людьми», порученными ему Богом, нелепо раздвоил свое царство на две половины и одной половине (опричникам) заповедал другую грабить и убивать. При этом, однако, подданные не считали Ивана большим или умалишенным человеком; напротив, о Грозном царе говорили, что он был «муж чудного рассуждения»; Грозного царя народ славил в своих песнях.

Цель, которую поставил себе Иван Грозный, устраивая опричнину, была достигнута. Княжеская аристократия была разгромлена и унижена; старые удельные вотчины княжат перешли к государю и были обменены на другие земли. Но опричнина, несомненно, повела к разорению государства, потому что разрушила хозяйственный порядок в центральных московских областях, где сосредоточены были княжата с их удельными вотчинами. Когда Грозный выселял крупных вотчинников с их старых земель, оттуда уходили с ними их холопы, а затем стали уходить и крестьяне, которым невыгодно было оставаться за новыми владельцами, мелкими помещиками, не имевшими никаких земельных льгот. Крестьянам была еще и та выгода уйти со старых мест, что они могли поселиться на новых хороших землях, или в завоеванном Казанском царстве, куда само правительство звало поселенцев, или же в черноземной плодородной полосе на юг от Оки, где тогда возникало много новых городов. Народ охотно шел на окраины государства, где не было ужасов опричнины, а от этого центральные области все пустели и пустели. К концу царствования Гроз-

¹⁾ Вскоре после смерти царицы Анастасии Иван женился на Черкасской княжне с северного Кавказа Марии Темрюковне; когда же она умерла (1569), царь начал брать себе жен одну за другую из среды своих подданных, при чем духовенство, не имевшее права венчать более двух или трех раз, вынуждалось царем давать ему благословение на незаконные браки. (Всего у Грозного считают сем жен; у последней из них, Марии Федоровны Нагой, родился в 1582 г. сын — царевич Дмитрий).

ного оне запустели до такой степени, что с них царь не получал уже ни ратных людей, ни податей. У Грозного не стало поэтому войска и средств, что и заставило его бесславно окончить шедшие тогда войны с Литвой и шведами. Таковы были в конце концов результаты опричнины.

Из других дел второй половины царствования Грозного особое значение имели меры для обороны южной границы государства и для заселения так называемого «дикого поля» на юг от Оки. Покорение Казани и Астрахани произвело сильное впечатление на крымских татар и на их верховного повелителя — Турецкого султана. Со стороны турок и татар шли требования возвратить им взятые русскими ханства и делались приготовления для похода под Астрахань и для набега на самую Москву. Наконец, в 1571 году Крымский хан, идя тем же путем, каким шел хан Ахмат в 1480 году, успел обмануть русских сторожевых воевод и добрался до самой Москвы, которую пограбил и пожег. На следующий год он снова явился на Оке, перешел ее, но на этот раз был разбит на р. Лопасне князем М. И. Воротыньским и убежал. Все эти обстоятельства заставили московское правительство подумать о том, как вперед лучше уберечься от татарских нападений. Прежде границей московских владений с юга был берег средней Оки; но во времена Ивана IV уже много русских людей поселилось за Окою, южнее тех крепостей, которые там стояли для обороны границы. Выходя на «украину» или на «дикое поле», русские люди становились там вольными «казаками». Над ними не было никакой власти, кроме их выбранных «атаманов». Они охотились, ловили рыбу, бились с татарами, которые тоже «казаковали» на диком поле. Иногда русские казаки нападали на татарские города у Азовского и Черного морей и грабили их; а иногда они грабили своих же русских купцов и русские посольства, которые шли через «поле» в Крым. Московское правительство знало о существовании на «поле» казаков и нередко само нанимало их к себе на службу. В расчете на то, что русского населения на «поле» стало достаточно, при Грозном в Москве и решились занять дикое поле войсками, поставить в наиболее важных местах города, а между городами провести укрепленную границу, через которую татарам нельзя было бы перейти безвестно. В 1571 году в Москве составили особый совет из людей, знающих дело, и выработали общий план действий. По этому плану и стали строить города, выставляя их все южнее и южнее (важнейший из них — Белгород). Между же городами стали проводить валы на открытых местах, засеки в лесах; стали строить укрепления на бродах через реки. В разных

местах новой границы стали ставить наблюдательные отряды — «сторожи», а вдоль границы стали посылать разъезды — «станции». Для службы в городах, станицах и сторожах, сверх тех людей, которых присылали из Москвы, набирали людей из казаков и местных поселенцев. К концу XVI века все «поле» до верховий рек Ворсклы и Северского Донца, было занято крепостями и вошло в состав Московского государства. Этим приобретением достигалась не только большая безопасность от татар, но и возможность заселить богатые черноземные пространства средней России. Казачество, которое не хотело подчиниться государственной власти, ушло к югу и сосредоточилось на низовьях Дона и Донца, отчего и называло себя «низовым». Мало по малу оно составило организованную общину («круг») с выборными атаманами во главе.

§ 62. Второй период царствования Ивана IV. Внешняя политика. С 1558 года Иван IV начал свою знаменитую борьбу за Ливонию. В то время владения Ливонские охватывали Эстляндию с главным городом Ревелем, Лифляндию с Ригою, Курляндию с Митавою и острова Эвель и др. В Ливонии не было внутреннего мира. Архиепископ Рижский ссорился с магистром Ордена Меченосцев; города не желали повиноваться ни тому, ни другому и мечтали о независимости; реформация, проникшая из Германии, делала большие успехи и вела к религиозному междоусобию. Неустройство и безначалие очень ослабили Ливонию и делали ее легкою добычею для соседей. Хорошо зная положение дел в Ливонии, Грозный не желал, чтобы она досталась кому-либо иному, и сам желал подчинить ее. По своему положению у моря Ливония была очень важна для Москвы. Москва наследовала древнюю новгородскую торговлю с Балтийским берегом. Через Новгород и Псков торговала она с Ригою, Ревелем, Нарвою и получала от них европейские товары. Ливонские купцы старались держать в своих руках все торговое движение, не пускали русских людей к морю, а иностранцев на Русь. При этом ливонцы старались не пропустить в Москву никаких мастеров и художников, не пропускали туда серебра, оружия и многих других «заповедных» товаров; словом, они заботились о том, чтобы всячески мешать усилению Москвы. Видя постоянную враждебность и стеснения, московское правительство естественно должно было желать уничтожения ливонского посредничества. Допустить, чтобы слабую Ливонию сменил в Балтийских гаванях другой, более сильный враг, конечно, было нельзя. Москва сама хотела стать на морском берегу, завладеть гаванями и вступить в прямые торговые сношения с Европою. Уже Иван III по-

сле покорения Новгорода построил на устьях реки Наровы, против ливонского города Нарвы, русскую крепость Иваньгород; но этому городу не было суждено стать торговою гаванью. Теперь Иван Грозный ставит себе целью подчинение всей Ливонии и начинает переговоры с Орденом, требуя от него уплаты дани, иначе говоря, признания зависимости от царя. Слабая Ливония согласилась на уплату дани, но не выплатила ее в срок. Тогда, с начала 1558 года, московские войска вошли в Ливонию, и началась война, затянувшаяся на целых 25 лет. Ход этой войны был таков.

В течение двух лет московские войска разорили почти всю Ливонию, за исключением главнейших укрепленных городов и замков. Не имея сил сопротивляться, но не желая отдаваться иноверной и иноплеменной московской власти, Ливония распалась и по частям отдалась в руки своих балтийских соседей: Эстляндия признала над собою власть Швеции, Лифляндия — власть Литвы; о. Эвель стал владением датского герцога Магнуса, а Курляндия была секуляризована, то есть обращена из церковного в светское владение. Магистр Ордена Кетлер стал герцогом Курляндским в ленной зависимости от польского короля. Так окончил свое существование Ливонский орден (1560—1561).

Новые обладатели ливонских земель, занятых московскими войсками, Швеция и Литва, потребовали от Грозного, чтобы он очистил их провинции. Грозный отказал и начал войну и с Литвою и со Швецией. Таким-то образом война ливонская перешла в войну шведскую и литовскую. Обе оне затянулись надолго. Что касается шведской войны, то она шла с перерывами и вяло. Главное свое внимание Иван IV обратил на Литву. В 1563 г. он завоевал г. Полоцк и оупстопил Литву до самой Вильны. Истомленные войною литовцы предлагали Грозному мир, уступая ему Полоцк. В 1566 г. царь собрал в Москве земский собор, из представителей служилых и тяглых людей, для обсуждения вопроса о том, мириться ли с Литвою, или воевать дальше. Собор высказался за продолжение войны, и война продолжалась с перевесом в сторону Москвы до тех пор, пока на польско-литовский престол не был избран один из мелких князей, Стефан Баторий, обладавший большим воинским талантом (1576).

Баторий начал решительные действия против Грозного как раз тогда, когда силы московского царя были подорваны запустением центральных московских областей (§ 61). Поэтому-то смелый и решительный натиск Батория не встретил должного отпора. Царь не вывел против него рати в поле, и Баторий

имел дело только с гарнизонами тех крепостей, на которые нападал. Он обратно взял Полоцк, взял затем важную московскую крепость Великие Луки и напал на Псков. Но громадный, по тому времени, город Псков успел отбиться от короля (1581). В это время явился к Баторию папский посол Антоний Поссевин с предложением примирить его с Грозным и, получив его согласие, поехал к Грозному. Посредничество Поссевина повело к миру (вернее, к перемирию на десять лет), по которому Грозный отказался от Лифляндии и от всех завоеваний в Литве (1582). В то же время, пользуясь слабостью Грозного и успехами Батория, шведы вошли в русские пределы и взяли города Ям, Копорье и Корелу. И с ними Грозному пришлось заключить мир, уступив им Эстляндию и названные города (1583).

Так окончилась долгая ливонская война. Неудачный исход ее зависел от разных причин: с одной стороны, враги Грозного оказались сильнее и многочисленнее, чем он ожидал; с другой — силы Грозного иссякли еще раньше, чем он был побежден Баторием. Но неудача войны несколько не уменьшает заслуги царя Ивана: он верно понял значение для России Балтийского побережья и необходимость овладеть им для того, чтобы вступить в непосредственные сношения с культурным Западом. Преемники Грозного в XVII веке и в начале XVIII века не один раз возобновляли попытки Грозного, пока Петру Великому не удалось приобрести Балтийские берега.

В царствование Ивана Грозного произошли еще два случайных для него, но очень важных события. Это, во-первых, появление английских кораблей в устьях Сев. Двины и, во-вторых, покорение Строгановскими казаками Сибирского царства.

Появление англичан в Белом море относится еще к 1553 г. Три английских корабля были отправлены из Темзы на поиски северного пути в Китай. Два из них погибли в Ледовитом океане, а один попал к устьям Северной Двины, откуда его капитан Ричард Ченслер был отправлен в Москву. Там его приняли так хорошо, что Ченслер и вторично (через два года) появился в Москве уже с официальным поручением от английского правительства завести торговые сношения с Москвой. А еще через два года в Лондон было отправлено русское посольство. Так завязалась торговля Москвы с Англией. Получив право беспошлинного торга в Московском государстве, предприимчивые англичане в большом числе стали ездить в Белое море со своими товарами и скупать в обмен русские товары. Они основали свои подворья во многих русских городах, объездили весь север

нынешней России, хорошо его узнали и описали. За ними в Северную Двину стали ездить для торга и голландцы. Таким образом, к концу царствования Ивана IV в устьях Сев. Двины образовался большой и правильный ежегодный торг, и создались морской порт. В 1584 году здесь был построен город Архангельск. Хотя по краткости навигации (всего три месяца) и по отдаленности Архангельского города от главных европейских рынков торговля в нем представляла большие неудобства, однако московское правительство очень дорожило возможностью непосредственных морских сношений с Европой через Белое море. По тогдашнему выражению, «которую дорогу Бог устроил, великое море-океан, и тое дорогу как мочно затворить?» Эту дорогою свободно пользовались все, кто смел и хотел; а сухопутные московские границы были затворены для сношений с Москвою враждебными Москве соседями, боявшимися усиления Москвы.

Поход на Сибирь был делом частной предприимчивости богатой землевладельческой семьи Строгановых. Происходя от старых новгородских бояр, Строгановы удержались в новгородских землях после московского завоевания. Мало-по-малу они сосредоточили в своих руках громадные земли по реке Каме и на среднем Урале. Окруженные там дикими инородцами, Строгановы просили и получили от государя право строить укрепления («города») и содержать в них вооруженные отряды для защиты своих людей и промыслов от нападений вогулов, вотяков, остяков, татар и других инородцев. Обладая такими исключительными средствами, Строгановы легко могли вести колонизацию за Уралом, в нынешней Сибири. Там, за Уральскими горами, русские люди бывали еще в XIV столетии. Именно новгородцы проникали на восток, даже до Оби. Воеводы великого князя Ивана III в исходе XV столетия покорили землю Пермскую и Югорскую до самой р. Оби. Русской власти и колонизации за Уралом, однако, встретилось препятствие в том татарском ханстве, которое было основано ногайскими князьками в пределах нынешней Тобольской губернии. Во второй половине XVI века в этом ханстве, носившем тогда название «Сибири», появился деятельный хан Кучум, который не давал покоя ни Строгановым, ни тем инородцам (остякам), которые платили дань («ясак») московскому царю. На это Кумуча и решили итти Строгановы. Они, по данному им праву, пригласили к себе на службу вольных казаков с «поля» и с Волги, с атаманом Ермаком Тимофеевым, и послали их (1582) походом на Сибирское царство. Ермак добрался с Камы до р. Иртыша с отрядом в 840 человек, разбил Кучума, взял

его город Сибирь и, покорив все ханство, известил об этом Строгановых, а Строгановы — царя. В Москву приехал — бить царю челом Сибирью — товарищ Ермака Иван Кольцо. Иван IV очень обрадовался новому приобретению и отправил в Сибирь воевод и войска на помощь Ермаку. Для прочного покорения Сибири понадобилось еще несколько лет. Сам Ермак погиб в борьбе за Сибирь, утонув во время ночного нападения татар на его стан. Но его дело было сделано, и русские люди стали с тех пор твердою ногою в системе р. Оби.

Смутное время.

§ 63. **Царь Федор Иванович и Борис Годунов.** Иван Грозный умер в начале 1584 года. Годы за полтора до своей кончины, поссорясь со своим старшим сыном Иваном, Грозный так неосторожно ударил его своим «посохом», что убил его на смерть. Поэтому престол после Грозного царя наследовал его второй сын от брака с царицею Анастасией — Федор. Царь Федор Иванович был неспособный к делам, болезненный, тихий и богомольный человек. Русские люди считали его чуть не святым и говорили, что царь Федор, не входя в дела, праведною молитвою спасал и управлял свое царство, которое при благочестивом и кротком государе успокоилось и процвело, забыв ужасы Грозного. Сам править Федор не мог; при нем должен был быть опекун и правитель. Несколько месяцев таким правителем был боярин Никита Романович Захарьин-Юрьев, родной дядя царя по матери. Затем, когда Никита Романович заболел и умер, эта роль перешла к царскому шурина, боярину Борису Федоровичу Годунову (из рода Мурзы-Чета), на сестре которого, Ирине Федоровне, был женат царь Федор. Бояре не могли помириться с возвышением Бориса Годунова: он им казался и молод, и недостаточно знатен. Против Годунова была задумана интрига. Так как у царя Федора не было детей, то митрополит (Дионисий) и некоторые бояре хотели уговорить царя развестись с царицею и жениться на другой: тогда с своею сестрою Ириною был бы удален от царя и Борис. Но Годунов успел помешать боярам. Митрополит был принужден оставить митрополию, и на его место Борис устроил своего приятеля Иова; враждебные же Борису бояре подверглись опале и были сосланы. Главным образом, пострадали знатнейшие из Рюриковичей князья Шуйские, двое из них, по преданию, были в ссылке умерщвлены, а остальные жили в постоянном страхе от Годунова. И прочая княжеская знать была в постоянном подозрении у Годунова, так что, можно

сказать, времена опричнины для княжат не миновали со смертью Грозного царя.

Укрепившись во власти, Годунов привел дело к тому, что стал регентом государства (1587). Он получил высшие московские титулы «конюшего боярина», «слуги» и «правителя»; получил право непосредственно сноситься с иностранными правительствами и принимал у себя иностранных послов так же, как принимал их сам государь. Все иностранцы считали Бориса правителем государства при неспособном государе, и все русские люди знали, что Борис «править землю рукою великого государя» в то время, когда сам великий государь молит Бога о своих людях и царстве. Так установилось единоличное правление Бориса Годунова. Природа одарила Бориса большим умом и правительственным талантом. Он держал власть в своих руках умело и твердо. Получив влияние и силу в то время, когда государство было расшатано и разорено опричниною и тяжелыми войнами, Годунов устремил все свои способности на то, чтобы успокоить страну и поднять ее благосостояние. По свидетельству современников, он достиг в этом деле значительных успехов. При нем поднялась торговля, уменьшились недоимки, наполнилась царская казна. Вместо казней и оргий Грозного наступила тишина и спокойствие; люди «начаша от скорби бывшая утешатися и тихо и безмятежно жити». Приписывая такую благодать святым молитвам царя Федора, русские люди отдавали справедливость и дарованиям Бориса Годунова. Они в один голос хвалили его, как умелого правителя; хвалили даже и те, которые были его политическими врагами. Никто еще не предчувствовал скорого наступления больших бедствий для государства.

Из внешних дел при царе Федоре наиболее памятливы: столкновение со Швецией, которое окончилось возвращением под московскую власть городов, потерянных Грозным (Иваньгорода, Яма, Орешка, Корелы); нашествие Крымского хана, который успел (1591) дойти до стен Москвы, но скоро убежал; и, наконец, окончательное покорение Сибирского ханства, в котором были построены русские крепости со «стольным» городом Тобольском во главе. Среди дел внутреннего порядка и управления на первом месте по исторической важности стоит учреждение в Москве патриаршества. Важны также и указы о крестьянах.

§ 64. Учреждение патриаршества в Москве и указы о крестьянах. Мы уже знаем (§ 45), что после Флорентийской унии московская митрополия отделилась от Константинопольского патриархата и стала автокефальною. Московские митрополиты

избирались собором русских архиепископов и епископов и принимали постановления в Москве, не ездя в Царьград. Находясь во главе свободной, многолюдной и могущественной паствы, московские митрополиты были на деле выше восточных патриархов, униженных и обедневших в турецкой неволе. Но они попрежнему носили сан митрополитов. Понятно, что московские государи, приняв царский титул и считая себя заместителями византийских царей, желали, чтобы и глава их церкви получил новый титул — патриарший, который соответствовал бы достоинству Русского царства. С точки зрения теории о «Москве — третьем Риме» было необходимо, чтобы в Москве рядом с царем стоял патриарх, как это во все века было в старом православном царстве. Годунову удалось достигнуть осуществления этой заветной мысли московских патриотов.

С православного востока тогда нередко приезжали на Русь духовные лица «за милостынею», то-есть за пособиями. Тяжелое состояние православных церквей под мусульманскою властью было тому оправданием. В 1586 году впервые появился в Москве с востока за милостынею не простой архиерей, а патриарх Антиохийский (Иоаким). Московский митрополит (Дионисий) встретил его, как равный равного, и даже первый дал ему благословение, чем вызвал недоумение и неудовольствие патриарха. Вместе с тем в Москве заговорили с гостем о желательности устроить на Москве патриаршество, и Годунов просил его посоветоваться об этом деле с другими восточными патриархами. Патриарх обещал и был отпущен из Москвы с богатым пособием. Так было поднято в Москве дело о патриаршестве. Однако восточные патриархи не выказали особого сочувствия мысли об учреждении нового пятого патриархата¹⁾. Через два года после Антиохийского патриарха в Москву приехал, тоже за милостынею, патриарх Цареградский Иеремия и не привез никакого ответа по делу о патриархе. Тем не менее, московское правительство добивалось от Иеремии ответа и после разных переговоров с ним предложило ему самому остаться патриархом на Руси. Иеремия принял предложение и таким образом признал возможность установления нового патриархата. Добившись этого важного признания, Годунов повел дело так, чтобы не дать чуждому для Руси патриарху большого влияния на московские дела. Ему предложили жить в заглухом Владимире, далеко от Москвы. Иеремия на это не согласился; но он уже не мог взять назад

¹⁾ На востоке было тогда четыре патриархата: Цареградский, Иерусалимский, Антиохийский и Александрийский.

свое общее согласие на установление в Москве патриархата. После долгих споров его привели к тому, что он согласился поставить в русские патриархи Московского митрополита Иова. Постановление состоялось в январе 1589 года; вместе с тем было учреждено на Руси четыре митрополии (в Новгороде, Казани, Ростове и на Крутицах около самой Москвы). Иеремия уехал домой и в 1590 году собрал в Цареграде собор патриархов, который и утвердил произведенную в Москве реформу, назначив новому Московскому патриарху пятое место в сонме прочих патриархов.

Указами о крестьянах в последние годы XVI века московское правительство старалось остановить все еще сильную бродячесть крестьянского населения. Было уже сказано (§ 55), что с развитием поместного землевладения устанавливалась зависимость крестьянского населения от помещиков, за которыми крестьяне были записаны в писцовых книгах. Во время опричнины Грозного, вследствие разных причин, крестьяне во множестве своевольно оставляли свои земли и шли на «дикое поле», в казаки, или же на новые земли в завоеванное Грозным Поволжье. Землевладельцы, разумеется, не желали выпускать из-за себя крестьян и всеми мерами задерживали их, прибегая даже к насилию. А так как народ все-таки уходил, и рабочих в центральных областях государства становилось все менее и менее, то землевладельцы стали изыскивать способы, как бы, взамен ушедших, добыть на свои земли новых работников. Самым действительным способом было переманить крестьян от соседей, «вывести» их из-за других владельцев. Крестьянский «вывоз» стал обычным явлением. Пользуясь тем, что законом крестьянский переход не был запрещен, богатые землевладельцы рассылали своих приказчиков, чтобы выкупать крестьян у их господ (заплатив господам за крестьян все их долги) и таким способом «отказывать» крестьян от владельцев и «вывозить» их на свои земли, заманив разными льготными обещаниями. Шла, таким образом, борьба за крестьян, в которой победа оставалась на стороне богатых землевладельцев. Они имели средства, чтобы добывать себе рабочих людей; мелкие же помещики не имели средств, чтобы их удержать за собою.

Между тем, московское правительство именно из мелких помещиков составляло свое главное войско и потому не могло допустить их обеднения и разорения. Оно должно было вмешаться в борьбу за крестьян еще и по той причине, что «перевоз» крестьян вел к бесчисленным ссорам и жалобам; суды были завалены делами о возвращении увезенных и ушедших

крестьян и о взыскании убытков от незаконных «вывозов» и «отказов». Вот почему, начиная с 1592 года, стали появляться указы о крестьянах. Около этого 1592 года были составлены повсюду новые писцовые книги, в которых крестьяне были переписаны на занятых ими землях. В 1597 году, в особом указе, сделано было распоряжение давать суд только на тех беглых крестьян, которые вышли из-за своих господ в 1592 году и позднее; тех же крестьян, которые выбежали за пять лет и более до указа 1597 года, приказано было считать свободными от старых их владельцев. Таким образом, была установлена пятилетняя давность для исков о возвращении беглых крестьян¹⁾. Затем несколько раз были выдаваемы указы о том, чтобы крупные землевладельцы не возили крестьян из-за мелких и чтобы вообще никто не вывозил крестьян к себе в большом количестве. Этими указами надеялись прекратить столкновения из-за крестьянского вывоза и разорения мелких помещиков крупными владельцами. Незаметно, однако, чтобы указы о крестьянах в чем-либо помогли делу: и после них продолжалось крестьянское передвижение, и слышались по-прежнему жалобы помещиков на уход и увоз крестьян. Важно было то, что правительство обратило внимание на положение крестьян и стало законом определять отношение крестьян к землевладельцам.

§ 65. Смерть царевича Дмитрия Ивановича и прекращение Московской династии. Кроме царя Феодора Ивановича, Грозный оставил по себе еще одного сына (от седьмого брака с Мариею Нагою), царевича Дмитрия, родившегося в 1582 году. После смерти Грозного маленький Дмитрий получил «в удел» город Углич, куда и был отправлен с матерью и ее братьями, дворянами Нагими. Пребывание на «уделе» было в сущности изгнанием. Никакой власти в своем городе царевич и его родня не имели, так как Угличем управлял присланный из Москвы царский чиновник дьяк Битяговский. Злобясь на московское правительство, Нагие обращали свой гнев на Битяговского, с которым постоянно ссорились и от которого ожидали всяческой обиды и зла. Нагие воспитывали и царевича в ненависти к московским боярам, сославшим их

¹⁾ Установление пятилетнего срока для возвращения беглых крестьян, записанных в последние писцовые книги 1592 года, поддало мысль многим историкам, что за пять лет до этого распоряжения, то-есть в 1592 году, состоялся общий закон, запретивший крестьянам переход и отменивший так называемый Юрьев день. Но, несмотря на все поиски, текст этого закона 1592 года не найден, и самое существование его весьма сомнительно.

в Углич. Дмитрию шел всего девятый год, когда он стал жертвою внезапной смерти. 15-го мая 1591 года, в полдень, мать царевича, выбежав на крик из своих покоев, нашла сына на внутреннем дворе Угличского дворца с смертельною ранюю в горле. В иступлении царица Марья обвинила Битяговского в погибели царевича. Сбежавшийся народ убил Битяговского, его сына и еще до десяти человек, заподозренных в покушении на Дмитрия. О событии дали знать в Москву. Оттуда очень скоро приехала в Углич следственная комиссия, во главе которой были патриарший викарий (крутицкий митрополит Геласий) и думный боярин князь Вас. Ив. Шуйский. Разобрав дело, комиссия донесла в Москву, что царевич с своими сверстниками, «потешными робятками», играл ножом в тычку на дворцовом дворе; в это время пришел на него обычный припадок падучей болезни; царевич в конвульсиях наткнулся на нож и сам нанес себе нечаянно смертельную рану; мать же его и дяди неосновательно обвинили Битяговского в его смерти и подняли народ на несправедливое убийство.

Духовенство с патриархом во главе и бояре, выслушав доклад комиссии, обвинили Нагих в самоуправстве и сослали их, причем царицу Марью постригли в монахини; были наказаны и угличане. Царевич же был погребен в Угличе у соборной церкви. Доклад комиссии, или так называемое «следственное дело» о смерти царевича Дмитрия сохранилось до сих пор: оно подробно описывает все обстоятельства печального события. Тем не менее народная молва не поверила нечаянному самоубийству царевича и повторяла те обвинения, какие высказала мать царевича в минуту его смерти. Убийцами считали Битяговского и его сына и приятелей, а главным виновником злодейства тихонько называли Бориса Годунова. Думали, что Борис подсылал к царевичу убийц и всячески хотел извести царевича, чтобы самому стать царем по смерти бездетного Федора. Когда же Борис умер, тайный слух о его злодействе стал высказываться явно; при открытии мощей св. царевича Дмитрия в 1606 году даже официально было объявлено, что царевич «приял неповинное заклятие от лукавого раба Бориса Годунова». В литературе того времени было составлено много сказаний и повестей, где дело объяснялось так же. Вот почему в настоящее время существует два мнения о деле царевича Дмитрия. Те, кто верит следственному делу, говорят о самоубийстве царевича; а кто верит сказаниям и повестям, утверждает, что Дмитрий убит по приказу Бориса.

Как ни смотреть на дело, все же следует помнить, что во время кончины царевича, в 1591 году, Годунов еще не мог

рассчитывать на бездетность царя Федора Ивановича. Вскоре по смерти Дмитрия у царя родилась дочь, царевна Феодосия, и прожила полтора года. Только после кончины ее (1594) здоровье царя Федора стало заметно слабеть, и он умер 6 января 1598 года, без потомства, оставив «на всех своих государствах» свою жену царицу Ирину. Если бы царица пожелала остаться на престоле, она могла бы царствовать до своей кончины. Но она ушла в подмосковный Девичий монастырь, постриглась в инокини с именем Александры и отказалась от государственных дел. Так прекратилась на Москве династия Ивана Калиты, и москвичам надлежало избрать себе нового государя.

§ 66. Воцарение Бориса Федоровича Годунова. Патриарх Иов, оставшийся «начальным человеком» на Москве в безгосударное время, собрал в своих палатах земский собор для избрания государя. На этом соборе участвовал совет патриарха («освященный собор»), боярская дума и представители служилых людей и торгово-промышленного населения Москвы. Из всех московских князей и бояр два лица казались наиболее вероятными кандидатами на престол. Это были, во-первых, правитель государства и царский шурин Борис Федорович Годунов и, во-вторых, двоюродный брат царя Федора, племянник царицы Анастасии Романовны, старший из сыновей Никиты Романовича, Федор Никитич Романов. Патриарх был на стороне Годунова и предложил собору избрать именно его. Собор согласился и единогласно (в феврале 1598 года) предложил престол Борису. Но Борис, бывший в то время у своей сестры в Девичьем монастыре, решительно отказался. Необходимо были особенные меры, чтобы понудить его послушаться соборного прошения: был составлен крестный ход в Девичий монастырь, и патриарх объявил Борису, что в случае его дальнейшего отказа духовенство затворит все церкви и прекратит богослужение. Тогда только Борис согласился, а его сестра, бывшая царица, благословила брата на царство. Хотя таким образом избрание Бориса было всенародным и вполне законным, однако шла молва, будто он тайно прибегал к подкупам и угрозам, чтобы обеспечить себе престол. Ему, конечно, легко было влиять на избирателей, так как он много лет стоял во главе правления, знал все дела и отношения и везде имел преданных себе чиновников и агентов. Но вместе с тем современники говорили, что Бориса избрали не только из боязни, но видя его «разум и правосудие», зная его «крепкое правление», то-есть оценив его правительственные способности и заслуги.

Согласившись в феврале 1598 года принять престол, царь Борис венчался на царство только 1 сентября — лишь тогда,

когда убедился в прочности народного избрания. С такою же осторожностью он держал себя и в дальнейшее время. Боясь покушений на свою власть, он воспользовался первыми предложениями для того, чтобы устранить подозрительных для него бояр. При царском избрании 1598 года беспокойно держал себя боярин Богдан Бельский, желавший будто бы захватить престол для себя; Борис в 1600 году сослал его в далекое Поволжье. Действительным соперником Бориса в 1598 году был боярин Федор Никитич Романов, стоявший во главе знатной и популярной боярской семьи. В 1600—1601 годах Борис, воспользовавшись каким-то доносом, отдал всех Романовых под суд по обвинению в злоумышлениях на государя. Романовы (пять братьев) были сосланы на далекий север, а старший из них Федор и его жена были, сверх того, пострижены в монашество (он с именем Филарета, она с именем Марфы) и посланы в глухие северные монастыри под строгий надзор. Знатнейших княжат Шуйских (из Рюриковичей) и Голицыных (из Гедиминовичей) Борис держал далеко от Москвы на воеводствах, как бы в постоянном подозрении и под страхом доносов, которые при Борисе были вообще в ходу. Немудрено, что боярство не любило Годунова и считало Бориса прямым продолжателем Грозного с его опричниною и гонением на знать.

В управлении государством Борис продолжал делать то, что делал он при царе Федоре: всеми мерами стремился к восстановлению народного благосостояния, потрясенного в эпоху Грозного. Он уклонялся от внешних столкновений, не желая втягивать государство в новые войны. Он заботился об укреплении правосудия и справедливости и желал истребить лихоимство и оградить мирное население от насильников. Являясь гонителем знати, он хотел быть добрым государем для простых людей (во время своего венчания на царство Борис взялся за ворот своей сорочки, шитой жемчугом, и в порыве чувства сказал патриарху, что и эту последнюю сорочку разделит с бедными и нищими в своем царстве). И действительно он делал много добра и льгот простонародью. Начиная с 1601 года, в Московском государстве, под ряд три лета, были неурожай и настал страшный голод. Люди умирали на улицах и дорогах и ели друг друга. Борис устроил раздачу хлеба из казны голодным и начал в Москве большие постройки, чтобы дать им заработок. Конечно, он не мог накормить всех голодных, и народ, не имевший пищи, бросал свои дома и ховяйство и разбегался. Образовались большие разбойничьи шайки, которые силою добывали себе пропитание и грабили бояр и купцов,

державших взаперти свои обильные запасы хлеба. Голод и разбой, по словам современников, были «началом беды» для Руси. И, конечно, не вина Бориса, что его царство посетили такие несчастья, с которыми бороться не хватало человеческих сил. Как увидим дальше, за первую бедою, голодом, явилась другая: началось народное восстание в пользу самозванного царевича Дмитрия, в борьбе с которым и скончался Борис Годунов (1605).

В своих государственных заботах Борис большое значение придавал европейскому просвещению. Он охотно обращался к иноземцам-техникам и докторам и брал их на свою службу. Сын Бориса, Федор Борисович, получил необычное по тому времени образование. Дочь свою Ксению Борис желал выдать за иноземного принца, шведского или датского (но Густав Шведский не пришелся ему по вкусу, а Иоанн Датский умер женихом от случайной простуды). Думая об устройстве в Москве школ на иноземный лад, Борис, до осуществления этого, посылал для науки русскую молодежь в иноземные страны (любопытно, что никто из посланных не пожелал потом вернуться домой). Пользуясь техническими познаниями своих иноземных слуг, Борис образовал у себя из немцев отряд войска на иноземный лад; он начал также обширные каменные постройки в Московском Кремле, из которых была при нем окончена и уцелела до наших дней знаменитая колокольня «Иван Великий». Словом, при Годунове обнаруживалось явное тяготение московского правительства к сближению с просвещенным Западом, к усвоению европейского знания.

§ 67. **Самозванец.** Но мирное течение московской жизни, нарушенное голодом 1601—1603 годов, было окончательно прервано самозванческой смутой. В 1603 году в Юго-Западной Руси и Польше распространились слухи о том, что жив Углицкий царевич Дмитрий Иванович, которого считали умершим в 1591 году. Человек, взявший на себя имя Дмитрия, объявился сначала у русского князя Адама Вишневецкого, а затем перешел к польскому пану Юрию Мнишку, у которого и стал жить в замке Самборе. Он рассказывал о себе очень кратко и глухо, что был спасен от покушений на его жизнь Годунова и теперь хочет «доступать» отеческого престола. Представленный польскому королю Сигизмунду III и перейдя из православия в католичество, самозванец получил возможность собирать в Самборе войско для похода на Москву и вошел в сношения с казаками на Дону и на «диком поле», поднимая их на Бориса.

Когда в Москве было получено известие о появлении самозванца, московские власти догадались, что имя Дмитрия взял на себя беглый монах Григорий Отрѣпьев, происходивший из служилых людей (детей боярских). Рано осиротев, он постригся в монахи и бродил по монастырям, пока не добрался до Москвы. Там он был принят в Чудов монастырь в Кремле, и познакомился с московскою жизнью. Из Москвы с тремя другими монахами Отрѣпьев убежал в Литву и Польшу, расстригся и назвался царевичем Дмитрием. Однако, когда из Москвы сообщили обо всем этом в Польшу, там сообщению не поверили, и самозванец продолжал свое дело без помехи. И до настоящего времени не все верят тому, что самозванец был Отрѣпьев. Одни ученые склонны думать, что это был действительно царевич Дмитрий, укрытый Нагими от убийц, подосланных к нему из Москвы. Другие думают, что это был самозванец, но не Отрѣпьев, а какое-нибудь другое лицо, с которым вместе Отрѣпьев странствовал из Москвы в Польшу. Некоторые, наконец, говорят, что самозванец был даже не московский человек, а западно-русский уроженец, подготовленный поляками. Вероятнее всего, однако, то, что это был Отрѣпьев: только по всей видимости, он сам верил в свое царское происхождение. Те, кто им руководили, уверили самозванца, что, спасенный от убийства, он был в детстве поневоле назван чужим именем и скрыт под монашескою рясою, пока не вырастет и не станет в безопасности от Годунова. Все поступки самозванца указывают на то, что он считал себя действительно царевичем и не боялся никаких обличений в самозванстве.

Собрав войско, самозванец осенью 1604 года пошел в Московское государство, направляясь из Самбора мимо Киева на Чернигов. Первые города московские поддались ему, но под Новгородом-Северским он встрѣтил отпор, а затем (в битве при с. Добрыничах) был совсем разбит и прогнан на самый край Московского государства, в Путивль. Однако дело его не было проиграно. На восток от Путивля, в новых городах, устроенных тогда на «поле» против татар, казаки и служилые гарнизонные люди, возбужденные агентами самозванца, подняли восстание во имя царя Дмитрия; собравшись целым войском, они пошли на север и засели в городке Кромах. Воеводы царя Бориса, узнав об этом, бросили разбитого самозванца в Путивле и двинулись осаждать Кромы. Крепкий городок не сдавался, осада затянулась до весны 1605 года, и войско Бориса, утомленное трудным зимним походом, пришло

в расстройство. В это время, в апреле 1605 года, неожиданно умер царь Борис.

На Москве воцарился сын Бориса, совсем еще юный Феодор Борисович. Сильная личность Бориса держала в повиновении ему Москву и государство. Когда же вместо него на престоле оказался неопытный мальчик, а влияние на дела присвоила себе его мать, царица Мария Григорьевна (никем не любимая дочь опричника Малюты Скуратова), — тогда бояре дали ход своей вражде к Годуновым. Шуйские с Голицыными и другими боярами задумали изменить Годуновым и свергнуть их во имя царя Дмитрия; затем они рассчитывали самого Дмитрия не пустить на престол, так как они в него не верили, и избрать царя по своему усмотрению. Так бояре и поступили. Они передались самозванцу под Кромами, привели к присяге ему все войско и послали за ним в Путивль. В то же время в Москве боярин князь Вас. Ив. Шуйский, который производил следствие о смерти царевича в Угличе, стал говорить, что в Угличе царевича не убили, а спасли, и что он теперь сам идет к Москве. Москвичи возмутились против Годуновых, свергли царя Федора Борисовича, убили его с матерью, заточили в монастырь его сестру Ксению и стали ждать «истинного» царя Дмитрия. Он приехал в Москву в июне 1605 года.

Таковы были успехи самозванца. Его подготовили, по всей вероятности, некоторые из московских бояр, ненавидевших Годунова и не желавших ему подчиняться. Вывезенный в Польшу, самозванец получил там поддержку от короля и духовенства. Король надеялся, дав помощь самозванцу, возбудить междоусобие во враждебной ему Москве и тем ее ослабить. Католическое духовенство, обратив самозванца в католичество, думало через него достичь подчинения папе и всего Московского государства. Для того при самозванце всегда находились иезуиты; они сопровождали его до самой Москвы. Самозванец нашел сочувствие и в некоторой части польского панства и шляхты. Шляхтичи шли в его войско, надеясь получить славу и добычу при завоевании Москвы. На то же рассчитывали и паны, в роде пана Мнишка, который прочил в жены самозванцу свою дочь Марину. Но главным образом создали успех самозванцу русские люди с южной окраины Московского государства как казаки, так и служилые люди вновь построенных городов. Все они были выходцами из центральных областей государства, где страдали от опричнины и от крепостной зависимости. Все они поэтому ненавидели московские порядки и поднялись против Бориса, надеясь, что «истинный» царь Дмитрий улучшит их положение и усми-

рит «лихих бояр», угнетавших простой народ. Когда самозванец, пользуясь такою разнообразною поддержкою, внес тяжёлую смуту в Московское государство, бояре решились воспользоваться ею, чтобы избавиться от ненавистных Годуновых, а потом и от самого самозванца. Годуновых им удалось истребить; но когда князь Вас. Ив. Шуйский стал, вопреки прежним своим речам, говорить против самозванца, убеждая народ не пускать его в Москву, то ему уже не поверили и арестовали его, а народ устроил самозванцу торжественную встречу и принял его, как истинного царевича.

§ 68. Царствование и смерть самозванца. Вступив в Москву, самозванец вместо патриарха Иова сделал патриархом Рязанского архиепископа Игнатия и венчался на царство. Он выписал из ссылки мать царевича Дмитрия, инокиню Марфу, и встретил ее, как свою родную мать; сама Марфа при всем народе относилась к нему, как к истинному своему сыну. Ради царского венчания были возвращены из ссылки пострадавшие от Бориса, и на первом месте Нагие и Романовы. Несмотря на то, что самозванец принял в Польше католичество и надавал папе и королю много обещаний, он держал себя в Москве независимо от папы и короля. О католичестве не было и речи; самозванец сам показывал себя православным и не собирався вводить католичество на Русь. Обещанных королю земельных уступок он не сделал. Он помнил только, что обещал в союзе с поляками воевать против турок и татар, и делал приготовления к походу на Крым. Но это не удовлетворяло его бывших друзей и покровителей. Как бывшие при самозванце иезуиты, так и польские дипломаты были очень недовольны царем Дмитрием. Внимателен был самозванец только к семье Мнишков и с нетерпением ожидал приезда в Москву панны Марины Мнишек, за которую посватался. В надежде, что католичка Марина окажет известное влияние на супруга, польское правительство содействовало этому браку, и Марина с отцом отправилась в Москву.

Если самозванец вызвал неудовольствие в Польше, то не нравился он и в Москве. Некоторые из бывших в Москве при царе Дмитрие иностранцев рассказывали, что царь отличался необыкновенным умом и деловитостью, чем будто бы удивлял бояр. Но русские современники молчат об этом; они говорят, напротив, что царь удивлял москвичей другим. Он мало был похож не только на государя, но и просто на благовоспитанного человека: не был богомолен, не держал постов, кутил и пьянствовал, был слишком близок к полякам, пришедшим с ним в Москву. Он жил не по царскому чину: не почивал

после обеда, сам объезжал коней, без свиты гулял по городу и рынку, словом, не умел сохранять своего достоинства так, как бы это было нужно по московским понятиям. Кроме того, управлял он с помощью немногих любимцев, отстранив от влияния на дела знатнейших бояр. Лучшим и способнейшим из его приближенных был Петр Федор. Басманов; остальные были ничтожные дьяки или польско-литовские шляхтичи. Все это обижало москвичей и озлобляло их против самозванца. Окончательно же восстановила народ против него его свадьба. На эту свадьбу с Мнишками из Польши приехало множество гостей и было поселено, за отсутствием гостиниц, по частным дворам. Иноверные и иноземные гости держали себя, как господа и очень обижали и раздражали москвичей. А между тем только эти гости, да придворные служилые люди были допущены на царскую свадьбу; прочее же московское население не пустили в этот день даже в Кремль. Обиженный народ был смущен еще и тем, что новая царица не приняла православия и что самая свадьба совершена, против обычая, накануне праздника (8-го мая).

Народным неудовольствием против самозванца и поляков воспользовались бояре. Еще до прибытия самозванца в Москву князь Вас. Ив. Шуйский называл его обманщиком и поднимал на него народ; тогда он был судим и сослан, но скоро помилован. Теперь Шуйский с братьями и другие бояре снова начали действовать против своего царя и составили такой план: ударить в набат и поднять народ против ненавистных поляков; когда же начнется в городе погром, то проникнуть во дворец и свергнуть самозванца. План удался. Рано утром 17-го мая 1606 года заговорщики ударили в набат в Китай-городе (часть Москвы рядом с Кремлем); с криком, что «паны режут бояр», они устремили чернь на дома, занятые поляками, а сами бросились во дворец. Там они убили П. Ф. Басманова, затем настигли самозванца на одном из дворов дворца и также убили его, а затем арестовали царицу Марину и ее приближенных. Исполнив это, бояре постарались остановить избиение поляков и грабеж в городе и с трудом водворили в Москве порядок после того, как было убито более 2.000 иноземцев.

§ 69. **Воцарение князя Василия Ивановича Шуйского.** Два дня продолжались беспорядки в Москве. На третий день, 19-го мая, без земского собора, одним криком толпы на Красной площади в Китай-городе, был провозглашен царем князь Василий Иванович Шуйский, главный руководитель заговора против самозванца. Принимая власть, царь Василий поцеловал крест на том, что он никого не будет казнить, «не осудя истин-

ным судом с бояры своими», ни на кого не будет налагать опалы безвинно и не будет слушать бездоказательных доносов. Иначе говоря, он обещал править государством не так, как правил Грозный и за ним правила Годунов и самозванец, при которых казни и опалы совершались без суда, по доносам. Такое обещание от Шуйского, по общему мнению, было взято боярами, ограничившими его власть. Но оно осталось только на словах, потому что на деле Шуйский был очень самовластен и мстителен и совсем не держал своей клятвы.

Положение нового государя было чрезвычайно трудно. Москва знала, за что свергнут был царь Дмитрий, а другие города не знали еще ничего. Надо было объяснить всей стране законность убиения самозванца и избрания нового государя. Сверх того, царю Василию необходимо было избрать патриарха (взамен устраненного вместе с самозванцем Игнатия) и с его содействием венчаться на царство. Царь Василий предназначил в патриархи Казанского митрополита Гермогена, но не дождался его приезда в Москву и спешно короновался 1-го июня 1606 года. А через два дня после этого, 3-го июня, в Москву было принесено из Углича нетленное тело царевича Дмитрия, за которым был послан митрополит Ростовский Филарет (прежний боярин Федор Никитич Романов). Таким образом, в столице был уже венчанный государь и были мощи нового страстотерпца — подлинного царевича. В города и пошли после этого подробные грамоты, которые объясняли всему народу от имени государя и от имени инокини Марфы Нагой происшедшие в Москве события: самозванство и еретичество низвергнутого Дмитрия, его тайные сношения с Польшею и папою, его свержение, воцарение Шуйского, который по своему «отечеству» был старше даже прежних московских царей, и, наконец, обретение мощей царевича Дмитрия, которого Бог прославил нетлением и чудесами за неповинное заклятие от Бориса Годунова. Царь Василий думал, что после таких объяснений невозможна никакая смута и никакое самозванство.

§ 70. Смута при царе Василии. Грамоты царя Василия не имели, однако, действия. Во многих местах государства не верили им. Шли слухи, что царь Дмитрий, спасая от бояр, убежав из Москвы и скоро обнаружит себя. На южной Украине, где год или два перед тем кипело восстание в пользу Дмитрия, народ снова зашевелился и снова стал собираться за Дмитрия на злых его изменников-бояр. Как во время борьбы самозванца с Борисом Путивль был главным местом, где засел сам самозванец, — так и теперь при царе Василии каменная Путивль-

ская крепость стала центром восстания; только взамен самого Дмитрия там занимал первое место воевода князь Григорий Шаховский. К украинным людям пристали дворяне тульские и рязанские. Поднялась мордва на нижней Оке; восстала Астрахань. Словом, почти половина государства перестала повиноваться Москве и двинулась на царя Василия. С осени 1606 года в государстве открылась кровавая смута, в которой приняли участие все сословия московского общества, восстав одно на другое.

В ходе этой смуты при царе Василии были три главных эпизода: 1) движение Болотникова, 2) движение второго самозванца и 3) вмешательство иностранцев в московские дела.

1. Иван Болотников был военный слуга (боярский холоп) князя Телятевского. Попав в плен к татарам, он был продан ими в Турцию, ушел из плена и через Италию и Польшу пришел на Русь. Здесь он явился к кн. Гр. Шаховскому и, благодаря своей энергии, стал во главе больших шаек, образовавшихся против Шуйского. Болотников собирал вокруг себя народ не только во имя царя Дмитрия, но и во имя общественного переворота: он поднимал крестьян и холопов против их господ — бояр и помещиков, желая низвержения крепостных порядков в государстве и уничтожения «лихих бояр» и вообще богатых людей. Как сам он, так и его сторонники получили поэтому название «воров» (т. е. преступников). С огромным скопищем воров Болотников двинулся осенью 1606 года к Москве. На дороге к нему присоединились дворяне из Тулы и Рязани, не разобравшие сразу, что вору по своим разрушительным стремлениям не могут быть их друзьями. Мятежники подошли к самой Москве и стали ей грозить, остановившись в селе Коломенском над Москвою-рекою. Пока царь Василий собирался с силами, рязанцы бросили воров и перешли на его сторону. Тогда царь Василий разбил Болотникова и погнал воров на юг. Вору засели в каменных крепостях Калуге и Туле, а потом собрались все в Туле (куда пришел с Волги с казаками самозванец Петр, бывший на деле казаком Илейкою, а называвший себя сыном царя Федора). Царь Василий, к которому, наконец, собралось все его войско, осадил воров в Туле и, ухитрившись затопить крепость водою из р. Упы, заставил их сдаться. Ворами набили все тюрьмы; многих из них утопили, множество обратили в рабство, раздавая в холопы и в крестьяне служилым людям. Остальных, голодных и оборванных, отпустили на волю. Князь Гр. Шаховской был сослан, Болотников исчез без следа: вероятно, был казнен. Так окончилась попытка крепостного люда, ско-

пившегося на окраинах государства, подняться на своих господ, воспользовавшись самозванческой смутой.

2. В то время, когда царь Василий осаждал Болотникова и воров в Туле, — в городе Стародубе Северском уже находился человек, называвший себя царем Дмитрием Ивановичем. Он говорил о себе, что спасся от боярского покушения и ушел в Литву, откуда теперь идет снова добывать Москву. Так как тогда держался упорный слух, что царь Дмитрий жив, то новому самозванцу верили; а кто он был на самом деле, того никто не знал ни тогда, ни впоследствии. После взятия Тулы Шуйским второй самозванец принял меры к тому, чтобы залучить под свои знамена выпущенных из Тулы воров: бывший у него на службе литовский шляхтич Лисовский обошел все южные окраины Московского государства и собрал из этих воров целое войско. В то же время к самозванцу приходили и свежие отряды казаков. Таким образом, у самозванца были значительные русские силы, воодушевленные теми же чувствами, как раньше войска Болотникова. Поэтому москвичи звали их тоже «ворами»; а их вожака, второго самозванца, они прозвали просто Вором, в отличие от первого самозванца, прозванного Расстригою. Кроме русских воров, к Вору пришли в большом числе служить литовские и польские люди. В то время в Польше и Литве против короля Сигизмунда III возсталась значительная часть шляхты. Когда король подавил мятеж, то мятежники от его преследования и мести стали уходить на Русь в войско Вора. А за этими мятежниками и изгнанниками пошли и королевские слуги, с позволения короля набирая войско и поступаая на службу к мнимому царю Дмитрию. Приехала к нему и Марина Мнишек, с отцом своим отпущенная из Москвы в Польшу. Главную роль среди этих поляков и литвы у Вора играли князь Рожинский, бывший гетманом (главнокомандующим) всех его войск, и Ян Петр Сапега, приведший с собою большой собственный отряд.

В конце-концов под начальством Вора оказалась такая большая воинская сила, что он подступил к самой Москве и осадил ее летом 1608 года. Воры и поляки устроили свой главный стан в неприступном по своему положению селе Тушине, верстах в десяти от Москвы. Действуя оттуда, они заняли все дороги вокруг Москвы, кроме Рязанской, которую отстояли московские воеводы и сами рязанцы. Так только из Рязани и могли москвичи получать продовольствие и всякую помощь; все остальные сообщения были отрезаны. Окружая Москву, тушинцы наткнулись на Троице-Сергиев монастырь, защищенный каменными стенами. Они попытались взять его, но

не могли, потому что братья монастыря и стрельцы отбили приступы. Тогда Сапега и Лисовский повели правильную осаду монастыря, оставшуюся также без успеха. Монастырь не сдался и подал собою пример твердости. Не так хорошо вело себя население самой Москвы. Многие из служилых и торговых людей переехали в Тушино, одни — по ненависти к Шуйскому, другие — за почестями и наживой. Были и такие искатели приключений, которые не раз перебежали в Тушино и потом возвращались обратно в Москву. При каждом своем переезде они обыкновенно выпрашивали себе у того царя, к которому приехали, чины и земли за «приезд», — за то, что познали «истинного государя» и явились ему служить. Таких негодяев москвичи едко называли «перелетами».

Итак, вскоре после своей победы над ворами Болотникова, царь Василий оказался снова в осаде от других, еще более многочисленных и опасных воров. Для того, чтобы собрать против них свои силы, царь приказал воеводам из городов, где были большие гарнизоны, итти на помощь Москве. В то же время он послал своего племянника князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского в Великий Новгород, чтобы там собрать русские войска и, сверх того, просить войск у шведского короля. Шведы дали Скопину вспомогательное войско, но за него получили себе спорные города (Иваньгород, Ям, Копорье, Орешек и Корелу), которые были уступлены им Грозным и отобраны царем Федором Ивановичем. С русским и шведским войском Скопин и шведский полководец Делагарди должны были не только итти на помощь к Москве, но защищать и северные области государства, куда также проникли тушинцы. Свою задачу Скопин исполнил с полным успехом, потому что ему помогали сами жители московского севера. Когда тушинские отряды показались на средней Волге и за Волгою и стали приводить северные города в повиновение Вору, то жители увидели, что слуги царя Дмитрия вовсе не заботятся о порядке, а думают только о грабеже. Не желая давать свое добро ворами-казакам, полякам и литве, северные горожане и крестьяне сами своими силами начали с ними геройскую войну. Во главе восставших против Вора были города Вологда и Устюг, а за ними мужественно шли все прочие городские и крестьянские общины. Князю Скопину оставалось только поддерживать народное движение, посылая от себя на север земским ратям опытных «голов» (офицеров). Тушинцы были скоро прогнаны из-за Волги назад к Москве; за ними пошли на помощь Москве северные земские ополчения. Скопин указал им всем собираться в Александровской слободе и сам с своими войсками пришел

туда из Новгорода (через Тверь и Калязин монастырь). Туда же подошли и те отряды, которые были собраны Фед. Ив. Шереметевым в Нижнем-Новгороде и прогнали тушинцев от Владимира и Суздаля. В Александровской слободе собралось большое войско, в котором были и регулярные шведские отряды Деллагарди, и служилые русские люди, привычные к ратному делу, и земские ополчения горожан и крестьян. Скопин, деятельно обучая на походе свои войска правильному бою, поспешил с ними к столице. Тогда тушинцы бросили осаду Троицкого монастыря (она длилась 16 месяцев); оставили затем и самое Тушино. Вор убежал в Калугу, и Москва весною 1610 года освободилась от долгого страха. Царь Василий победил во второй раз, благодаря подвигам Скопина и северных «мужиков».

3. Еще Вор не был побежден, как у царя Василия появился новый опасный враг. Дружеский договор Скопина со шведами и шведская помощь царю Василию повели к тому, что польский король Сигизмунд объявил войну Москве. Отношения Сигизмунда к Швеции были столь враждебны, что всякий друг Швеции тем самым был его враг. Но и кроме личной вражды короля, интересы Польши и Литвы не могли допустить сближения Москвы со Швецией. Осенью 1609 года Сигизмунд двинулся в поход и осадил Смоленск. Эта важная крепость имела каменные стены, построенные Годуновым, и охранялась сильным гарнизоном. Целую зиму стоял под нею король и не мог ее взять. Он потребовал, чтобы все служившие Вору поляки и литовцы бросили Вора и из Тушина перешли под Смоленск. Такое требование произвело в Тушине смуту и содействовало его падению. Не все поляки хотели идти оттуда на зов Сигизмунда, находя, что они завоевали Московское царство для себя, а король хочет воспользоваться их трудами и жать то, чего не сеял. Сигизмунд получил из Тушина мало помощи и продолжал без успеха стоять у Смоленска до тех пор, пока Скопин прогнал тушинцев от Москвы и вошел в столицу.

В Москве радовались и предполагали, что Скопин немедля же пойдет со своею ратью на короля и освободит от него Смоленск. Но Скопин внезапно умер в Москве, всего 23 лет от роду (предполагали, что его отравили Шуйские из боязни, что Скопина после смерти царя Василия изберут на престол мимо братьев государя). Народ с горем оплакивал своего любимого героя; а против короля выступил с войском брат царя Василия князь Дмитрий Шуйский, человек неспособный и никем не любимый. Если бы он победил поляков, смута

могла бы кончиться полною победою царя Василия. Но случилось не так. У короля Сигизмунда был в то время гетманом (главнокомандующим) польских войск пан Станислав Жолкевский, талантливый полководец, умный и честный человек. Он выступил из-под Смоленска навстречу Шуйскому, неожиданно для него встретил его у с. Клушина (близ теперешнего г. Гжатска), разбил московское войско на-голову, а отряду Делагарди открыл путь к отступлению домой чрез Новгород (в июне 1610 года). Шведы воспользовались этим, отошли к берегам Финского залива и сначала заняли уступленные им города, а потом овладели и Новгородом. Русское же войско в беспорядке прибежало в Москву. За ним спешил гетман Жолкевский и приблизился к самой Москве. Одновременно с ним подступил к Москве из Калуги и Вор. Москва, таким образом, снова оказалась в осаде. В новой беде москвичи потеряли терпение, восстали на царя Василия, свергли его с престола (17-го июля 1610 года) и насильно постригли в монашество. Власть перешла; к боярам; так как они правили кружком в семь человек, то время их правления получило название «семибоярщины».

§ 71. Избрание на престол польского королевича Владислава и последствия этого избрания. Задолго еще до свержения Шуйского, в то время, когда казаки и поляки оставляли свой Тушинский лагерь, некоторая часть тушинцев не хотела ни итти за Вором в Калугу, ни возвращаться в Москву к Шуйскому. Во главе этих людей стояли митрополит Ростовский Филарет, взятый тушинцами насильно из Ростова в Тушино и там нареченный в патриархи всея Руси, и боярская семья Салтыковых. Они обратились к королю Сигизмунду под Смоленск и просили его дать своего сына Владислава на московский престол с тем, чтобы тот правил Московским государством при участии боярской думы и земского собора. Король согласился на эти условия (4-го февраля 1610 года). Но пока в Москве крепко сидел Василий Шуйский, договор тушинцев с королем конечно, не мог получить никакой силы. Митрополит Филарет должен был возвратиться в Москву еще при Шуйском, а Салтыковы остались у короля.

Когда же царь Василий был свергнут, Жолкевский, прийдя к Москве, немедленно сообщил москвичам о тушинском договоре и требовал признания Владислава царем. Московские бояре сами желали воцарения Владислава и думали было созвать выборных от городов для его избрания в цари. Но ждать съезда выборных было нельзя, так как Вор, стоя под Москвою, поднимал московскую чернь в свою пользу и дело шло к открытому

междоусобию. Собрав на собор тех, кого можно было наскоро найти в самой столице, бояре собором избрали Владислава, составили особую грамоту, определявшую его права и обязанности, и вступили в переговоры с Жолкевским. По условиям, составленным боярами, Владислав должен был принять православие и править государством при посредстве бояр, собирая в важнейших случаях земский собор. Московское государство обеспечивало себе полнейшую независимость и обособленность от Польши и Литвы, особо вело внешнюю политику и сохраняло свой прежний внутренний строй. Жолкевский принял все условия и дал присягу за Владислава, а москвичи целовали крест королевичу. Так поспешно и наскоро состоялось избрание Владислава (в августе 1610 года). Не все одинаково хотели королевича: многие москвичи желали поставить царем своего, московского, человека. Одни определенно называли князя Вас. Вас. Голицына, а другие — Филаретова сына Михаила Федоровича Романова. За русского стоял и патриарх Гермоген, едва согласившийся на избрание Владислава. Только боязнь бунта черни в пользу Вора помогла Жолкевскому настоять на своем. Как только был заключен договор с гетманом, бояре просили его прогнать Вора от Москвы. Жолкевский исполнил это, прогнал Вора, а затем, для поддержания порядка, по желанию самих бояр, ввел свои войска во внутренние московские крепости, Кремль и Китай-город. Таким-то образом Московское государство признало власть Владислава, а Москва оказалась во власти польского гарнизона.

Для того, чтобы просить Сигизмунда дать сына на московский престол, а Владислава просить принять этот престол, в Москве было снаряжено чрезвычайное, «великое», посольство. Жолкевский постарался, чтобы главными послами к королю были отправлены самые знатные люди, митрополит Филарет и князь В. В. Голицын. Таким образом, опасные для Владислава соперники были удалены из Москвы. С громадною свитою отправились послы «ото всея земли» под Смоленск в королевский лагерь. Они еще не знали, что король не желал посылать сына в Москву, так как считал Москву своею военною добычей. Он тайно требовал от Жолкевского, чтобы тот привел Москву к присяге не королевичу, а самому королю. Напрасно гетман писал Сигизмунду, что его желание неисполнимо, что Москва ни за что ему не подчинится, как ревностному католику и гонителю православия. Король стоял на своем. Тогда Жолкевский оставил Москву, передав команду Гонсевскому и захватив с собою в Польшу царя Василия и его братьев в качестве военного трофея. Он явился к королю и, когда в

устной беседе не успел его образумить, вышел в отставку и удалился в свое имение. Король же попробовал достигнуть своего и повлиять на великое посольство и на бояр, оставшихся в Москве. В Москву он послал передававшихся ему из Тушина русских людей и поставил их в Москве на разные должности, действуя именем Владислава и своим собственным. Среди этих людей главные роли играли бояре Салтыковы и торговый человек Федор Андронов. Чрез посредство их и Гонсевского Сигизмунд запугал московских бояр (так, что, по их словам, они «живы не были») и стал распоряжаться в Москве, как в покоренном городе. В переговорах с великим посольством под Смоленском паны Сигизмунда также требовали послушания королю и ничего не говорили о том, примет ли Владислав православие и приедет ли он в Москву. Подкупом и угрозами Сигизмунд склонил многих из посольства оставить главных послов и ехать в Москву, чтобы готовить москвичей к присяге прямо на имя короля. Уехал из посольства даже такой заметный человек, как Авраамий Палицын, келарь (управляющий имуществом) Троице-Сергиева монастыря¹).

Патриарх Гермоген в Москве и главные послы под Смоленском скоро почувствовали, что дело не ладно. Сигизмунд прямо не открывал своих планов, но намерения его становились ясны. Послы тогда твердо стали на том, что было в Москве условлено с Жолкевским, и ничего не уступали в переговорах с панами, отказываясь повиноваться лично Сигизмунду и исполнять его незаконные желания. За это, в конце-концов, они были арестованы королем и отправлены в Польшу. Патриарх же всячески противодействовал в Москве агентам Сигизмунда и учил народ не изменять своей вере и помнить, что русские люди избрали королевича лишь на том условии, что он станет православным. Вокруг патриарха собирались все те, кто понимал польскую опасность и хотел бороться против Сигизмунда. Но эти патриоты пока не решались на открытую борьбу, потому что боялись возобновления домашних междоусобий от Вора, который сидел в Калуге и выжидал удобной минуты действовать в свою пользу. Вдруг в Москве получена была весть, что Вор убит (11-го декабря 1610 года) на охоте своим же придворным. У русских людей развязались руки: они думали, что теперь могут восстать на поляков, не опасаясь попасть между двух огней. Восстание скоро и началось.

¹ Знаменитому Троицкому «старцу» (монаху) Авраамию Палицыну принадлежит известное «сказание» об осаде монастыря и смутном времени вообще. Произведение это проникнуто патриотическим одушевлением и написано прекрасным языком.

§ 72. **Первое ополчение против поляков и его неудача.** На Рождестве 1610 года патриарх Гермоген разослал уже по городам свои грамоты, призывая русских людей подняться против Сигизмунда, который не дает на царство своего сына, осаждает Смоленск и думает владеть самою Москвою. Узнав об этих грамотах, Гонсевский и подчинившиеся ему московские бояре взяли Гермогена под стражу и отобрали от него его писцов. Но дело было сделано: города получили призыв патриарха и поднялись против короля. По всей стране собирались воинские люди и направлялись к Москве для ее освобождения от польского гарнизона. С севера шли городские ополчения — такие же, какие незадолго до того сражались против тушинцев вместе с князем Скопиным. Из центральных областей поднимались дворянские отряды. С юга и из Калуги приближались казачьи отряды, служившие Тушинскому вору, а теперь желавшие послужить Москве против внешнего общего врага. Из многих вождей громадного ополчения особенно выдавались трое: Рязанский воевода Прокопий Ляпунов, происходивший из рязанских же дворян; Тушинский боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой и казачий атаман (пожалованный в бояре Вором) Иван Заруцкий. К Пасхе 1611 года ополчения должны были со всех сторон подойти к стенам Москвы.

Польский гарнизон в Москве знал о движении на Москву земской рати и готовился к обороне. Поляки занимали две внутренние крепости Москвы, Кремль и Китай-город. Эти крепости были окружены «Белым городом» с белой каменной стеною (на ее месте московские бульвары), а Белый город был окружен еще «Земляным городом» с земляным валом (на его месте теперь Садовая улица). Защищать громадное пространство города Белого и Земляного у поляков не было сил, и они поэтому решили выжечь эти части Москвы, чтобы земские ополчения не могли найти в них для себя опору и прикрытие. Так всегда поступали в то время: выжигали все постройки «посадов», окружавших крепостные стены. Поводом к этому делу послужила уличная ссора (на Страстной неделе, 10-го марта 1611 года) между поляками и москвичами. Поляки напали на москвичей в Китай-городе, множество перебили, остальных же выбили вон, в Белый город. Затем за толпою они сами выехали в Белый город и успели его поджечь во многих местах. Москва выгорела вся как раз перед приходом земской рати. Передовые отряды земских войск под начальством воеводы г. Зарайска, князя Дмитрия Михайловича Пожарского, успели притти в Москву еще во время уличного

боя с поляками и вместе с москвичами вогнали врага в Кремль и Китай. (При этом сам Пожарский был тяжело ранен). Все же войско собралось на развалинах Москвы в течение Святой недели и немедленно начало осаду.

Разорение и осада Москвы уничтожили всякое значение для земли московского правительства. Никто уже не повиновался боярам и чиновникам, сидевшим в осаде вместе с поляками. Они стали явными изменниками и врагами своего народа, потому что служили королю и воевали с русской ратью, осадившею Москву. Вместо изменной московской власти надобно было создать другую. В подмосковном земском ополчении и постарались об этом. Выборные люди от разных частей ополчения сошлись на общий совет и «всею землею» установили правительство для своей рати и для всего государства. Для управления войском и землей они избрали «троеназначников»: Пр. Ляпунова, князя Д. Трубецкого и И. Заруцкого. Для ведения дел устроены были, взамен московских, новые учреждения или «приказы»: Разряд и Поместный приказ — для управления службою и землевладением ратных людей, Большой дворец и Большой Приход — для хозяйственных и денежных дел и т. д. Особым приговором (30-го июня 1611 года) «вся земля» определила порядок ведения разных дел, земельных и служебных, как в рати, так и в городах. Словом, в подмосковном лагере образовалась новая государственная власть, которая должна была заменить собою боярское правительство в Москве и должна была поддерживать порядок по всей Руси.

Однако эта власть существовала очень недолго. Было сказано, что в земское ополчение охотно шли не только дворяне и горожане, но и тушинские казаки, «воры», служившие ранее второму самозванцу. Когда они сошлись под Москвою с дворянами землевладельцами, между ними вспыхнула старая вражда и междоусобие, как это было и в лагере Болотникова (§ 70). Казачество пополнялось по преимуществу беглыми крестьянами и холопами, ненавидевшими крепостной порядок, который господствовал тогда в государстве. Дворяне же всеми силами старались о поддержании этого порядка, о наилучшем прикреплении крестьян и холопов, без которых землевладельцы не могли вести своего хозяйства. На совещаниях «всей земли» или ратного совета под Москвою дворяне настаивали на том, чтобы возвращать владельцам их беглых людей, не допуская их ухода в казаки. С другой стороны, дворяне старались подчинить себе казачью вольницу, бывшую в ополчении и склонную к грабежам и буйству. Выразителем дворянских стремлений был Пр. Ляпунов, властный и горячий

человек; другие же начальники, кн. Трубецкой и Заруцкий, представляли собою другую сторону рати, тушинцев и казаков. Между воеводами начались нелады. Казачество ненавидело Ляпунова, считая его своим главным врагом. Несколько раз покушались они убить Ляпунова; наконец, зазвали его в свой «круг» (сходку) и зарубили саблями. После этого они стали так насильничать над дворянами и горожанами, что те разбежались из-под Москвы по домам. Ополчение распалось, и к осени 1611 года, после того, как воры «розгонили» (то есть разогнали) дворян, под Москвою остались одни казацкие «таборы», в которых сидело до десяти тысяч казаков. Они продолжали осаду Москвы, но не имели сил взять город. Они хотели управлять всею землею, и Трубецкой с Заруцким называли себя правителями государства. Но так как казаки только грабили и насильничали по городам и дорогам, то никто не желал им подчиняться, и все города искали средств избавиться от них.

Так печально окончилось первое земское ополчение против поляков.

§ 73. Второе ополчение против поляков и освобождение Москвы. К осени 1611 года положение Московского государства стало отчаянным. Поляки занимали Москву и взяли Смоленск после двухлетней геройской защиты. Вместе со Смоленском перешли во власть короля и другие города по юго-западной границе. Шведы, ставшие открытыми врагами Москвы после избрания Владислава в цари, захватили Новгород и Финское побережье. Таким образом, вся западная часть государства оказалась в руках врагов. Земское ополчение распалось. Казаки грабили и своевольничали. Никакого правительства не существовало, и русские люди, не желавшие повиноваться ни полякам в Москве, ни казакам под Москвою, были предоставлены самим себе. Города, ожидавшие обыкновенно указаний из Москвы, теперь не знали, что делать и откуда ждать совета и приказа. Отчаяние русских людей было полное: оплакивая свое погибшее царство, они просили Бога, чтобы Он сохранил хотя бы остаток народа русского от зол смуты и от насилия врагов. Казалось, всему приходил конец.

В эти ужасные дни раздавались, однако, голоса мужественных представителей духовенства. Выдержав тяжелую осаду, Троицкий Сергиев монастырь поступил под руководство нового архимандрита Дионисия. Дионисий, которого наша церковь чтит преподобным, был человек исключительной доброты и благородства. Он необыкновенно развил благотворительную и патриотическую деятельность своего славного монастыря.

Братия монастыря призревала больных и раненых, хоронила умерших, одевала и кормила бедных, собирая их отовсюду, где только могла найти. Для того, чтобы обеспечить безопасность в смутное время себе и своим призреваемым, монастырь должен был просить защиты и помощи у казачьих бояр Трубецкого и Заруцкого (с которыми особенно был дружен известный келарь монастыря Авраамий Палицын). В то же время власти монастыря считали своим долгом нравственно действовать на народ, побуждая его соединиться против врагов веры и государства, против короля и поляков. В монастыре составлялись грамоты, призывавшие города идти на помощь русскому войску, осаждавшему Москву, и выбить из столицы польский гарнизон. Монастырская братия не принимала во внимание, что русское войско под Москвою стало казачьим, воровским, и враждовало с земщиной, разогнав из-под Москвы земских людей. Всех русских людей одинаково призывали монахи на подвиг за веру и отечество в своих отлично составленных, красноречивых грамотах. Посылая эти грамоты по всей земле, они думали всех примирить и снова объединить в одном патриотическом движении. Но не так думал патриарх Гермоген, живший в осажденном Кремле под стражею и угнетаемый поляками и изменниками за нежелание служить Сигизмунду. Он видел, что созданное им ополчение проиграло свое дело и распалось от казачьего воровства. Он знал, что казаки, имея в своих таборах Марину Мнишек, задумали воцарить в Московском государстве сына ее Ивана, называемого «Воренком». Считая казачье воровство и самозванщину главным злом, патриарх всеми средствами, как только мог, учил русских людей не верить казакам и бороться с ними, как с лютыми врагами. Когда к нему проникали его почитатели за благословением и поучением, Гермоген устно передавал им свою мысль о необходимости борьбы с казачеством. Когда было можно, он писал грамотки о том же в города. Сохранилась такая его грамотка, посланная к нижегородцам.

Итак, в дни общего уныния и растерянности духовенство подняло свой голос и громко звало к борьбе за родину. Города, разобщенные друг от друга и лишенные всякого иного руководства, кроме увещаний духовных отцов, вступали в сношения между собою, посылали друг другу разные вести, отправляли из города в город послов для общего совета. Ждали, кто возмет на себя почин объединения земских сил. Почин взяли, наконец, нижегородцы. Во главе их городской общины, как и везде, стояли земские старосты. Один из них, Козьма Минин Сухорук, отличался громадным умом и железной энер-

гней. Под влиянием грамотки Гермогена он начал дело народного объединения тем, что предложил своим согражданам собрать казну и на нее устроить войско. Нижегородцы согласились и постановили приговор, по которому каждый домовладелец обязан был дать на ратных людей «третью деньгу», то есть одну треть своего годового дохода, или же товара; были, сверх того, и добровольные пожертвования. Для сбора денег был всем миром избран тот же Козьма. Когда дело было налажено, тяглые люди оповестили Нижегородского воеводу князя Звенигородского и соборного протопопа Савву Ефимьева о своем намерении устроить ополчение для очищения Москвы. Те собрали весь город, духовных, служилых и тяглых людей, в городской собор, прочитали Троицкую грамоту, которая тогда пришла в Нижний-Новгород, и объявили приговор тяглого нижегородского мира. Протопоп Савва и Минин говорили речи о необходимости итти на освобождение государства от внешних и внутренних врагов. Решили собирать ополчение и выбрали в его начальники князя Дмитрия Михайловича Пожарского, который недалеко от Нижнего жил в своей вотчине и лечился от ран, полученных им при разорении Москвы. Затем начали из Нижнего посылать грамоты в ближайшие города, объявляя о своем ополчении и приглашая присоединиться к нему. В этих грамотах нижегородцы прямо говорили, что идут не только против поляков, но и против казаков, и не дадут им делать никакого воровства.

Таково было начало Нижегородского ополчения. К ноябрю 1611 года Пожарский уже приехал в Нижний и начал устраивать войска. По его желанию, Минин принял на себя заведывание деньгами и хозяйством ополчения. В зиму 1611—1612 года к Нижнему присоединилось много городов (от Казани до Коломны), и у Пожарского собралось большое войско, с которым он мог выступить в поход. Так как подмосковные казаки враждебно отнеслись к земскому движению и сочли его за мятеж против своего правительства, то они послали свои отряды на север противодействовать нижегородцам. Вот почему весной 1612 года Пожарский пошел не под Москву, а в Ярославль, главный город среднего Поволжья. Он желал прогнать казаков из северных областей и присоединить северные города к своему ополчению. Это ему удалось. Целое лето провел он в Ярославле, устраивая свои дела. В то время, как под Москвою его враги, поляки и казаки, взаимно стерегли друг друга и в непрерывной борьбе ослабляли свои силы, Пожарский окончательно устроил свое войско и собрал в Ярославле земский собор, которому и вверил управление всею землею и всем

своим войском. В составе этого собора было духовенство с митрополитом Кириллом во главе (патриарх Гермоген уже скончался в начале 1612 года под стражею в Москве, и Пожарский считал престарелого, жившего на покое, Кирилла как бы заместителем патриарха). Участвовали в соборе и те немногие бояре, которые избежали московской осады и польского плена и приехали в Ярославль. На собор к Пожарскому были присланы из многих городов выборные люди от служилого и тяглого населения. Таким образом, состав собора был полон и правилен. Была мысль, не спеша под Москву, в Ярославле всею землею избрать и государя. Но обстоятельства заставили идти под Москву.

В июле 1612 года Пожарский получил известие, что король Сигизмунд посылает гетмана Хоткевича с войском и провиантом на помощь своему московскому гарнизону. Нельзя было пропустить Хоткевича в Москву, потому что он надолго бы укрепил польскую власть в столице. Ярославское ополчение заторопилось к Москве. Казаки, бывшие в таборах под Москвою, отнесли к Пожарскому настолько враждебно, что даже подсылали к нему убийц, которые только случайно его не убили. Поэтому земское ополчение, подходя к Москве, очень остерегалось казаков и стало отдельно от казачьего лагеря. Казаки же, думая, что Пожарский пришел на них, испугались. Большая половина их с Заруцким и Мариною Мнишек убежала от Москвы и пошла к Астрахани, где Заруцкий задумал устроить особое казачье государство под покровительством Персидского шаха. Другая же половина казаков, с князем Трубецким во главе, пыталась вступить в переговоры с Пожарским. Эти переговоры еще не привели к миру и согласию, как пришел Хоткевич и напал на войско Пожарского. Шла жестокая битва, казаки вообще действовали вяло и в решительную минуту не думали помочь Пожарскому. Только тогда, когда Авр. Палицын усовестил их, они опомнились, — и русские отбили гетмана. Хоткевич ушел обратно, не успев оказать польскому гарнизону в Кремле никакой помощи. Русские же рати помирились и дружно повели осаду. Трубецкой и Пожарский соединили свои «приказы» и своих дячков в одно правительство и начали «всякия дела делать заодно», управляя вместе и ратью, и государством. Через два месяца, именно 22-го октября 1612 года, русские взяли приступом Китай-город. Истощенные голодом и борьбою, поляки не могли долее сопротивляться: они дошли в осаде даже до людоедства. Вскоре после потери Китай-города польский начальник Струсь сдал Пожарскому и Кремль. Москва была,

таким образом, освобождена. В память великого события ополчение поставило церковь на Красной площади в Москве (теперь Казанский собор) и установило праздновать день 22-го октября. Король Сигизмунд после неудачи Хоткевича сам было пожелал идти на помощь своим московским «сидельцам», но опоздал. Он появился с небольшим войском в окрестностях Москвы в самом конце 1612 года и, встретив повсюду дружный отпор, отступил назад. Московские люди, избавившись от этой последней опасности, могли, наконец, подумать об избрании царя.

§ 74. Избрание в цари Михаила Федоровича Романова. Тотчас по очищении Москвы временное правительство князей Пожарского и Трубецкого разослало по городам грамоты с приглашением прислать в Москву выборных, человек по десяти от города, для «государева обирания». К январю 1613 года съехались в Москву представители от 50 городов и, вместе с московскими людьми, составили избирательный собор. Прежде всего обсудили вопрос об иноземных кандидатах в цари. Отвергли Владислава, избрание которого принесло столько горя Руси. Отвергли и шведского королевича Филиппа, который был избран новгородцами на «Новгородское государство» под давлением шведских войск, занимавших тогда Новгород. Сделали, наконец, общее постановление не избирать «царя от иноверных», а избрать своего «из великих московских родов». Когда же стали определять, кого бы из своих было можно возвести на царский престол, то голоса разделились. Каждый называл приятного себе кандидата, и долго ни на ком не могли сойтись. Выяснилось, однако, что не только на соборе, но и в городе Москве, среди земских людей и среди казаков, которых тогда было в Москве много, особый успех имеет молодой Михаил Федорович Романов, сын митрополита Филарета. Его имя называли уже в 1610 году, когда шла речь об избрании Владислава; и теперь в пользу Михаила Федоровича на заседания собора поступали письменные и устные заявления горожан и казаков. 7-го февраля 1613 года собор впервые решил остановить свой выбор на Михаиле. Но из осторожности постановили отложить дело на две недели, а в то время послать по ближайшим городам узнать, люб ли там будет царь Михаил, и, кроме того, вызвать в Москву тех из бояр, кого на соборе не было. К 21-му февраля из городов пришли хорошие вести, и бояре съехались из своих вотчин, — и вот 21-го февраля торжественно Михаил Федорович был провозглашен царем, и ему принесли присягу как члены собора, так и вся Москва.

Нового царя, однако, не было в Москве. В 1612 году он сидел с своею матерью, инокинею Марфою Ивановною, в Кремлевской осаде, а затем, освободясь, уехал через Ярославль в Кострому, в свои села. Там ему грозила опасность от бродячего польского или казачьего отряда, каких много было на Руси после падения Тушина. Михаила Федоровича спас крестьянин его села Домнина, Иван Сусанин. Известив своего боярина об опасности, он сам завел врагов в леса и там погиб с ними, вместо того, чтобы указать им путь в боярскую усадбу. Тогда Михаил Федорович укрылся в крепком Ипатьевском монастыре у Костромы, где и жил с матерью до той минуты, как к нему в монастырь явилось посольство от земского собора с предложением престола. Михаил Федорович долго отказывался от царства; мать его также не хотела благословить сына на престол, боясь, что русские люди «измалодушествовались» и могут погубить молодого Михаила, как прежних царей, Федора Борисовича, Расстригу и Шуйского. Только после долгих просьб послы собора получили согласие, и Михаил Федорович 14-го марта 1613 года принял царство и затем поехал в Москву.

§ 75. Значение и последствия смутного времени. Познакомясь с подробностями событий смутного времени, не трудно понять их общий ход. Начало смут было положено прекращением московской династии, а причины их заключались в недовольстве разных классов московского населения теми условиями жизни, какие создались в Московском государстве. Бояре и княжата были озлоблены гонениями от Грозного и Годунова. Как только они увидели возможность прекращения московского царского рода, они начали борьбу за власть и влияние, чтобы вернуть себе прежнее, утраченное ими положение при дворе и в государстве и овладеть престолом. От смерти Грозного и до воцарения Шуйского шла борьба дворцовая, за царский венец, между различными желателями власти. Подставив против Бориса самозванца, бояре вызвали тем самым народное движение. Самозванца поддерживали, главным образом, люди того класса, который можно назвать казачеством. Составленное из беглых крестьян и холопов, казачество заключало в себе озлобленных и обездоленных людей, оставивших родину из-за угнетений своих помещиков-владельцев. Поднявшись за самозванца, казаки восстали на ненавистное им московское правительство в надежде отомстить ему за свои беды и получить от Дмитрия разные льготы и права. Когда же самозванец погиб от бояр, казачество восстало на боярское правительство Шуйского, уже не заботясь

о Дмитрии, а прямо по своей ненависти к угнетателям-боярам, добиваясь низвержения того крепостного порядка, в котором страдали и терпели крестьяне и холопы. Вместо дворцовой борьбы за престол и власть, при Шуйском началась борьба общественная—казачества и низших классов населения против бояр и землевладельцев. Эта междоусобная борьба разрушила порядок и распатала государство. Поляки и Шведы воспользовались московскою «разрухою», открыто вмешались в московские дела и достигли успеха: поляки, в конце концов, овладели Москвою и Смоленском, а шведы — Новгородом. Тогда на Руси началось *патриотическое* движение против иноземного господства. Первая попытка выбить поляков из Москвы не удалась, потому что в первом ополчении неосмотрительно соединились слишком разные и враждебные друг другу общественные классы. Казаки поссорились с дворянами и разогнали их, а сами оказались слишком слабы, чтобы завоевать Москву. Тогда дворяне и горожане соединились в одном ополчении одинаково против поляков и против «воров»-казаков и объединили и тех и других. Освободив Москву, они поспешили избрать царя и понемногу прекратили смуту.

Таким образом, смута, поднявшаяся по поводу прекращения династии в Москве, прошла три периода: 1) борьбы бояр за власть и престол, 2) борьбы низших классов (казачества) против высших (землевладельцев) и 3) борьбы русских людей вообще с иноземными врагами и своими «ворами».

Тянувшаяся почти четверть столетия смута не могла не оставить глубокого следа в московской политической и общественной жизни. Во-первых, начавшее смуту боярство не только не достигло своих целей, но было совсем разбито смутю. Исчезли из вида главнейшие боярские семьи; одни вымерли вовсе (князя Шуйские, Мстиславские, Воротынские), другие захирели и обеднели (Годуновы, Салтыковы), третьи надолго потеряли свое влияние (князя Голицыны, Куракины). Расстроенное Грозным боярство смутю было добито, и после смуты места родовитых бояр всюду занимают простые дворяне. Во-вторых, не достигло своих целей и казачество. Сколько раз оно не поднималось против государственного порядка, оно неизбежно терпело поражения. Наконец, главная казачья шайка с атаманом Заруцким убежала вовсе из государства, а прочие казаки поддались земскому ополчению. Заруцкий погиб, а казаки, оставшиеся на «поле» и на Дону, не ходили больше на Москву, а старались сохранять с нею добрые отношения. Они составили на нижнем течении Дона подобие государства, называли себя «войском», управлялись выбор-

ными людьми (совокупность которых называлась «старшиною») и свои дела вершили в «кругу» (на сходках). Занимаясь охотою и рыболовством, казаки всю свою боевую энергию направляли на татар и турок, оставив пока в покое Московское государство. В-третьих, с расстройством московской аристократии и поражением казачества главную силу в Московском государстве получили люди средних классов — дворяне и горожане. Их ополчение освободило Москву, их земский собор избрал нового государя М. Ф. Романова. Из них составился государев совет (боярская дума) и штат чиновников, которые повели управление государством после смуты. Таковы были последствия смуты для московского общества.

Для правительства последствия смутного времени были также очень велики. Прежние государи считали государство своею «вотчиною» (то-есть наследственной собственностью). Вновь избранный государь и его родные и приближенные уже не могли стоять на такой точке зрения. Народ и государство не только не казались им собственностью, но представлялись громадною стихией, для управления которою необходим был земский совет — по крайней мере, до тех пор, пока эта стихия, возмущенная смутою, еще не пришла в спокойствие. Вот почему новый государь не хотел управлять без земского собора и в первые годы своего царствования держал его постоянно при себе. Страшное разорение страны в смуту давало много забот и трудов государю и земщине. Необходимость возвратить города и волости, захваченные поляками и шведами, заставляла воевать. Всякий шаг царя и земского собора был обусловлен этими последствиями смуты. Вся история Московского государства в XVII столетии развивается в прямой зависимости от того, что произошло в смутную эпоху.

Таковы были значение и последствия смуты. С нею окончился в Московском государстве старый порядок и началась новая эпоха.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Время царя Михаила Федоровича (1613—1645).

§ 76. **Начало царствования.** Принимаясь за трудное дело успокоения государства, царь Михаил, по своей молодости (17 лет), болезненности и душевной мягкости, не мог обойтись без руководства и помощи. Поэтому около него собрался круг приближенных придворных, среди которых первое место занимала семья Салтыковых, родственников государевой матери, инокини Марфы (урожденной Шестовой). В придворной жизни Салтыковы играли большую роль и злоупотребляли своим влиянием. Они решились даже на то, чтобы расстроить брак царя Михаила с избранной им невестой Марией Хлоповой (1616), и добились ссылки ее в Сибирь¹⁾. В государственном управлении они также получили большое значение, оттеснив на второй план старейших бояр и вождей земского ополчения. Князь Д. Т. Трубецкой был удален на воеводство в Сибирь; Д. М. Пожарский лишился прежнего влияния на дела, и в местническом столкновении с Салтыковыми был «обвинен» и старшему Салтыкову был даже «выдан головою» (то-есть был приведен насильно в его дом, как бы с повинною). Родовитые бояре, имевшие большое значение в смутное время (князья Мстиславский, Воротынский, Голицыны и др.), стояли далеко от молодого государя; они заседали, правда, в боярской думе, но не были ближайшими советниками царя. Таким образом, в первые годы Михайлова царствования влияние принадлежало не боярской думе, а кружку придворных любимцев молодого государя и его матери.

В первые годы своего царствования царь Михаил правил с постоянною помощью земского собора. Он не распустил

¹⁾ Когда с Хлоповой случился, незадолго до свадьбы, припадок дурноты, Салтыковы обвинили всю семью Хлоповых в том, что они желали скрыть болезненность царской невесты.

выборных земских людей, когда прибыл из Костромы в Москву, а оставил их при себе. С течением времени одни выборные на соборе сменялись другими, но земский собор действовал в Москве постоянно в течение целых десяти лет и помогал царю Михаилу во всех важных и трудных делах. Собор не ограничивал царской власти; напротив, сам царь не хотел править без собора. Страна была разорена, население напугано смутами и еще плохо подчинялось порядку. Для государя было необходимо, чтобы все важнейшие распоряжения московской власти были обсуждены и одобрены на соборе «всею землею», всеми земскими выборными людьми. Тогда только получалась уверенность, что принятая мера будет исполнена везде и всеми без прекословия. Поэтому царь Михаил устраивал так, что вместе с его указами посылались повсюду одинаковые указы и от собора, а вместе с его чиновниками ехали для важнейших поручений и соборные «послы»¹⁾.

§ 77. **Борьба с врагами государства.** На первом месте в начале царствования Михаила Федоровича была борьба с врагами государства, с казаками и иноземцами. Заруцкий, встав вместе с Мариною Мнишек из-под Москвы, захватил Астрахань и думал образовать там свое особое государство под главенством Персидского шаха. Он собирал вокруг себя казачьи шайки и сносился с шахом. Узнав об этом, из Москвы послали на Астрахань войско и всячески просили казаков, сидевших на Дону, не помогать Заруцкому. Жестокость Заруцкого оттолкнула от него астраханцев, а казаки донские, уставшие от смут, не пошли к Заруцкому и Марине. Заруцкий был прогнан из Астрахани местными жителями еще до прихода московского войска и убежал с небольшою ратью на север, на реку Урал (которая тогда звалась Яником). На Яике догнали его московские воеводы и взяли в плен как самого Заруцкого, так и Марину с ее сыном «царевичем» Иваном. Заруцкий и «царевич» были казнены в Москве, а Марина умерла в тюрьме. Казаки же Заруцкого разбрелись. Так миновала опасность от казаков, сосредоточенных на юге — на Дону и южной Волге.

¹⁾ Существует предание, что царь Михаил Федорович при вступлении на престол был ограничен в своих правах и дал какое-то «письмо» или «запись» о том, чтобы править государством не одному, а с боярами, и без боярского совета не делать ничего. Такой записи, однако, не сохранилось и самое существование ее очень сомнительно. Если бы ограничения существовали и если бы государством правил боярский совет, то родственники царские и приближенные не могли бы получить такого влияния, каким они тогда пользовались. Предание об ограниченном характере власти царя Михаила создано вследствие того, что Михаил правил не единолично, а с постоянным содействием земского собора.

Но оставались мелкие казачьи шайки в самом государстве. Они бродили из области в область, живя грабежом и разбоем, и не хотели подчиняться правительству. Выслеживать и ловить их было очень трудно, потому что они укрывались от погони. Когда же случайно казаков собралось вместе большое число, они становились дерзкими и отваживались на открытый бой с царскими войсками. Так в 1614 году атаман Баловень повел к самой Москве большие толпы «воровских» казаков. Царь и земский собор отправили на них целое войско под начальством знаменитого тогда воеводы князя Бориса Мих. Лыкова-Оболенского. Лыков разбил казаков, поймал Баловню и привел в Москву тысячи сдавшихся ему «воров». После этого русские «воры» присмирели. Но продолжали еще действовать пришлые литовско-польские разбойники. Особенно отличался среди них старый Тушинский воевода Лисовский, который в продолжение нескольких лет с большою шайкою всякого сброда необыкновенно быстро обходил все Московское государство, грабя и убивая. Напрасно гонялись за ним московские воеводы; даже сам князь Пожарский не был в состоянии его изловить. Только смерть Лисовского избавила от него Москву. Кроме этого литовского «вора», грабили Русь и другие литовско-польские выходцы, в особенности «черкесы» (казаки с Днепра), забиравшиеся далеко на север, даже к Белому морю. Много времени и усилий потребовалось для того, чтобы истребить этих «воров» и водворить некоторую безопасность в стране.

В то же время шла борьба со шведами и с королем Сигизмундом. Шведы продолжали занимать Финское побережье и Новгород с окрестными городами и требовали, чтобы новгородцы присягнули на верность шведскому королю. Москва не могла допустить утраты Новгорода; московские войска пытались добыть его от шведов, но неудачно. В свою очередь, шведский король Густав-Адольф наступал далее на Русь и осадил Псков (1615), однако же не мог его взять. При посредстве голландских послов, прибывших в Москву, и английского купца Джона Мерика начались переговоры о мире между шведскими и русскими послами и, наконец, в 1617 году в селе Столбове (недалеко от Ладоги) был заключен договор о мире. По Столбовскому договору, Новгород и некоторые другие города были возвращены Москве; у шведов же осталось то Финское побережье (от Нарвы до г. Корелы), которое было уступлено шведам Василием Шуйским. Обе стороны были довольны тем, что окончилась война, хотя Москва никогда не могла примириться с потерей морского берега. Она владела им целые века и хотя плохо им пользовалась, но дорожила им.

Король Сигизмунд не признавал Михаила Федоровича законным Московским государем и продолжал считать себя и своего сына обладателями Московского престола. Не имея сил опять завоевать Москву, он соглашался иногда на мирные переговоры, но они обыкновенно кончались неудачей. Московские послы не желали признавать власти короля, считали Владислава лишенным Московского царства и требовали возвращения Смоленска и прочих городов, захваченных поляками. На эти условия поляки не шли, и переговоры сменялись военными действиями. В 1617 и 1618 годах королевич Владислав предпринял большой поход на Москву. Осенью 1618 года он подступил к Московским стенам, но встретил мужественное сопротивление. Нуждаясь в провианте, поляки после неудачного приступа к столице отошли к Троице-Сергиеву монастырю. Там, в деревеньке Деулине (иначе: Девулине), начались переговоры о мире. Обе стороны, утомленные долгою борьбою, проявили некоторую уступчивость: стало возможным достигнуть если не полного мира, то перемирия. Оно было заключено на 14¹/₂ лет, с временною уступкою королю Смоленска и Северских городов и с условием, что поляки вернут из плена митрополита Филарета и произведут обмен вообще всех пленных. Владислав не отказался от прав на Московский престол и от царского титула. Именно потому и невозможен был вечный мир между Москвою и Польшею, что Москва не могла навек отказаться от Смоленска, а король и королевич не могли отречься от Московского царства.

§ 78. **Возвращение из плена Ф. Н. Романова. Его политика.** Летом 1619 года возвратился из плена в Москву отец царя Михаила, Филарет Никитич. В Москве тогда не было патриарха, потому что патриарший сан, после смерти патриарха Гермогена (1612) и избрания на царство Михаила, берегли для государева отца. Тотчас по возвращении Филарета в столицу он был поставлен в патриархи и получил титул «великого государя», самый почетный в то время, которым именовали только царя. Таким образом, в Москве стало два государя и установилось двоевластие. Превосходя сына твердостью характера и опытностью в делах, Филарет занял первое место в правительстве. По отзывам современников, он был очень властный человек, держал все дела в своих руках и пользовался таким влиянием, что и сам царь не выходил из его воли. До самой своей кончины (1633) он правил государством с редкою энергией и твердостью. При нем лишились своего значения Салтыковы, и вообще не стало сильных фаворитов.

В первые же дни после приезда в Москву Филарет собрал земский собор и говорил с земскими людьми о дальнейшем порядке управления. Был предположен ряд мер для того, чтобы улучшить администрацию и достигнуть справедливой равномерности в службе и в податях для всего населения государства. То, что было постановлено на соборе, Филарет исполнял потом с большою твердостью и настойчивостью, хотя ему и не удалось достигнуть намеченных целей.

Что касается администрации, то главные заботы Филарета направлялись на улучшение управления местного, в уездах и городах. Мы знаем (§ 58), что при Иване Грозном в областях было введено самоуправление: управляли выборные люди, «губные старосты» и «земские судьи». В смутное время, когда война и грабежи охватили все государство, во все города были посланы из Москвы военные власти, «воеводы», которым временно были вверены не только военные, но и все гражданские дела. Воеводы заменили, таким образом, самоуправление своим единоличным управлением. Они почти везде злоупотребляли своею властью, брали взятки, чинили насилия. Жалобы на них в Москву, в «приказы», не достигали цели, потому что приказные дьяки в Москве покрывали воевод и тоже требовали себе «посулов» и «взяток», разоряя просителей. Великие государи, узнав об этом, принимали разные меры против чиновничьего и воеводского произвола и насилия. Был, между прочим, устроен особый «приказ», в котором приближенные к государям бояре должны были рассматривать дела о служебных злоупотреблениях и о всяких обидах и насилиях «сильных» людей. Но так как эта мера не помогла, и в далеких областях воеводы, в надежде на безнаказанность, продолжали самоуправство и насилия, то решено было отозвать воевод, а жителям в городах предоставить по старому выбирать себе губных старост из дворян. Однако эта попытка восстановить самоуправление тоже не имела полного успеха. В городах было тогда мало годных к делу служилых дворян, так как все они обыкновенно бывали на государственной службе, в войске или в служебных посылках. Поэтому губных старост не из кого было выбирать, и горожане продолжали жаловаться на плохое управление. И в самой Москве продолжались злоупотребления дьяков: дела тянули в бесконечной «волоките», требовали взятки и решали дело в пользу того, кто больше дал. Таким образом, несмотря на большие старания, вывести административные неурядки Филарету не удалось.

Равномерность в распределении государственных повинностей также не была вполне достигнута при Филарете и Ми-

хаиле. Вместе с земским собором в 1619 году великие государи постановили произвести подную опись всех населенных земель государства в «дозорных книгах» и «писцовых книгах» и на основании этих книг определить точно, какие повинности может нести в пользу государства каждый землевладелец. Совершив эту опись, постановили следить за тем, чтобы все городские и сельские жители служили и платили каждый в свою меру, по справедливости. Однако злоупотреблений в этом отношении было много. Служилые люди часто уклонялись от службы, а тяглые от платежей и повинностей, жалуясь на то, что они разорены смутю и не в силах служить и платить. Желая помочь населению и в то же время поставить, как следует, свое войско и финансы, государи принимали ряд мер для устройства сословий.

§ 79. Положение сословий. Иноземцы в Московском государстве. Служилые люди жаловались на то, что их поместья находятся в беспорядке: владеют ими часто люди, неспособные к службе или не имеющие права на поместное владение; крестьяне не сидят на местах и не работают на помещика, а бродят с места на место и мало пашут. Правительство заботилось о том, чтобы привести в порядок дворянское землевладение. Оно разбирало дворян по «статьям»: выбрасывало вон из службы неспособных и сгоняло их с поместий; исправным увеличивало поместья и давало денежное жалованье; вдовам и сиротам умерших на службе дворян давало небольшие участки земли «на прожиток». В конце-концов, через 15—20 лет работы, дело увенчалось успехом, и поместное землевладение было более или менее устроено (1636). Отношения помещиков с крестьянами уладить было труднее, потому что ничем нельзя было заставить крестьян оставаться в разоренных поместьях и вотчинах. Они искали мест, где им было лучше, и шли в богатые имения бояр и монастырей, или же убегали в казаки на Дон. Был тогда дан указ, что землевладельцы могут искать своих крестьян в продолжение не пяти лет (как было установлено при Борисе Годунове), а десяти и даже пятнадцати. Но это мало помогало, и дворяне не переставали просить о бессрочном прикреплении крестьян к их землям безо всякого права перехода.

Податные люди в городах и областях, как мы знаем (§ 55), составляли податные общины, которые сами собирали через выборных земских старост свои подати. При царе Михаиле, когда подати по необходимости были тяжелы, много тяглых людей, в особенности в городах, уходило из тягла или старалось так или иначе уменьшить свою подать. Одним из спосо-

бов уйти из тягла было «закладничество». Тяглый человек «закладывался» за какого-либо «беломестца», то-есть вступал в зависимость от такого землевладельца (боярина, монастыря), который вовсе не платил податей со своих владений. Тяглец или продавал, или отдавал в залог свой двор боярскому или монастырскому приказчику и тем его «обелял», а затем и сам становился боярским или монастырским человеком, «закладчиком», и продолжал жить на своем дворе, но уже не считался членом общины и не платил со своим «миром» никаких государевых податей. Закладничество было страшным злом для тяглых общин, потому что отнимало у них земли и плательщиков. Чем больше уходило из общины людей, тем труднее было прочим тянуть тягло, и оставшиеся горько жаловались на свое разорение, прося государя прекратить закладничество. Но это было не легко, так как закладчики умели соблюдать законные формы и прибегали к разным тонким уловкам. Поэтому при царе Михаиле с закладчиками ничего поделаться не могли. Были и другие способы «избывать» тягла и если не совсем от него избавляться, то уменьшать его. Так как подать тогда собиралась с «паханой земли», то стоило лишь уменьшить свою запашку, чтобы платить государству меньше. К сокращению запашки располагали и смуты: как враги внешние, так и свои казаки постоянно топтали посевы, жгли и грабили запасы. Крестьяне поэтому стремились пахать возможно меньше и искали обеспечения в других промыслах. Правительство терпело от этого прямой убыток, потому что не получало такого дохода, на какой рассчитывало по старине. Чтобы выйти из затруднения и увеличить свои сборы, оно стало назначать подати не с земли, а с двора. Каждый крестьянский двор должен был уплачивать известную сумму, независимо от того, какая у него запашка. Дворы же бобыльские, непашенные, платили обыкновенно половину того оклада, какой назначался на двор крестьянский. Так постепенно совершалась важная реформа: место *поземельной* подати заступала *подворная*.

Нуждаясь постоянно в средствах и не собирая достаточно денег с населения, еще не оправившегося от бедствий смутного времени, московское правительство думало получить большие выгоды для себя и для народа от торговли с иностранцами в Архангельске. Чтобы привлечь иностранцев, особенно же англичан, в Белое море, царь Михаил дал им большие льготы (1614): англичане совсем беспоплибно, а голландцы с малою пошлиною могли торговать не только в самом Архангельске, но и в прочих городах Московского государства.

Торговля от этого действительно оживилась; в государстве появилось много иностранной серебряной монеты (именно средневропейских талеров, которые назывались «ефимками» и ходили по полтине). Но все выгоды от этой торговли оказались на стороне иностранцев: они забрали в свои руки внутреннюю московскую торговлю и так затеснили русских купцов, что те не переставали горько жаловаться и просить о том, чтобы иностранцев удалили из государства. Однако государь не мог удовлетворить таких просьб. Необходимость заставляла его постоянно прибегать к иноземцам. Вместе с европейскими купцами в Москву приглашались с Запада всякие знающие люди. Иностранцы обучали московских людей военному строю и устраивали в Москве регулярное войско, целые полки «солдат», «драгун» и «рейтар»: войны смутного времени показали необходимость такого войска. Иностранцы пытались искать в разных частях Московского государства золото и серебро, медь и железо. Они устраивали даже заводы для обработки найденных железных руд; таковы заводы, оружейные и литейные, Виниуса и Марселиса в Туле. Иностранцы лечили царскую семью и московскую знать и завели в Москве первую казенную аптеку. Иностранцы мастера всякого дела призывались в Москву ко двору на хорошее жалованье; от имени государя в Москву приглашали даже ученого астронома и географа голштинца Олеария, говоря, что в Москве и «такие люди надобны». Словом, после тяжелых уроков смутной эпохи москвичи поняли необходимость практических заимствований с запада и невыгоды прежней обособленности и отчуждения от иноземной культуры. В конце царствования Михаила в Москве, в подмосковной немецкой слободе, жило уже до 1.000 протестантских семейств из разных европейских стран (с католиками москвичи боялись иметь дело из-за острой религиозной розни). При таких условиях для царя Михаила было трудно решиться отнять торговые привилегии у англичан и голландцев.

§ 80. **Война с Речью Посполитою и вопрос об Азове.** После многих лет мирной работы над восстановлением порядка в государстве, московские государи решились возобновить войну с Речью Посполитою за Смоленск. Поводом послужила смерть короля Сигизмунда (1632) и наступившее в Польше «безкоролевье»: до избрания нового короля поляки и литовцы не могли воевать. Московское войско, состоявшее из новых полков иноземного строя и из старых дворянских ополчений, численностью всего в 32.000 человек, пошло к Смоленску, взяло много мелких городов на границе и осадило Смоленск. Так как Смоленск

был чрезвычайно сильною крепостью, то осада затянулась надолго, несмотря даже на то, что во главе московских войск стоял тот самый боярин Шеин, который в смутное время был воеводою в Смоленске, геройски защищал его от короля Сигизмунда и знал хорошо как город, так и его окрестности. Через восемь месяцев осады на помощь Смоленску успел явиться вновь избранный король польский Владислав Сигизмундович. Он не только отбил русских от крепости, но и окружил их самих в их лагере. Утомленные долгою войною, московские войска не могли выдержать натиска свежих войск Владислава, и Шеин вступил в переговоры с королем. Он согласился отдать полякам все свои пушки и обоз и уйти в Москву (1634). За это бесславное отступление он был в Москве казнен, как изменник, вместе с своим товарищем, вторым воеводою Измайловым. Война продолжалась, но без всякого нового успеха для Владислава. Поэтому летом 1634 года он начал переговоры о мире. На пограничной речке Поляновке съехались московские и польские послы и заключили «вечный мир». Смоленск и прочие города, захваченные Сигизмундом в смуту, остались за Речью Посполитою. Но Владислав отказался от всяких прав на Московский престол и признал Михаила Федоровича царем. Вскоре затем поляки возвратили в Москву тело умершего в Польше царя Василия Ивановича Шуйского и тело его брата Дмитрия.

Только-что окончилась война с Владиславом, как стала грозить война с Турцией и татарами. Крымские татары не переставали тревожить южные границы Московского государства, а донские казаки, при первом удобном случае, выходили по Дону в Азовское и Черное море и грабили турецкие и татарские поселения по берегам. Московский государь по этому поводу сносился с крымским ханом и турецким султаном; обе стороны жаловались на грабежи, но унять их не могли. Для того, чтобы не пускать татар внутрь государства, московские власти на украине и на диком поле продолжали строить города и укреплять границы, как делалось это до смуты при Грозном (§ 61). А турки, имевшие в устьях Дона свой город Азов, настроили около него укреплений и совсем закрыли казачьим ладьям выход в море из Дона. От Азова стало казакам тесно. Они собрались с силами и пошли на Азов войною (1637). После короткой осады город был взят и население в нем вырезано. Казаки засели во взятой крепости и послали в Москву известие о своем подвиге. Однако царь Михаил посмотрел на это дело, как на опасное самовольство казаков, которое могло навлечь на Москву вражду сильного

султана, и потому не поддерживал казаков. В 1641 году большое турецкое войско явилось отбирать Азов у казацкого гарнизона; но казаки держались с отчаянным мужеством и отстояли Азов. Турки ушли с большими потерями; а казаки, понимая, что им одним не удержаться в Азове, если турки возобновят свои нападения, отправили в Москву послов с просьбою о помощи. Они молили государя принять Азов под его высокую руку и прислать им людей, денег и запасов. Дело было сложное. В Москве желали взять Азов: это был важный военный и торговый пункт. Но взять Азов значило навлечь на себя войну с турками, врагом сильным и опасным. Царь прибег к земскому собору. В январе 1642 года собрался земский собор и согласно высказался за то, что Азов надо бы было принять. Но в то же время все земские люди и служилые и тяглые, объясняли государю, что им очень трудно служить и платить, так как они разорены тяжелыми повинностями и угнетены дурною администрациею. Они очень жаловались на московских чиновников, дьяков, говоря, что они для земских людей хуже турок и татар: «разорены мы пуще турецких и крымских бусурман московскою волокитою и от неправд и от неправедных судов». Узнав настроение собора, государь отказался от мысли взять Азов, считая дело слишком трудным и рискованным. Он приказал казакам покинуть Азов. Те вышли из города, разорив его до основания, и Азов снова стал турецким. Так окончилось Азовское дело.

В царствование Михаила Федоровича развивались сношения московского правительства с западно-европейскими дворами. Торговые льготы, данные англичанам, служили поводом к установлению дружественных сношений с Английским правительством. Король Иаков Стюарт прислал царю взаймы 20.000 рублей и помогал ему в заключении мира со Швецией, послав своего посредника (купца Джона Мерики). Такое же посредничество между Москвою и Польшею принял на себя Австрийский двор, от которого был прислан посол для того, чтобы наладить мирные переговоры (1615). Завязались сношения с Францией, которая также искала себе торговых льгот в России. Наконец, с Даниею началось дело о женитьбе Датского королевича Вальдемара (сына короля Христиана IV) на старшей дочери царя Михаила, Ирине. Сватовство совсем, казалось, удалось, и Вальдемар даже приехал в Москву; но дело расстроилось по той причине, что Вальдемару предложили принять православие, а на это он не согласился.

§ 81. **Начало царствования и волнения 1648 года.** Летом 1645 года скончались, друг за другом, царь Михаил Федорович и его жена Евдокия Лукьяновна (из рода дворян Стрешневых), оставив единственного сына Алексея. Новому государю было всего 16 лет. Царь Алексей отличался необыкновенно впечатлительным и подвижным характером, обладал недюжинным умом и душевною мягкостью и добротою. По крайней молодости своей он мало вникал в дела и вверил управление ими своему воспитателю боярину Борису Ивановичу Морозову. Морозов же был человеком своекорыстным и принадлежал к числу тех самоуправцев, «сильных людей», на которых так горько жаловались земские люди при царе Михаиле. Вокруг Морозова, когда он начал править государством, собрался круг чиновников, еще более корыстных и самоуправных, чем он сам. Они стали угнетать Московское население, не только вымогая с него взятки, но умышленно взводя ложные обвинения на невинных людей и разоряя их до гла. Злоупотребления стали еще сильнее и наглее после женитьбы царя Алексея (1648). Царь выбрал себе в жены дочь придворного И. Д. Милославского Марию Ильиничну. Тотчас после царской свадьбы боярин Морозов женился на другой дочери Милославского, и, таким образом, Милославский получил большой почет и влияние. Сам человек грубый и жадный, он оказывал покровительство своим родственникам и приятелям, таким же грубым и жадным. Заняв места в Московских приказах, они дали себе полную волю и окончательно озлобили народ. С величайшею ненавистью относились москвичи к самому Морозову, а также к судье Земского приказа (московского градоначальства) Леонтию Плещееву, главному лихоимцу, и к другим подобным ему приказным чиновникам. Наконец, народное терпение лопнуло, и в Москве, в июне 1648 года, произошел большой бунт. Толпа окружила государя во время крестного хода, жаловалась ему и требовала казни Морозова и прочих самоуправцев. Царь спас своего любимца, отправив Морозова с конвоем в Кириллов монастырь. Но Плещеев и другие ненавистные народу чиновники попали в руки толпы и были убиты, а их дома разграблены. Несколько дней Москва была в мятеже: убивали, жгли и грабили всех, кого считали виновником народных обид. Московские волнения отразились и в других городах; по выражению современников, тогда «весь мир калчался».

Молодой государь, живший спокойно и радостно в уве-

ренности, что в его царстве все идет хорошо, был поражен происшедшим. Он узнал, что Морозов обманул его доверие, и потому, не лишая его своей близости, уже не пускал к делам. Влияние перешло к другому любимцу царя, боярину князю Никите Ивановичу Одоевскому, человеку большого ума и способностей. Царь узнал, кроме того, что народ недоволен не только чиновниками, но и порядками, что о своих нуждах народ давно уже высказывался на земских соборах и в челобитных и что надо не только переменить чиновников, но изменить и порядки.

§ 82. **Соборное Уложение 1649 года и его значение.** В июле 1648 года царь созвал у себя свою боярскую думу и совет патриарха («освященный собор») и совещался с ними о том, что надо сделать, чтобы водворить порядок и правосудие в государстве, чтобы «всяких чинов людям, от большего и до меньшего чину, суд и расправа была во всяких делах всем ровна». И было решено поручить боярину князю Н. И. Одоевскому с четырьмя помощниками собрать все старые законы, то-есть Судебник 1550 года, дополнительные к нему указы (которых накопилось много за сто почти лет) и статьи из Кормчей книги (§ 12). Все эти законы надлежало привести в порядок и систему, исправить и дополнить их и, таким образом, составить из них новый полный свод. Предполагалось, что, когда кн. Одоевский окончит собирание старых законов, в Москве соберется земский собор и «общим советом» обсудит его труд, дополнит и утвердит его. Земскому собору велено было собраться в Москве к 1-му сентября 1648 года.

Таким образом, молодой государь хотел утвердить правосудие и лучшие порядки, дав народу новый свод законов. Эта мысль была очень разумною и правильною. Народ тогда не знал тех законов, по которым должен был жить и судиться; это-то, главным образом, и помогало беззаконию дьяков и воевод. Старый Судебник не был напечатан; его можно было только списывать, и поэтому мало кто его знал. Еще меньше знали Кормчую, которая была так велика, что ее было трудно переписать. Что же касается до дополнительных к Судебнику указов, то их никто не знал, кроме чиновников, потому что указы обыкновенно народу не объявлялись, а только записывались в «указные книги» Московских приказов. В таких условиях дьяки и судьи вертели делами, как хотели, одни законы утаивали, а другие толковали вкривь; проверить же их никто не имел возможности. К такому порядку и относилась старая едкая поговорка: «закон, что дышло: куда повернешь, туда и вышло». Привести в порядок старые законы, сделать из них

один свод и напечатать его в общее сведение было делом очень нужным. А кроме того, необходимо было и пересмотреть законы по их содержанию, улучшить их и дополнить, чтобы они лучше соответствовали нуждам и желаниям населения. Все это и решено было сделать «общим советом» на «земском соборе».

Собор начал действовать около 1-го сентября 1648 года. На нем были выборные представители от 130 городов как служилые люди, так и тяглые горожане. Они заседали в одной из палат дворца, отдельно от боярской думы и духовенства. Слушая доклады князя Одоевского, собиравшего старые законы и указы по разным отраслям управления (сословное устройство, землевладение, суд и т. д.), выборные люди обсуждали их и входили к государю по поводу их с челобитьями. В этих челобитьях они всем собором просили государя об установлении новых законов в отмену устаревших или неудобных. Государь обыкновенно соглашался, и новый закон, таким образом, утверждался и вносился в собрание князя Одоевского. Важнейшие из новых законоположений были следующие: 1) Духовенство было лишено права впредь приобретать себе земли (§ 56) и потеряло некоторые судебные льготы. 2) Бояре и духовенство потеряли право селить около городов, в «слободках», своих крестьян и холопов и принимать к себе «закладчиков» (§ 79). 3) Посадские общины получили право возвратить всех ушедших от них «закладчиков» и удалять из посадов всех, не принадлежащих к общинам людей. 4) Дворяне получили право искать своих беглых крестьян без «урочных лет». Наконец, 5) купцы добились того, что иноземцам было запрещено торговать внутри Московского государства, где бы то ни было, кроме Архангельска. Рассматривая все эти новые постановления, замечаем, что они все сделаны в пользу служилых людей (дворян) и посадских людей (горожан). Служилые люди закрепили за собою земли (которые доселе уходили от них к духовенству) и крестьян (которые все еще переходили с места на место). Посадские люди уничтожили закладничество и замкнули посады от посторонних людей, которые отбивали у них торг и промыслы и уводили закладчиков. Поэтому дворяне и горожане были очень довольны новыми законами и говорили, что «нынеча государь милостив, сильных из царства выводит». Зато духовенство и бояре не могли хвалить новых порядков, которые лишали их разных льгот; они думали, что эти порядки допущены «боязни ради и междоусобия от всех черных людей, а не истинныя правды ради». Недовольна была и чернь: закладчики, возвращенные в податное состояние, крестьяне, лишенные возможности выхода. Они

волновались и были склонны уходить на Дон. Таким образом, новые законы, установленные в пользу средних классов населения, раздражали высшие классы и простонародье.

Законодательные работы были окончены уже в 1649 году, и новый свод законов, названный «Соборным уложением» (или просто «Уложением»), был напечатан по тому времени в громадном количестве экземпляров (2.000) и распространен по всему государству.

§ 83. Медные деньги и их последствия. Царь Алексей своим знаменитым Уложением надеялся успокоить народ, но судьба послала ему новые испытания. Всего через год после составления Уложения, в 1650 году, разразился сильный мятеж во Пскове и Новгороде. Он был вызван тем, что, вследствие некоторых условий Столбовского мира (1617), московские власти посылали в Шведские владения через Новгород и Псков деньги и хлеб. Хотя в этом не было ничего позорного, псковичи и новгородцы возмущались, обвиняли бояр и воевод в измене и, наконец, перешли к открытому насилию над своими властями и над иностранцами, которые были причастны к вывозу зерна и денег. Особенно пострадал в Новгороде митрополит Новгородский Никон, проявивший большое мужество в борьбе с мятежем. Так как местные воеводы не имели сил восстановить порядок, то к Новгороду и Пскову были двинуты войска. Новгородцы скоро опомнились и повинились, а псковичи заперлись в городе и несколько месяцев сопротивлялись. Царь не хотел кровопролития и передал дело земскому собору. Собор постановил послать во Псков особое посольство, которое именем государя и всей земли должно было уговорить псковичей возвратиться к повинению и порядку. Псковичи послушались, принесли повинную и выдали зачинщиков.

Прошло лет пять, и настали новые беды. Начав войну с Речью Посполитою, царь Алексей отправился с войсками в Литву, а в это время во всем Московском государстве (1654—1655) развилась срашная эпидемия чумы или «моровой язвы». Болезнь опустошала страну и совершенно расстроила общественный порядок. Опустели города, остановилась торговля, прекратились военные действия. Чрезвычайные расходы на войну с трудом покрывались и в обычное время; чума же окончательно подорвала средства правительства. В ужасных условиях эпидемии нельзя было собрать денег для содержания войска. Приток иностранного серебра (§ 79) уменьшился как вследствие общего упадка торговли, так и потому, что торговых иноземцев перестали пускать далее Архангельска (§ 82). Не зная откуда достать денег, московское правительство при-

думало такую меру: прежде оно из привозного серебра чеканило мелкую серебряную монету — «копейки» и «деньги» (в рубле было 100 копеек и 200 денег). Теперь оно решилось эту мелкую монету делать из меди (которая была раз в 20 дешевле серебра), но выпускать ее по цене серебряной. Иначе говоря, оно устроило из меди такие же условные денежные знаки, какими теперь служат бумажные деньги, «кредитные билеты». С 1656 года медные деньги появились в большом количестве и имели успех, потому что народ принял их доверчиво. Но прошло года два, и начались затруднения с новой монетою. Пошли слухи, что мошенники стали подделывать в большом количестве «воровские деньги», и что чиновники на монетном дворе стали сами себе и своим приятелям чеканить монету из собственной меди. Хуже, чем подобные слухи, действовало то, что само правительство неумеренно выпускало медные деньги и наводняло ими рынок. Ценность медной монеты стала падать: за 100 серебряных денег стали давать и 130, и 150, и 200 медных. При счете на медные деньги товары начали сильно подниматься в цене. Тогда само правительство испугалось и установило правило, по которому всякий платеж в казну надлежало делать серебряною монетою: из казны же попрежнему выдавали в народ только медь. Как только установился такой порядок, новые деньги совсем упали: за 100 серебряных требовали тысячу и полторы тысячи медных. Началась чрезвычайная дороговизна, а с нею и голод для бедных людей. «В конец погибаем и помираем голодною смертию», говорил народ: «на медные деньги не продают, а серебряных негде взять». Доведенная до отчаяния, московская беднота в 1662 году подняла бунт и, придя толпою к государю, который тогда был в селе Коломенском, требовала выдачи бояр, виновных, по ее мнению, в общем бедствии. Царь Алексей успокоил народ обещанием разобрать дело. Но вскоре к нему явилась новая толпа, еще более возбужденная и мятежная. Когда уговоры не подействовали, было пущено в ход оружие. Мятежников было много убито и казнено, много утонуло в Москве-реке во время бегства. Однако стало ясно, что нельзя оставить дело в таком положении. «Без серебряных денег все ожидают себе от медных денег конечные нищеты», говорили государю созванные им представители торговых и ремесленных людей, «будет те деньги продляться, и нам от них в конец погибнуть». В 1663 году медные деньги были отменены и даже запрещены. Вместо них казна пустила в обращение свой серебряный запас.

§ 84. Движение Разина. Ряд потрясений и волнений, пережитых народом в течение пятнадцати лет, имел своим послед-

ствием усиленное бегство на Дон. Закладчики, не желавшие идти в тягло; крестьяне, скрывавшиеся от прикрепления; «гилевщики», то-есть участники «гилей», бунтов, — все это уходило из государства, где стало трудно и голодно жить, в казачьи городки на Дону, с надеждою стать там свободными казаками. Но старые донские казаки, жившие на Дону оседло, «домовито», не принимали всех беглецов в свой «круг» и не считали их равными себе казаками. Полноправные казаки участвовали всем «кругом» в выборе своей «старшины», в решении войсковых дел и в дележе «государева жалованья» — тех «запасов» зерна, сукон, пороха и свинца, которые присылались на Дон из Москвы (§ 75). Новоприбылые люди не допускались в «круг», жалованья не получали и носили на Дону, в отличие от домовитых казаков, прозвище «голытьбы», «голутвенных» казаков, то-есть голи. Положение такой голи было тяжело. Пахать землю казаки на Дону запрещали, боясь, что земледелец превратит казаков в крестьян и поведет к закрепощению их Москвою. Поэтому хлеба на Дону было мало; его надо было покупать на деньги, которых у голытьбы не было. Лучшие места для промыслов (охотничьих и рыболовных) были заняты домовитыми казаками, и потому голытьбе приходилось работать батраками на казачьих промыслах. Вместо воли и довольства беглецы на Дону встречали голод и зависимость. Немудрено, что голытьба волновалась и рвалась к грабежу.

В прежние годы, когда Дон еще не был заперт Азовым, можно было легко проскочить на море и там, плавая на лодках (стругах) вдоль берегов, грабить татар и турок. Теперь из Дона выхода на море не было, и потому взгляды голытьбы устремились на Волгу. Когда среди голутвенных появился смелый и решительный вожак Степан (Стенька) Разин, голытьба легко собралась в большую шайку и ринулась на низовья Волги. С разбоем плыли Стенькины казаки в Каспийское море и, достигнув его, отправились на р. Яик (нынешний Урал), где и зимовали, торгуя там и дружа с калмыками. На следующий год (1668) казаки с Разиным отправились грабить персидские владения на берегах Каспийского моря (от Дербента до Решта). Казачье разбойничье войско достигало уже 2.000 человек; оно произвело у персиян большие опустошения, брало города и корабли, добыло себе огромную добычу и зазимовало, укрепясь на островке, вблизи персидских берегов. Весною (1669) война с персиянами возобновилась, но казаки уже думали о возвращении на Дон и потому сами оставили Персидские области и поплыли к Астрахани, где и вступили в переговоры с царскими воеводами. Боясь казаков,

воеводы отнеслись к ним мягко и пропустили их домой мимо Астрахани, отобрав лишь часть взятых ими пушек и ненужные им морские суда. Стенька явился на Дон с большою славою; его шайка привезла с собою огромную добычу и хвалилась своими подвигами. На Дону началось сильное брожение. Кругом Разина собрались толпы разной голи, всего тысяч до трех и стали готовиться к новому походу. На этот раз целью похода было не море, а Волга. Стенька задумал прямой бунт против Москвы и рассчитывал на то, что его казаки встретят сочувствие во всей черни, раздраженной тяжелыми условиями жизни за последние годы.

Весною 1670 года Стенька отправился на Волгу и открыл военные действия против царских воевод. Оказалось, что чернь и даже стрельцы действительно сочувствовали смелому атаману и легко переходили на его сторону. Разин взял города Царицын, Астрахань, Саратов, Самару. Казаки старшно мучили и убивали воевод, дворян и вообще людей высших классов; грабили их дома и лавки; не щадили и церквей. Чернь городская помогала казакам и везде возмущалась против «лучших людей». Из городов бунт распространялся по селам; подымались крестьяне на своих помещиков; инородцы восставали (мордва, татары, черемисы) на русскую власть и русских землевладельцев. Бунт становился из казачьего земским и распространялся на громадное пространство среднего и нижнего Поволжья. Восставшие шли не против государя; они представляли себя верными царю и высшей власти. Стенька даже распускал слух, что у него в стане находятся московские царевич и патриарх. Недовольство мятежников направлялось против тех мер, которые усиливали крепостную зависимость рабочего люда и отягчали тягло податных людей. Считая виновниками этого бояр, землевладельцев и богатых купцов, бунтовщики шли против них, избивали их и грабили и везде водворяли казацкое устройство, освобождая простой люд от податей и частной зависимости.

Так Стенька Разин дошел до Симбирска. Здесь его встретили войска князя Юрия Барятинского, состоявшие из новых солдатских полков иноземного строя. Стенька был разбит и бежал. На Волге он нигде не мог укрепиться и добежал до самого Дона. Там его схватили домовитые казаки и отправили в Москву, где он и был казнен (1671). Войско же его расстроилось и разделилось на многие шайки, которые продолжали разбойничать в Поволжье еще не один год. Понадобилось много усилий для того, чтобы рассеять бунтовщиков, отобрать у них занятые ими крепости и успокоить возмущившийся край.

§ 85. **Патриарх Никон.** Итак, внутренняя жизнь государства при царе Алексее Михайловиче сопровождалась многими потрясениями. Точно так же и в церковном быту того времени происходили важные и тревожные события, связанные с деятельностью патриарха Никона. По смерти Филарета Никитича (1633) патриарший престол в Москве занимали лица небольших дарований и малодеятельные (Иоасаф и Иосиф). Значение их в государственной жизни было невелико. С поставлением же в патриархи Новгородского митрополита Никона (1652) патриаршество в Москве достигло снова такого же блеска и силы, как при Филарете. Произошло это по той причине, что патриарх Никон пользовался неограниченным доверием и любовью царя и сам по себе был замечательным человеком.

Происходил Никон из крестьян Нижегородского уезда. В детстве видел он много горя от своей мачехи и ушел из семьи в Макарьев-Желтоводский монастырь на Волге. В то время Макарьев монастырь процветал и имел большую библиотеку. От природы очень способный, Никон в монастыре успел приобрести много знаний и любовь к книжному чтению; но он там не принял монашеского сана, так как отец вызвал его из монастыря обратно домой. По смерти отца Никон женился и стал сельским священником у себя на родине. Высокий, красивый, звучно читавший, прекрасно говоривший, молодой священник получил такую славу, что был приглашен переехать в Москву. В Москве он служил около десяти лет, а затем, когда умерли все его дети, он убедил жену постричься в монахини и сам ушел на Белое море, на Соловецкие острова. Там он постригся, получив монашеское имя Никона взамен мирского имени Никиты. Впоследствии Никон стал игуменом Кожезерской пустыни (близ р. Онеги). По делам своей пустыни пришлось ему быть в Москве и лично явиться к царю Алексею. Царь был поражен величественною наружностью сурового монаха и его сильною речью и настоял на том, чтобы Никон перешел с Кожезера в Москву. В Москве Никона поставили архимандритом в Новоспасский монастырь, принадлежавший роду Романовых, и он еженедельно являлся к царю Алексею во дворец для доклада о монастырских делах и для душевспасительной беседы. В это то время и укрепилось влияние властолюбивого и энергичного монаха на юного и впечатлительного государя. Царь души не чаял в Никоне и при первой же возможности настоял на посвящении его в архиереи. Никон был назначен митрополитом в Великий Новгород, где проявил большие административные способности и выказал необыкновенное мужество при усмирении мятежа. Всего три года был

Никон митрополитом: после кончины патриарха Иосифа царь пожелал избрания в патриархи своего любимца, и в 1652 году Никон, вызванный в Москву, был избран на патриаршество.

Однако, когда царь объявил Никону в Успенском соборе об избрании его на патриарший престол, Никон решительно отказался от патриаршества. Его долго упрасивали, и он дал свое согласие лишь тогда, когда царь и все бывшие в соборе, плача, обещали ему «послушати его во всем, яко начальника и пастыря и отца краснейшего». Это обещание Никон разумел в том смысле, что ему даются особые полномочия и высшая власть. Царь Алексей своим отношением к Никону поддерживал в нем такую мысль. Он почтил Никона титулом «великого государя», которым в свое время пользовался, как царский родитель, патриарх Филарет. Уезжая на войну с Речью Посполитою (1654), царь поручил Никону все управление государством и попечение над царскою семьею. В руках Никона сосредоточились не только церковные, но и государственные дела. Без него ничего не предпринималось и не решалось во дворце. Никон стал как бы соправителем царя; он сам называл свое правление «державою» и свою власть открыто равнял с государевою. Так понимал Никон свое патриаршество.

§ 86. Удаление и низложение патриарха Никона. По характеру своему Никон пользовался своим влиянием и властью очень решительно и круто. По словам современников, он начал «стоять высоко и ездить широко». Он любил проявлять свою мощь, требовал почтения и повиновения ото всех, скоро и жестоко наказывал ослушников. «Какая тебе честь, владыко святой, что всякому ты страшен?» — говорил Никону один из его прежних друзей, «государевы царевы власти уже не слышать, от тебя всем страх и твои посланники пуще царских всем страшны!» Хотя Никон деятельно управлял церковными делами и устроил для церкви и духовенства много полезного, однако духовенство не любило его за его властолюбие и крутой нрав. Не любили его и придворные. Они должны были поневоле терпеть его вмешательство в государственные дела и его высокомерное отношение к боярам; но они хорошо понимали, что Никон пользуется таким значением не по праву, а только по государевой любви и милости. Естественно было среди придворных желание отнять у патриарха эту милость, а вместе с тем уничтожить его влияние и силу. Поэтому против Никона легко возникали интриги; против него была настроена даже царская семья.

Понемногу и сам царь начал освобождаться от слепого подчинения Никону. Этому много содействовали путешествия

молодого царя в Литву и Ливонию на театр войны. Во время походов он увидал много нового как на Руси, так и за границей. Он возмужал, развился и приобрел некоторую самостоятельность ума и характера. Выйдя из под влияния привычной московской обстановки, он сознательнее стал относиться к московским делам и людям; ему стало не нравиться открытое величание Никона. Правда, царь Алексей не изменил сразу дружественного обращения с патриархом; однако между ними стали происходить короткие размолвки и царь не раз сердился на патриарха за его самовольство. С течением времени эти размолвки становились чаще и сильнее. Наконец, в 1658 году последовал окончательный разрыв дружеских отношений. Никона перестали призывать во дворец на придворные торжества и церемонии. Однажды во время такой церемонии у дворца побили палкою посланного Никонем во дворец патриаршего чиновника... Виновный в этом (окольничий Хитрово) остался без наказания; мало того, на жалобы Никона по поводу этого дела царь прислал ему сказать, что сам он гневен на патриарха за то, что тот держит себя самовластно и именуется «великим государем». Получив такое извещение от царя, не желавшего лично видеться с патриархом, Никон решил оставить патриаршество на Москве. Отслужив последний раз литургию в Успенском соборе (10 июля 1658 г.), он снял с себя патриаршее облачение и, несмотря на просьбы бывшего в церкви народа, уехал из Москвы в «Новый Иерусалим», иначе Воскресенский монастырь, который он сам себе устроил (в 40 верстах от Москвы) на личные средства.

С отъездом Никона наступила смута в русской церкви. Вместо ушедшего с своего престола патриарха надобно было избрать нового. Но поведение Никона не допускало до этого: хотя он сам торопил с избранием патриарха, однако о себе самом давал понять, что, оставив московскую кафедру, он не снял с себя патриаршего сана. Выходило так, что Никон оставался патриархом, только не в Москве. Понятно, что, имея уже одного патриарха, русская церковь не могла избирать другого. Это можно было сделать, только сняв с Никона патриаршество. Об этом и поднят был вопрос на соборе русского духовенства в 1660 году. Большинство собора было против Никона и постановило лишить его сана; но меньшинство (в том числе знаменитый ученый монах Епифаний Славенецкий) доказывало, что поместный собор не имеет такой власти над патриархом. Царь Алексей согласился с доводами меньшинства, и Никон сохранил сан. Но это так запутало дело, что оно могло быть разрешено только междуцерковным советом.

В особенности хлопотал о том, чтобы завязать сношения по делу Никона с греческими патриархами, бывший тогда в Москве ученый грек Паисий Лигарид (митрополит Газский). Сношения эти были начаты и велись несколько лет. Они привели к тому, что восточные патриархи изъявили свое согласие на устройство в Москве собора греческих и русских иерархов. Два патриарха лично приехали в Москву (Александрийский и Антиохийский), а два другие (Цареградский и Иерусалимский) прислали свои грамоты и представителей. В конце 1666 года состоялся в Москве «великий собор» для суда над Никоном; на нем присутствовало до 30 архиереев, русских и греческих, от всех главных церквей православного востока.

В ожидании соборного суда над собою Никон держал себя очень беспокойно и этим раздражал государя. Он вздумал было самовольно приехать из своего монастыря в Москву и снова занять патриарший престол; но его тотчас же отправили назад в монастырь, не позволив и дня остаться в Москве. Он пытался далее сам вступить в сношения с патриархами и писал им послания, в которых, не стесняясь, жаловался на бояр и на самого царя, обличал в ереси Паисия Лигарида и бранил московские порядки, установленные Уложением. Послания Никона были перехвачены и на соборе послужили тяжкою уликою против него же. Собор сначала ознакомился с делом в отсутствие Никона. Затем позвали самого Никона, чтобы выслушать его объяснения и оправдания. Никон держал себя гордо и неуступчиво, вступал в споры с обвинителями и с самим царем, который в слезах и волнении жаловался собору на многолетние провинности патриарха. Собор единогласно осудил Никона и лишил его патриаршего сана и священства. Обращенный в простого инока, Никон был сослан в Ферапонтов монастырь близ Белоозера. Почти пятнадцать лет провел он в заточении и только в 1681 году был отпущен в свой Воскресенский монастырь. Но по дороге туда, на Волге, около Ярославля, 76-тилетний Никон скончался под стенами Спасского монастыря на том струге (большой лодке), на котором его везли.

Никон действовал властолюбиво и высокомерно не только по своей энергичной и властной натуре, но и по своим взглядам на значение церковной власти. «Священство выше царства», говорил он: «священство от Бога, помазание же на царство от священства»; «Господь Бог, когда сотворил землю, повелел двум светилам светить ей, солнцу и месяцу, и чрез них показал нам власть архиерейскую и царскую, солнцем — власть архиерейскую, месяцем — царскую»; в вещах мирских «царь

и архиерей не выше один другого»; «в вещах же духовных архиерей великий выше царя». Говоря так, Никон не мог смотреть на себя иначе, как на «великого государя», и не мог одобрять Уложения, которое ограничивало права духовенства и подчиняло духовенство в некоторых случаях «мирскому» светскому суду. Но притязания Никона не имели почвы в русском быту, так как на Руси духовенство никогда не ставило себя выше князей и царей и не искало мирской власти и прямого влияния на государственные дела. Поэтому Никон не нашел себе сочувствия не только в светском обществе, но даже и в духовенстве. Его стремление к особому возвышению патриаршеского авторитета приписывали его личной гордости и заносчивости, и собор согласно осудил Никона. Но когда греческие патриархи, составив по-гречески приговор над Никоном, поместили в его тексте утверждение о том, что патриарх должен быть во всем «послушлив» царю, то русские архиереи стали против такой мысли, как раньше стояли против притязаний Никона. Они находили, что истинный порядок должен быть таков, чтобы царь имел преимущество в государственных делах, а патриарх — в церковных. На этом, после споров, и решил собор. Однако мнение греческих иерархов о неправоте Никона и об общем превосходстве царской власти над патриаршеской было усвоено московскими государями; оно навсегда лишило церковную власть на Руси возможности в чем бы то ни было равнять себя с властью царской и подготовило в будущем полное подчинение церкви государству.

§ 87. Исправление богослужебных книг до Никона. Не менее важным делом в церковной жизни в патриаршество Никона было исправление богослужебных книг и церковный раскол.

До появления в Москве книгопечатания при Иване Грозном, церковные книги на Руси переписывались от руки. Писцы работали без должного надзора, допускали много описок и ошибок и, окончив работу, не проверяли своих рукописей. Поэтому в писанных книгах с течением времени накопилось очень много бессмыслиц и неверностей. Стоглавый собор 1551 года, сознавая неудобство и соблазн такого положения дела, требовал, чтобы духовенство принимало меры к исправлению плохих книг и «правило» их само, сличая с хорошими рукописями. В то же время (1553) в Москве решили учредить «печатный двор» для изготовления печатных книг, в которых можно было иметь однообразный, проверенный и исправленный текст. Московский «первопечатник» дьякон Иван Федоров устроил типографию в Москве и с 1563 года начал печатать

в ней церковные книги. Однако дело не пошло: из-за каких-то неудовольствий Иван Федоров переселился из Москвы в Литву, и типография заглохла. Она была восстановлена после смуты, когда во всем государстве, вследствие разорения, грабежей и пожаров, стала большая нужда в церковных книгах. В первые же годы царствования Михаила Федоровича в Москве начали печатать церковные книги под руководством известного нам Троицкого архимандрита преп. Дионисия и некоторых других монахов Троице-Сергиева монастыря. Однако и на этот раз начались неудовольствия. Лица, наблюдавшие за печатанием, так называемые «справщики», ссорились между собою; Дионисий был ими обвинен в ереси и заточен в монастырь, где пробыл до тех пор, пока не был оправдан и освобожден патриархом Филаретом.

Дело в том, что исправлять церковные книги было очень нелегко. Они в течение веков не один раз переводились с греческого языка, и потому молитвы в них читались не всегда одинаково. (Например, в одних рукописях читалось: «Христос воскрес из мертвых, смертью смертью поправ», а в других: «Христос воскрес из мертвых, смертью на смерть наступи...») Надобно было знать, откуда появилась разница в чтении и какое чтение правильнее и лучше; а для этого надобно было знать не только славянские переводы, но и греческий язык, с которого переводили. С другой стороны, в богослужебных книгах были записаны и узаконены такие обычаи и обряды, которые разнились от обычаев и обрядов греческих. На Руси крестились, например, двумя перстами, а на греческом Востоке — тремя; в русских богослужебных книгах говорилось в одних о двуперстном крестном знамении, а в других — о троеперстном. В символе веры читалось лишнее слово: «и в Духа Святого Господа *истинного и животворящего*». Все эти и другие, подобные им, особенности возникли и утвердились в русской церкви исподволь и получили для русских людей значение святой старины. Раньше, чем исправить или переменить их согласно с греческими, надобно было исследовать дело и доказать, что греческие обряды и обычаи правильнее русских. Разумеется, это было очень затруднительно. В Москве мало знали греческий язык и греческую науку, а самих греков привыкли подозревать в том, что они утратили чистоту веры благодаря Флорентийской унии и турецкому игу. Поэтому нельзя было заставить московских людей легко поверить в превосходство греческого церковного обряда. Напротив, вера в то, что Москва есть «новый Израиль» и глава всего «православия» (§ 53) заставляла московских патриархов держаться

крепко за старые русские обычаи и обряды и говорить, что своею старою верою русские люди издавна умели угодить Богу, спасти свои души и возвести свою родную землю на высшую степень благочестия и славы.

Патриарх Филарет и его ближайшие преемники вполне понимали трудности книжного исправления и сознавали необходимость в этом деле обращаться к греческим рукописям, приглашать греческих и киевских ученых богословов и с их помощью заводить в Москве школы для обучения греческому языку. В особенности при патриархе Иосифе, предшественнике Никона, оживились сношения Москвы с греческим Востоком. Из Москвы на Балканский полуостров посылались люди для приобретения там древних греческих рукописей и для изучения греческих обрядов и церковных обычаев. В Москву часто приезжали греческие архиереи и монахи, которых привлекали к делу исправления книг, совещааясь с ними доверяя им надзор за переводом греческих текстов и поручая им преподавание греческого языка московской молодежи. В то же время в Москву приглашались ученые монахи из Киева, где существовало тогда высшее православное училище (академия). В Москве эти монахи образовали целое братство и также трудились над исправлением книг и обучением московских людей латыни и греческому языку. Благодаря наплыву посторонних ученых дело книжного исправления пошло энергичнее, но в то же время стало возбуждать горячие споры. Одни смущались приглашением греков и киевлян, говоря, что у них нет истинного благочестия и они могут только исказить и испортить книги, а не исправить их. Другие же уверяли, что греки твердо сохраняют православную веру и ничего «не изронили» в ней. Во время этих то споров Никон вступил на патриарший престол и взял в свои руки книжное исправление.

§ 88. Реформа Никона и церковный раскол. Когда Никон жил в Москве до своего патриаршества, он был в дружбе с кружком священников, собиравшихся у царского духовника Стефана Вонифатьева. Кружок этот состоял из людей живых и начитанных, среди которых особенно выдавались «протопопы» Иван Неронов и Аввакум Петров. Все члены кружка мечтали об исправлении книг и обрядов, об улучшении церковной жизни, о поднятии нравственного уровня московского общества. Но все они увлекались тем взглядом, что Русь в те времена была единственною благочестивою страной и что истинного православия нельзя было найти нигде, кроме Москвы. Поэтому они свысока, с недоверием, относились к грекам и думали, что обновить и улучшить церковный и обществен-

ный строй надлежит безо всякой помощи извне, без руководства греков и киевлян, простым восстановлением и укреплением благочестивой московской старины, древнего русского благочестия. Такого национально-охранительного направления, казалось, держался и Никон.

Когда же Никон стал патриархом, оказалось иное. Никон внимательно изучал сам все, что относилось к делу, и скоро пришел к выводу, что греческая церковь хранит православие в совершенной чистоте и что московские патриархи обязаны во всем согласоваться с греческими и не допускать у себя никакой новизны, никаких разногласий с православными восточными церквями. Убедившись в этом, Никон начал церковное исправление в этом духе, при чем действовал со свойственным ему самовластием и крутостью. Он личною властью своею стал предписывать «новшества»: уменьшил число земных поклонов за молитвою «Господи и Владыко живота моего»; требовал, чтобы иконы писались по греческим образцам; требовал, чтобы крестились тремя перстами, как было у греков. В то же время книжное исправление пошло очень спешно и совершалось под руководством греков и киевских ученых монахов. Самовластие патриарха, его торопливость и явное предпочтение, какое он оказывал чужим «справщикам», вызвали большое неудовольствие у патриотов Вонифатьевского кружка. Сам Вонифатьев в этом деле остался в стороне; но протопопы Аввакум и Иван Неронов при первых же распоряжениях Никона стали протестовать. «Мы же задумались, сошедшеся между собою (говорил Аввакум); видим, яко зима хочет быти: сердце озябло и ноги задрожали». Посоветовавшись, они подали царю жалобу на Никона, и притом не только на его отдельные распоряжения, но вообще на его направление, по их мнению, неправославное и ненародное. Никон очень разгневался на своих старых приятелей и нашел случай удалить их из Москвы (сослав Аввакума в Тобольск, а Неронова в Вологодский край). Но их протест не остался без влияния на дальнейший ход исправлений.

Патриарх понял, что лучше действовать соборным приговором, чем личною властью. В 1654 году он созвал в Москве собор московского духовенства и представил ему на утверждение все предложенные им исправления. Собор их одобрил и утвердил. Лишь один архиерей (епископ Павел Коломенский) решился не вполне согласиться с соборным приговором. Никон лишил его сана и заточил. Но его противоречие показало Никону, что авторитета местного русского собора недостаточно для того, чтобы добиться беспрекословного повиновения его

мерам. Поэтому Никон тотчас же после собора в 1654 году обращается к восточным патриархам с просьбою рассмотреть на соборе дело исправления московских богослужебных книг и обрядов и дать ему свое одобрение. В следующем году (1655) Цареградский патриарх прислал в Москву свой ответ, от имени всей Греческой церкви одобряя и утверждая все намеченные Никоном исправления. Таким образом, реформа, начатая Никоном единолично, постепенно получила характер междуцерковный, стала совершаться с благословения и одобрения как бы всей православной Греко-русской церкви. Этим самым делу исправления книг и обрядов была придана чрезвычайная, по существу дела излишняя, торжественность и важность. Русское домашнее дело решалось с участием чужих людей и чужой власти, и Московская церковь становилась как бы в подчинение Греческой. Именно это и не нравилось многим московским патриотам.

Пока дело исправления вел сам Никон, оно шло быстро и решительно. Книги исправлялись, печатались и рассылались по епархиям. Патриарх требовал, чтобы в церквях, по получении новоисправленных книг, начинали немедленно служить по новым книгам, а старые откладывали и прятали. Вместе с книгами вводились и исправленные обряды; Никон следил за их точным исполнением, в особенности же за соблюдением троеперстия. Но сам Никон вел дело исправления не более пяти лет. С того же времени, как он оставил патриаршество (1658), дело перешло под руководство заступившего его викария (митрополита Крутицкого Питирима). Не стало более такой ревности к делу, каким отличался Никон; работы на Печатном дворе пошли тише. С другой стороны, все враги Никона и его церковных «новшеств» оживились и не скрывали надежды, что удастся вернуть церковь к старому благочестию и уничтожить дело Никона. В самой Москве действовали против реформы возвратившиеся из ссылки Неронов и Аввакум. Они находили себе многочисленных последователей и последовательниц, между которыми были люди большой знатности (например, две сестры: боярыня Морозова и княгиня Урусова, рожденные Соковнины). В самой царской семье оказывались лица, почитавшие Аввакума; о царице Марии Ильиничне говорили, что она заступалась за Аввакума и «от казни отпросила» его. Понятно, что при таких условиях должно было развиться всяческое противодействие церковной реформе. Новых книг не принимали во многих местах, между прочим в известном Соловецком монастыре. Против Никона и его новшеств проповедывали открыто во многих городах ревнители «старой

веры». Соблазн становился так велик, что необходимо было принять какие-либо меры против недовольных. В 1666 году царь решился созвать в Москве собор русского духовенства. Этот собор снова утвердил все нововведения Никона и судил тех, кто восстал против новшеств. Призванные на собор расколочители все принесли повинную (даже Неронов); только протопоп Аввакум и московский дьякон Федор остались нераскаянными и были преданы анафеме и сосланы. Когда, немногим позднее, в конце 1666 и начале 1667 года, в Москве великий собор с патриархами осудил Никона, этому собору было представлено и дело о церковных исправлениях. Великий собор совершенно одобрил и утвердил исправления, а на тех, кто впредь начал бы прекословить и противиться церковным исправлениям и велениям великого собора, этот собор изрек анафему и заранее отсекал от церкви. Таким образом, ревнители «старой веры» подвергались отлучению от церкви и объявлялись еретиками и раскольниками. Но это не помогло делу. Протест продолжался. Соловецкий монастырь, богатейший и славнейший на русском севере, открыто отказался повиноваться соборам и принять новшества. Когда увещания не помогли, в Соловки было послано войско; но монастырь затворился и оказал вооруженное сопротивление. Началась осада монастыря, длившаяся около восьми лет (1668—1676). Когда монастырь был взят, монахи понесли тяжелое наказание. Но их «стояние за старую веру» сильно повлияло на настроение всего севера и многим послужило примером. Во многих местах раскол пустил глубокие корни и держится до сих пор.

Лишенные общения с церковью, староверы были поставлены в большое затруднение тем, что не имели своей иерархии и священства. Одни из них всячески заботились о том, чтобы залучить в свою среду священников от господствующей, «никонианской», церкви; они образовали собою особый «толк» в расколе — «поповщину». Другие положили, что по нужде можно обойтись и без священства, предоставив исполнение церковных служб и треб мирянам; такие назывались «беспоповцами». Впоследствии беспоповщина разделилась на много толков и сект, имеющих иногда крайний изуверский характер.

К таким результатам привела церковная реформа Никона, поддержанная и утвержденная соборами русского и греческого духовенства.

§ 89. Культурный перелом. Мы видели, что тотчас после прекращения смуты московские люди почувствовали необходимость в общении с иноземцами. В Московском государстве в большом числе появились западно-европейские купцы, тех-

ники, военные люди, доктора (§ 79). Для исправления церковных книг в Москву были призваны ученые богословы — греки с православного Востока и малороссийские монахи, учившиеся в Киевских школах (§ 87). Эти богословы не ограничивались только работами на Печатном дворе, где правились книги: они приобретали вообще большое значение при патриаршем и царском дворах, влияя на церковное управление и на придворную жизнь. Ученые киевляне становились учителями в царской семье (Симеон Полоцкий), входили в знакомство и дружбу с придворными людьми, обучали московскую молодежь греческой и латинской «грамоте» и богословским наукам. Так появилось и окрепло в Москве иноземное влияние, шедшее, с одной стороны, от «немцев» (то-есть западно-европейцев), а с другой стороны — от греков и малороссов.

К этому чуждому влиянию московские люди относились не все одинаково. Многие из них боялись заимствований со стороны и заботились о сохранении старых народных обычаев. Люди этого национально-охранительного направления руководились старинным вековым московским народным идеалом: «Москва — третий Рим», московский народ — «новый Израиль», московский царь есть царь «всего православия»; истинное благочестие сохранилось только на Руси, и его необходимо содержать строго и неприкосновенно, чтобы не померк свет православия в Русской земле (§ 53). Если Русь не удержит в чистоте свою веру, свои обряды и благочестивые обычаи, то, как думали русские люди, она падет так же, как пали прежние царства Римское и Греческое, сокрушенные ересями. На такой точке зрения стояли, например, вожаки раскола, не желая Никоновских новшеств и протестуя против участия в книжных исправлениях чужих людей из Киева и с Востока. В противоположность национально-охранительному направлению, очень многие московские люди в XVII веке уже перестали верить в то, что Московское царство было единственным православным и богоизбранным. Смута, едва не погубившая Москву в начале XVII века, оказала большое влияние на умы москвичей. Внутренние раздоры и торжество над Москвою иноземцев — шведов и поляков — московские люди объясняли, как Божие наказание за свои грехи. Ближе знакомясь с иноземцами во время смуты и после нее, москвичи поняли, что иноземцы образованнее их, богче и сильнее. Греки оказались более сведущими в делах веры; «немцы» (то-есть западно-европейцы) оказались искуснее в военном деле, ремеслах и торговле. Ученые Киевские выходцы, приезжавшие в Москву, показывали своим примером, как много значит школьная наука: они оставались русскими

и православными людьми, но, пройдя правильную западно-русскую школу, были много культурнее своих московских собратьев. Наблюдая новых людей, москвичи стали понимать, что их прежнее самодовольство и национальная гордость были наивным заблуждением, что им надо учиться у иноземцев и перенимать у них все то, что может быть полезным и приятным для московского быта. Так появилось среди московских людей стремление к реформе, к улучшению своей жизни чрез заимствование у более просвещенных народов знаний, полезных навыков и приятных обычаев.

Первоначально в московском обществе лишь редкие отдельные лица увлекались западными взглядами и обычаями и отвращались от московских порядков и верований. На них смотрели, как на отступников и изменников, и наказывали их¹⁾. Позднее среди московских людей появилось много влиятельных сторонников культурной реформы. Под сильным влиянием греков и малороссов был царский любимец, сверстник царя Алексея, дворецкий Федор Михайлович *Ртищев*, человек необыкновенной доброты, большого ума и благородства. Он учился богословию у Киевских монахов и поддерживал их в Москве. Знаменитый дипломат того времени, начальник Посольского приказа, Афанасий Лаврентьевич *Ордин-Нащокин*, был уже европейски образованный человек. Он усвоил себе те идеи и правила, которыми руководились тогда европейские правительства (между прочим, систему протекционизма), и хотел в Московском государстве делать все «с примера сторонних чужих земель». Но он не хотел перенимать у «немцев» всякую мелочь и сам по себе, в своей личной жизни, оставался москвичем старого склада. «Какое нам дело до иноземных обычаев», говорил он: «их платье не по нас, а наше не по них». Напротив, заместитель его в Посольском приказе, боярин Артамон Сергеевич *Матвеев*, был большим поклонником всего «немецкого»; он весь свой дом устроил на «немецкий», «заморский» манер. Будучи близким, «собинным» (дорогим) другом царя Алексея Михайловича, Матвеев содействовал тому, что и сам царь стал интересоваться европейскими новинками и привыкать к ним. У Матвеева была даже своя труппа актеров, и он тешил царя театральными представлениями, которые до тех пор почитались в Москве грехом. Следу-

¹⁾ Так, еще в начале царствования Михаила Федоровича был сослан в монастырь на покаяние князь Иван Андреевич *Хворостинин*, который под влиянием поляков, живших тогда в московском плену, отпал от православия и стал бранить московскую жизнь, говоря, что в Москве «все люд глупый» и «не с кем жить».

ющий начальник Посольского приказа, князь Василий Васильевич *Голицын*, был еще более передовым человеком, чем его предшественники и мечтал о самых широких реформах.

По примеру этих высоких лиц и под их покровительством московские люди постепенно усваивали себе новые обычаи и воззрения. В Москве распространились иноземные костюмы, вещи, музыкальные инструменты, картины. В Посольском приказе переводились, по царскому повелению, иностранные книги и делались выписки из иностранных газет («куранты»). Европейское образование проникало в разные слои московского общества и увлекало умы московских людей настолько, что некоторые москвичи даже бегали за границу, желая найти себе лучшие условия жизни. Так убежал за границу сын Ордина-Нащокина, чем очень огорчил отца. Убежал со службы подьячий (мелкий чиновник) Посольского приказа Григорий *Котошилин*; он пробрался в Швецию и там для шведского правительства составил любопытное описание Московского государства (напечатанное под названием «О России в царствование Алексея Михайловича»). В свою очередь, заметив большое умственное брожение среди московских людей, западно-европейцы стремились в Москву все в большем и большем количестве и просились на московскую службу или желали разрешения торговать в Москве. Даже католики думали о возможности начать свою пропаганду в Москве. С этой целью явился в Московское государство (1659) ученый хорват, католический паптер Юрий *Крижанич*. Скрыв свою веру и назвав себя православным, Крижанич выразил желание быть учителем в Москве. Однако его заподозрили, и ему едва удалось вернуться домой. Его сочинения, в которых описывались московские порядки, получили впоследствии большую славу: в них Крижанич указывал те реформы, какие, по его мнению, были необходимы Московскому государству, чтобы сделать его сильным и просвещенным.

Так совершился в Московской Руси культурный перелом. Старые идеалы отживали и падали, новые нарождались и крепились. Русский народ понемногу переходил от своей старой национальной замкнутости и исключительности к деятельному общению с культурным человечеством.

§ 90. **Внешние дела при царе Алексее Михайловиче.** Начиная с 1654 года, царь Алексей Михайлович вел продолжительные и упорные войны с Польшею и Литвою. Предметом борьбы была Малороссия — Польские владения на среднем Днепре, в которых русское население отложилось от Польши и само пожелало соединиться с православною Москвою. Войны

эти привели царя Алексея к существенным успехам: он возвратил Москве Смоленск и Северские земли, взятые поляками в смутное время, и приобрел Киев и ту часть Малороссии, которая была на левом берегу Днепра (1667). До тех пор Литва и Польша, в течение почти ста лет, наступали на Москву и грозили ей; при царе Алексее перевес сил оказывается на стороне Москвы, и она сама переходит в наступление против ослабшей Польши.

В связи с Польскими войнами находились и другие войны того времени. Царю Алексею пришлось воевать со шведами, которые вмешались в Польские дела. Шведская война (1656—1659) окончилась ничем: воевавшие стороны остались при прежних владениях. Так же, как шведы, в Польские дела вмешались и турки. Они грозили войною за Малороссию одинаково и Польше и Москве (1672). Царь Алексей Михайлович страшился сильной Турции и делал спешные приготовления к турецкому нашествию, ожидая турок под Киев. Однако дело ограничилось небольшими столкновениями на левом берегу Днепра. Царь Алексей умер (в начале 1676 года) до конца этой войны, и мир с турками был заключен уже при его сыне царе Феодоре (1681).

Так сложен был тот Малороссийский вопрос, который возник, как результат внутренних нестроений в Польско-Литовском государстве. Об этих нестроениях будет идти речь ниже.

Литва и Польша в XVI—XVII вв.

§ 91. **Люблинская уния 1569 года; ее значение и следствия.** Мы видели (§ 41), что, несмотря на постоянное стремление Литвы к самостоятельности и обособлению от Польши, польское влияние в Литве после Витовта продолжало расти. Его проводили великие князья-католики и поддерживала литовская шляхта, которой было выгодно водворить в Литовском княжестве польские порядки. Напротив, за сохранение старой самобытности в Литве стояла литовская аристократия, православные князья и паны. Испытывая притеснения со стороны своих католических государей, они или уходили в подданство Московских князей (§ 51), или же отстаивали свою веру, свои права и самостоятельность своего государства на «сеймах», то-есть на съездах панов и шляхты, на которых решались в Литве важнейшие государственные дела. До середины XVI столетия, несмотря на усиление польского влияния в литовском обществе, литовской знати удавалось отстаивать самобыт-

ность и самостоятельность княжества от всяких попыток со стороны Польши усилить унию и крепче привязать Литву к Польской короне.

Обстоятельства изменились в середине XVI века. Литва вступила в войну с Москвою из-за Ливонии (§ 62) и вела ее очень неудачно. Иван Грозный взял Полоцк, опустошил добрую половину Литовского княжества и угрожал дальнейшими завоеваниями. В прежнее время литовская знать сама охотно шла под московскую власть; теперь же князья и паны литовские страшились и ненавидели Ивана Грозного за его жестокости против бояр и не желали ему подчиниться, боясь его опричнины. Они поэтому искали помощи против Москвы у Польши, а польское правительство воспользовалось этим в своих видах.

В то время королем Польским и великим князем Литовским был бездетный Сигизмунд II Август. С его смертью прекращался род Ягайловичей (Ягеллонов), и возникал вопрос о судьбе престолов Польского и Литовского. До сих пор уния Литвы с Польшей была династическою: сохранится ли она, когда прекратится самая династия? останутся ли государства в прежнем соединении, или уния будет отменена? Король Сигизмунд-Август и польское правительство желали полного соединения Короны (то есть Польши) с Княжеством (то есть Литвою) навеки в одно государство. Пользуясь затруднительным положением Литвы, потерявшей Полоцк, и страхом литовского панства перед Грозным, король и поляки стали настойчиво проводить мысль о вечной унии на общих сеймах литовской и польской знати и шляхты. До 1569 года Литва сопротивлялась. Но в 1569 году на сейме в г. Люблине сопротивление литовских патриотов было сломлено, и, после больших споров и неудовольствий, составлен был акт о вечной унии обоих государств, образовавших отныне одно нераздельное государство — Речь Посполитую (*Res Publica*).

По Люблинской унии южная половина Литовского княжества (именно Волынь и Подляшье, Подолье и Киевская земля) была прямо присоединена к «Короне», то-есть вошла в состав Польского королевства. Остальная же Литва образовала особое «Княжество» в реальной унии с Короною. Это было тяжким ударом для прежде могучего Литовского государства. Поляки прямо отняли от него половину его земель, пользуясь временною слабостью Литвы и раздорами между литовскою знатью и шляхтою. Польские паны утверждали, что земли, взятые ими от Литвы, издавна составляли достояние Польской Короны; король с ними соглашался, а Литва

не имела сил протестовать. Потеряв свои южные области, Литовское княжество входило затем в вечное соединение с Польшей. Оба государства имели одного государя, которого каждый раз должны были избирать сообща (наследственного преемства власти не было). У них был общий сейм, состоявший из светской знати, католического духовенства и шляхты обоих государств. Был общий *сенат* («паны рада»), который ведал общие внутренние дела и политику Речи Посполитой. Но в каждом из государств оставались свои особые законы, свои особые чиновники и свои отдельные войска. В Польше действовали свои сборники законов (например, «статуты и привилеи», собранные Яном Гербуртом), а в Литве — свой «Литовский статут». В Польше и Литве были в каждой особой: *гетман* (начальник войска), *канцлер* (государственный секретарь), *подскарбий земский* (министр финансов), *воеводы* (начальники области) и другие, менее важные чины. Одинаково в Польше и Литве шляхта, составляя господствующее сословие, собиралась на сеймы областные (поветовые) и государственные и избирала своих предводителей и представителей — *маршалков*. Под их председательством действовали высшие шляхетские суды — *трибуналы* (Коронный и Литовский).

Вскоре после установления унии 1569 года скончался последний Ягеллон Сигизмунд-Август (1572). Наступило «безкоролевье», и соединенный сейм Польши и Литвы занялся избранием государя. Избрав сначала французского принца *Генриха Валуа* (бывшего затем французским королем с именем Генриха III), сейм заставил его согласиться на полное ограничение королевской власти в пользу «народа-шляхты». Генрих, не стерпев шляхетской разнузданности, ушел во Францию. Тогда был избран в короли один из вельмож, *Стефан Баторий* — также с ограничением власти (1576—1586), а затем *Сигизмунд III* — из шведского королевского дома Ваза. При этих избранных государях вся политическая власть в государстве сосредоточилась в руках шляхетского сословия. Шляхта окончательно отняла всякую самостоятельность и всякое значение у прочих сословий (за исключением некоторых городов, обладавших правом самоуправления). Шляхта не только разделяла с королями право верховного управления; она по закону имела право отказывать королю в повиновении, если он нарушал ее права и вольности; шляхта могла даже поднимать оружие против своего государя («рокош») и устраивать против него свои союзы («конфедерации»). Словом, шляхта обратилась в полных господ Речи Посполитой и привела государство к беспорядку и анархии. Но она гордилась своею «золотою воль-

ностью» и открыто признавала, что в государстве есть только одно сословие — «народ-шляхта». Лишь духовенство католическое сохраняло свое независимое положение; все же прочее население потеряло всякое значение в политической жизни своего отечества.

Передача русских земель от Литвы Польше и окончательное торжество польского порядка в Литве повели к тяжелым последствиям для русского населения Речи Посполитой и для всего государства. Во-первых, после государственной унии возник вопрос о введении унии церковной. По акту Люблинской унии, Литва и Польша должны были соединиться в одно государство и в один народ, а народного единства не надеялись достигнуть без единства веры. Во-вторых, особенности польского шляхетского строя, распространяясь на все Литовско-Русские области, усилили бесправие и зависимость от шляхты простого народа. Как церковная уния, так и усиление крепостного гнета вызывали глубокое недовольство православно-русского населения и создали острое междоусобие в Речи Посполитой.

§ 92. Церковная уния. Религиозная борьба и деятельность братьев. Что касается до церковной унии православия с католичеством, то, как мы знаем (§ 45), такая уния была провозглашена еще в XV веке, но на деле не удалась. После же Люблинской унии мысль о подчинении Риму православных областей Речи Посполитой показалась осуществимой. То было время великой религиозной борьбы в Европе. Реформация отколола от католичества целые народности, и папы употребляли все усилия для того, чтобы подавить возникшее религиозное движение. В борьбе с протестантизмом огромную услугу папству оказал вновь возникший (1540) монашеский орден иезуитов, целью которого была именно защита католичества. Так как протестантизм появилось и в Речи Посполитой, то против него и туда были призваны иезуиты. Как раз в эпоху Люблинской унии они начали борьбу с протестантизмом в Польше и Литве и скоро его задушили. Они устраивали бесплатные школы для воспитания детей в католическом духе, писали ученые сочинения против ересей в защиту католичества, говорили блестящие проповеди, устраивали публичные диспуты, то-есть споры, о вере. Эти меры оказались действительно открытыми гонениями, и протестантизм в Литве ослабело и почти исчезло. Справившись с протестантскою «схизмою», иезуиты естественно принялись за борьбу с православием, которое они тоже считали «схизмою». Против православия они употребляли такие же меры: диспуты, проповеди, литературную полемику, школьное обучение в духе, противном православию.

Они всячески обличали беспорядки и жалкое состояние православной церкви в Речи Посполитой и указывали на то, что все зло и все свои беды православные люди могут исправить легко, если только примут унию и подчинятся папе. Всего ярче выражена была эта мысль ученым иезуитом Петром Скаргоу в сочинении его «О единстве церкви Божией под одним пастырем» (1577).

Состояние русской церкви в Литовско-Польском государстве было неудовлетворительно. В XV столетии, после Флорентийской унии, Западно-Русская церковь отделилась от Московской митрополии и получила для себя особого митрополита (Киевского). Вместе с тем она лишилась поддержки сильных Московских князей и оказалась в полной зависимости от Литовских государей, которые все были убежденными католиками. Попытки ввести унию, вовсе не возникавшие после митрополита Исидора в Москве, постоянно возобновлялись в Литве. Не успев, однако, превратить православных в униатов, католическое правительство лишило их своего покровительства и относилось холодно и даже враждебно к своей православной церкви. Оно назначало на архиерейские кафедры лиц, заведомо непригодных для высокого пастырского служения, ограничивало права и материальные средства православных церквей и монастырей. Православные люди чувствовали себя в обиде и унижении. Они или уходили из Литвы в Москву (§ 41), или, оставаясь на месте, старались своими средствами защитить свою веру и церковь от внешних гонений и внутреннего беспорядка. Конечно, первыми защитниками церкви были удельные православные князья. Особенную славу из них получили ревностные покровители православных князья Константин Ив. *Острожский* (1460—1530) и сын его Константин Константинович (1526—1608). За князьями и простые люди научились сами заботиться о своей гонимой церкви и оборонять ее. Как паны-землевладельцы, так и горожане имели по закону право «патроната» над своими церквами и монастырями. Они участвовали в избрании пастырей, следили за целостью церковных имуществ, смотрели за порядком в церковных делах, обличали злоупотребления архиереев и духовенства, защищали церковные интересы перед правительством. Прихожане церковей составляли церковные *братства*, которые в больших городах (Львове, Киеве и др.) достигли большого богатства и силы и стали заметно влиять на управление церковью.

Вмешательство мирян чрезвычайно раздражало высшую иерархию — тех архиереев, которых короли умышленно под-

бирали из людей, удобных для правительства и равнодушных к благу церкви. Подчиняясь господствовавшему направлению ополченного западно-русского общества, такие архиереи походили более на светских вельмож и вели недостойную жизнь. Чем более обличала их паства, тем более они искали покровительства у католических властей. Наконец, в конце XVI столетия между такими архиереями созрела мысль о признании унии. Подчиняясь папе, они рассчитывали получить покровительство и поддержку как от папы, так и от короля, и стать независимыми от своей паствы. В 1591 г. некоторые епископы обратились к королю Сизигмунду III с заявлением о готовности принять унию. Получив поддержку короля, они увлекли в свое дело Киевского митрополита (старого и слабого характером Михаила Рогозу) и отправили в Рим к папе двух своих вожakov (Луцкого епископа Кирилла Терлецкого и Волынского — Ипатия Поцея) устраивать унию и быть челом папе, чтобы он принял Западно-русскую церковь под свою власть.

Это было в 1595 году. В следующем 1596 году дело разгласилось и возбудило большое негодование среди православных людей, не желавших унии. В г. Бресте был созван церковный собор, на котором присутствовали как униаты, подчинившиеся папе, так и православные, не желавшие унии. Произошел раскол и образовалось два собора. Официально на одном соборе Западно-Русская церковь была объявлена принявшей унию, причем униатами стали почти все ее архиереи. Но на другом соборе часть духовенства и миряне отказались повиноваться своим духовным властям и поклялись не отступать от Восточной церкви. Обе стороны предавали одна другую проклятию и вступили в открытую борьбу, причем король принял законным постановление униатского собора и потому счел, что православие перестало существовать в его государстве. Так совершилось торжество унии в Западной Руси.

Раз православие сочтено было упраздненным, то ревнителей православной веры сочли нужным подвергнуть гонениям, как ослушников духовного начальства и еретиков. Православные церкви, особенно сельские, не вошедшие в унию, закрывались; на них не смотрели более, как на храмы, и отдавали их иногда на откуп, для извлечения дохода, даже евреям, которые за деньги отпирали их для совершения служб. Православные были лишены политических прав, рассматривались, как «хлопы» (простонародье), и самая вера их именовалась «хлопскою» и вызывала презрительное отношение со стороны высших классов общества. Предоставленные своим

силам и лишённые покровительства закона, православные люди стали на защиту своей веры, как могли. Во главе православных были некоторые вельможи, не покинувшие своей отеческой веры (князь К. К. Острожский), а затем — духовенство (во главе которого стоял с 1620 года православный Киевский митрополит, поставленный Иерусалимским патриархом). Главную силу гонимой православной церкви составляли городские братства и крупнейшие монастыри (Киево-Печерский). Общими усилиями их были созданы в Киеве и других русских городах прекрасные богословские школы, из которых выходили образованные защитники православия. Они устною проповедью и изданием книг о вере успешно боролись с унией и католичеством и не давали заглухнуть православному делу. Из ряда прочих школ особенно поднялась и развивалась Киевская, основанная братством Киевской Богоявленской церкви (еще в 1594 году). Киевский православный митрополит *Петр Могила* (1596 — 1646) образовал из этой школы высшее училище по образцу католических академий. От его имени и школа получила название «Могилянской академии». Так на унию и внешние гонения православная церковь ответила достойным отпором. Внешняя опасность для веры вызвала в Юго-Западной Руси оживленное умственное движение, подняла православную богословскую науку, образовала целую литературу в защиту православия. Ученые киевские монахи оказали важные услуги не только Западной Руси, но и Руси Московской, где они явились учителями и просветителями (§§ 87—89).

§ 93. Образование Днепровского казачества. Казацкие восстания. Переход в 1569 году от Литвы к Польше русских земель, лежавших по Днепру на краях государства, способствовал тому, что польские порядки распространились в этих землях с большою быстротою. Польская шляхта стала селиться здесь на просторных, никакими панями не занятых местах по «украине» государства. Она призывала сюда крестьянское население и водворяла здесь крепостное право. Но если на Украине не было тогда землевладельцев, то жители все-таки были. Это были «казаки», такие же выходцы из государства, какие были и в Московской Руси (§ 61). Московские казаки сосредоточились на Дону, почему и назывались «донскими». Южно-русские же казаки, живя на Днепре, получили название «днепровских»; а еще чаще назывались они «украинскими» казаками или «черкасами» (по имени города Черкас на правом берегу Днепра ниже Киева). Днепровские казаки отчасти вели оседлое полевое хозяйство, отчасти же охотились и «казакко-

вали» в степях, сражаясь с татарами или предаваясь грабежам. Появление среди них шляхты, желавшей обратить их в крепостных «хлопов» наравне с крестьянами, не могло, конечно, нравиться казакам. Казаки все уходили дальше и дальше в степи, недоступные польским властям. На островах нижнего Днепра, за Днепровскими порогами, они строили себе укрепленные засеки городки, получившие название «Запорожской сечи». Там казаки составляли одну общину (кош) с выборным кошевым атаманом во главе и благополучно отсиживались как от своих панов, так и от степных татар. Все попытки польского правительства подчинить казаков и отучить их от грабежей и набегов в татарские и турецкие владения — ни в чем не приводили. Чем сильнее становилось в государстве гонение на православную веру и угнетение крестьян шляхтою, тем больше народа бежало на Украину в степь и тем больше становилось там вольного и беспокойного казачества. Польские короли пытались брать казаков в государственную службу; они писали казаков в реестры (списки) и делили их на полки. Реестровые казаки получали землю по полкам, освобождались от подчинения чиновникам и помещикам, судились и управлялись своими казацкими полковниками. Но реестровых казаков вообще было мало, а казацкая вольница все увеличивалась в своем числе, пополняясь выходцами из государства. Недовольство унией и крепостным правом росло на Украине и само по себе могло возбудить опасное движение. Окончательно же подняло казаков против государства стремление властей во что бы то ни стало подавить своеволие казаков и обратить их в крепостных работников или в послушную военную силу.

В конце XVI и начале XVII века начинаются казацкие восстания и походы. Под начальством своих гетманов (Косинского, Лободы, Наливайка) казаки с мечем и огнем вторгаются в разные области Польского королевства, а у себя на Украине выгоняют и истребляют шляхту и, освобождая от нее крестьян, обращают их в казаков. Затем они бросаются на Черное море и там свирепствуют так, что нагоняют ужас на самого султана: они жгут и грабят под самым Царьградом. Занятый Московскою войною, именно покорением Смоленска и Москвы (§§ 70—71), король Сигизмунд не мог уделить много внимания Малороссийским делам. Казачество укрепилось настолько, что казацкий гетман Петр Сагайдачный стал как бы государем всей Украины и покровителем православия. Он не давал в обиду православных в Киеве и содействовал даже тому, что в Киеве была восстановлена православная митрополия рядом с униатскою (§ 92). Конечно, все это не могло нравиться полякам, и потому при

первом же удобным случае против казаков возобновились гонения, а казаки ответили новыми восстаниями (Тараса, Павлюка и др.). Однако, им на этот раз не удалось победить поляков, и поляки установили на Украине свои тяжелые порядки. Они казнили много казаков и заняли весь край своими войсками. Реестровых казаков они допустили только 6.000 и отняли у них самоуправление, передав начальство над ними шляхтичам. Остальные казаки стали в положение «холопов», крестьян. Это было в 1638 году при короле Владиславе Сигизмундовиче. Казачество смогло вытерпеть такой строй не более десяти лет. В 1648 году оно поднялось всею массою под предводительством знаменитого Богдана Хмельницкого.

§ 94. **Богдан Хмельницкий и отпадение Малороссии к Москве.** Богдан Хмельницкий был родом из зажиточной семьи, смолоду служил в казацком войске, достиг в нем видных должностей и стал сотником в г. Чигирине. Служа под начальством поляков, он был жестоко ими изобижен и не нашел на них управы. Тогда он убежал в Запорожье, поднял восстание и успел получить помощь от Крымских татар. В 1648 году он сошелся с польскими войсками, посланными против него, и разбил их на-голову (на реке Желтые воды и под Корсунем). Вся Украина оказалась в его власти; он завладел Волынью, Подолией и Галичиной. Когда, по смерти короля Владислава, королем был избран его брат Ян-Казимир (1648), то Хмельницкий отступил из Галичины в Киев и стал ждать мирных переговоров с новым государем. Но эти переговоры не удались. Хмельницкий чувствовал за собою целый православный народ, который надо было «выбить из польской неволи», а поляки попрежнему видели в Украине только казачий мятежный сброд. Война возобновилась (1649) и привела к тому, что, наконец, заключен был договор (под Зборовом), по которому число реестровых казаков было определено в 40.000; в Украину не могли быть вводимы польские войска; там не могли жить ни иезуиты, ни евреи; православие получало господствующее положение.

Это был большой успех; но это не было полное освобождение от Польши, которого желал народ. Оставалась на Украине шляхта; оставалось крепостное право ее на русских крестьян; оставалось католичество и уния рядом с православием. Недовольный Хмельницким народ толпами стал уходить на восток, на р. Донец, в Московскую (так называемую Слободскую) Украину. Условия Зборовского мира нельзя было исполнить; да и поляки не хотели их исполнять, потому что считали их

унизительными для себя. Началась поэтому новая война (1650). Она шла неудачно для Хмельницкого: вследствие измены поговавших ему татар он должен был согласиться на плохой мир (под Белой Церковью), по которому число реестровых казаков было условлено только в 20.000. Так как хранить этот мир было трудно и нельзя было надеяться на татар, которые, то и дело, изменяли Хмельницкому, то Хмельницкий решился просить помощи у Москвы и втянуть ее в войну с Польшею. К Москве тяготела и народная масса, видевшая в ней опору православия и убежище от польского насилия.

Когда Хмельницкий обратился к царю Алексею Михайловичу с просьбою принять Малороссию под свою высокую руку, царь Алексей передал дело земскому собору. Вопрос был трудный: война с Польшею страшила Москву, еще не оправившуюся от собственных затруднений. Собор обсуждал дело много раз (1651—1653) и, наконец, вместе с государем решил Малороссию принять. К Хмельницкому был отправлен посол (боярин Бутурлин) объявить об этом. В январе 1654 года в г. Переяславле на общей раде (народном собрании) совершилось присоединение Украины к Московскому государству. Рада вся согласно кричала: «Волим под царя восточного, православного!» По договору с Москвою, Малороссия сохраняла свое внутреннее самоуправление, а число реестровых казаков устанавливалось в 60.000; выбранный гетман имел даже право внешних сношений, с тем только исключением, что без ведома царя не мог ссылаться с Польским королем и Турецким султаном.

Так совершилось важное событие — соединение Украины с Москвою. Естественным его следствием были войны Москвы с Польшею за Малороссию.

§ 95. **Борьба Москвы с Речью Посполитою за Малороссию.** Весною 1654 года началась война Москвы против Польши и Литвы. Московские войска одержали ряд блестящих побед. В 1654 году был взят ими Смоленск, в 1655 году — Вильна, Ковна и Гродна. В то же время Хмельницкий взял Люблин, а шведы вторглись в Великую Польшу. Речь Посполитая погибала совсем. Ее спасла только ссора Москвы с Швецией. Не желая допустить успехов шведов, царь Алексей заключил перемирие с поляками и начал войну со шведами, в которой, однако, успеха не имел.

Тем временем умер Богдан Хмельницкий (1657), и в Малороссии началась смута, направленная против Москвы. Когда происходило присоединение Малороссии к Москве, московское

правительство понимало дело так, что малороссы идут в подданство русскому царю. Поэтому из Москвы посылали гарнизоны в малороссийские города (особенно в Киев), желали держать в Малороссии своих воевод и думали подчинить малороссийскую церковь Московскому патриарху. В Малороссии же смотрели на это косо. Малороссийские вожаки, казачья «старшина» (гетман, его выборные помощники, затем полковники и сотники отдельных казацких полков) желали себе полной автономии и смотрели на свою страну, как на особое государство. Видя московскую политику, они не желали подчиняться ей и уже мечтали об отделении от Москвы и о новом договоре с Польшей. В этом направлении и повел дело выбранный по смерти Хмельницкого в гетманы Иван Выговский. Однако против «старшины» стали простые казаки, не желавшие возвращения к Польше. Началось кровавое междоусобие. Выговский открыто восстал против Москвы и с помощью татар нанес страшное поражение московским войскам под г. Конотопом (1659). Москва была испугана и удивлена неожиданной изменой, но не пожелала отказаться от Малороссии. Московские воеводы успели заново договориться с новым гетманом Юрием Хмельницким (сыном Богдана), который сменил Выговского, и Малороссия была за Москвою, пока на гетманстве сидел этот Хмельницкий. Когда же он оставил должность, Малороссия разделилась на две части. Полки, бывшие на левом берегу Днепра, избрали себе особого гетмана (запорожского атамана Брюховецкого) и остались за Москвою. Они получили название «Левобережной Украины». А вся «Правобережная Украина» (кроме Киева) отпала к Польше с своим особым гетманом.

С началом смут в Малороссии совпало начало новой войны Москвы с Речью Посполитой. Эта война тянулась десять лет (1657—1667) с переменным успехом. Она шла в Литве и в Малороссии. В Литве русские терпели неудачи, в Малороссии держались крепко. Наконец, истомленные войною оба государства решились на мир. В 1667 году в деревне Андрусове (недалеко от Смоленска) было заключено перемирие на 13½ лет. Царь Алексей Михайлович отказался от Литвы, которую завоевали было московские войска; но удержал за собою Смоленск и Северскую землю, отнятые от Москвы в смутное время. Сверх того, он приобрел Левобережную Украину и на правом берегу Днепра г. Киев (Киев был уступлен поляками на два года, но остался за Москвою навсегда).

Таким образом, по Андрусовскому договору, Малороссия осталась разделенною. Понятно, что это не могло удовлетворить

малороссов. Они искали себе лучшей доли всякими путями — между прочим, думали поддаться Турции и с ее помощью добыть независимость от Москвы и Польши. Брюховецкий изменил Москве и вместе с правобережным гетманом Дорошенком отдался султану. Результатом этого рискованного шага было вмешательство турок в Малороссийские дела и их набеги на Украину. Царь Алексей умер в то время, когда над Москвою висела опасность турецкой войны. Так при этом государе малороссийский вопрос еще не получил своего разрешения.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ

Годы

860. Первое нападение *руси* на Царьград.
862. Призвание варяжских князей.
862—879. Князь Рюрик в Новгороде.
907. Поход Олега на Царьград.
912. Кончина Олега.
957. Путешествие княгини Ольги в Царьград.
972. Кончина князя Святослава.
988—989. Крещение Руси.
1015. Кончина св. князя Владимира.
1054. Кончина князя Ярослава Мудрого.
1113—1125. Владимир Мономах в Киеве.
1147. Первое известие о Москве.
1157. Кончина князя Юрия Владимировича Долгорукого.
1175. Кончина князя Андрея Юрьевича Боголюбского.
1176—1212. Князь Всеволод III Большое Гнездо во Владимире.
1187. Кончина князя Ярослава Осмомысла Галицкого.
1199. Князь Роман Мстиславович Волынский овладел Галичем.
1223. Битва на р. Калке.
1237—1238. Нашествие Батые. Битва на р. Сити.
1240. Взятие Киева татарами.
1240. Победа св. князя Александра Невского над шведами.
1224. Победа его над немцами (Ледовое побоище).
1263. Кончина св. князя Александра Невского.
1263. Кончина князя Миндовга.
1264. Кончина князя Даниила Галицкого.
1316—1341. Князь Гедимин в Литве.
1328—1341. Великий князь Иван I Данилович Калита.
1341—1359. Великие князья Семен Иванович Гордый и Иван II Иванович Красный.
1341—1377. Князь Ольгерд в Литве.
1359—1389. Великий князь Дмитрий Иванович Донской.

Годы

- 1380. Куликовская битва.
- 1386. Уния Литвы с Польшей.
- 1392—1430. Князь Витовт в Литве.
- 1410. Битва при Грюнвальде и Танненберге.
- 1413. Городельский сейм.
- 1425. Кончина великого князя Василия I Дмитриевича.
- 1439. Флорентийская уния.
- 1450. Победа великого князя Василия II Васильевича Темного над князем Дмитрием Шемякою.
- 1462—1505. Великий князь Иван III Васильевич.
- 1472. Брак Ивана III с Софией Палеолог.
- 1478. Падение Великого Новгорода.
- 1480. Свержение татарского ига.
- 1485. Присоединение Твери к Москве.
- 1505—1533. Великий князь Василий III Иванович.
- 1510. Падение Пскова.
- 1514. Взятие Смоленска Москвою.
- 1523. Присоединение к Москве последних (Северских) уделов.
- 1530. Рождение Ивана Грозного.
- 1533—1584. Великий князь и царь Иван IV Васильевич Грозный.
- 1547. Принятие царского титула и брак Ивана Грозного.
- 1550—1551. Судебник и Стоглав.
- 1552. Покорение Казани.
- 1556. Покорение Астрахани.
- 1558. Начало Ливонской войны.
- 1560. Кончина царицы Анастасии.
- 1565. Опричнина.
- 1569. Люблинская уния и образование Речи Посполитой.
- 1582. Покорение Сибири.
- 1582—1583. Мир Грозного с Баторием и Швецией.
- 1584—1598. Царь Федор Иванович.
- 1589. Учреждение патриаршества в Москве.
- 1591. Кончина царевича Дмитрия в Угличе.
- 1596. Церковная Брестская уния.
- 1598. Прекращение Московской династии и воцарение Бориса Годунова.
- 1605. Смерть царя Бориса и воцарение Лжедмитрия.
- 1606—1610. Царь Василий Иванович Шуйский.
- 1610. Избрание на Московский престол королевича Владислава.
- 1611. Ополчение Прокопия Ляпунова.
- 1611—1612. Ополчение князя Пожарского и К. Минина.
- 1612. Освобождение Москвы.
- 1613 (21 февраля). Избрание в цари Михаила Федоровича Романова.
- 1613—1645. Царь Михаил Федорович.

Годы

- 1617. Мир со Швецией (Столбовский).
- 1618. Мир с Речью Посполитой (Деулинское перемирие).
- 1632—1634. Войны с Речью Посполитой и Поляновский мир.
- 1637—1642. Вопрос об Азове.
- 1645—1676. Царь Алексей Михайлович.
- 1649. Соборное Уложение.
- 1652—1658. Патриаршество Никона и исправление церковных книг.
- 1653—1654. Присоединение Малороссии.
- 1654—1667. Война с Речью Посполитой и Андрусовское перемирие (1667).
- 1656—1659. Шведская война.
- 1666—1667. Церковные соборы и низложение Никона.
- 1670—1671. Бунт Стеньки Разина.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.

§ 1.	Предмет курса русской истории	7
§ 2.	Древнейшее население Европейской России	8
§ 3.	Русские славяне и их соседи	12
§ 4.	Характер страны, заселенной русскими славянами.....	15
§ 5.	Первоначальный быт русских славян.....	18

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Образование Киевского государства.

§ 6.	Летописное предание о призвании варяжских князей.....	21
§ 7.	Деятельность варяжских князей	24
§ 8.	Главное значение деятельности варяжских князей.....	28

Крещение Руси.

§ 9.	Язычество на Руси в древнейшее время.....	30
§ 10.	Христианство на Руси до крещения князя Владимира.....	32
§ 11.	Летописное предание о крещении князя Владимира.....	—

Последствия принятия Русью христианства.

§ 12.	Внешнее устройство церкви в древней Руси.....	34
§ 13.	Черты до-христианского быта русских славян.....	35
§ 14.	Влияние церкви на гражданский быт.....	37
§ 15.	Христианское просвещение на Руси.....	40

Киевское государство в XI—XII веках.

§ 16.	Князь Ярослав Мудрый	42
§ 17.	Порядок княжеского владения после Ярослава Мудрого.....	44
§ 18.	Владимир Мономах и судьбы Киевского великокняжеского стола до 1169 года	47
§ 19.	Борьба со степью и упадок Киевского государства.....	49
§ 20.	Устройство отдельных волостей или княжеств Киевского госу- дарства	51
§ 21.	Состав населения в Киевской Руси.....	54
§ 22.	Русская Правда и успехи гражданственности в Киевской Руси	55

ГЛАВА ВТОРАЯ.

§ 23.	Образование новых государственных центров на Руси и появление новых внешних врагов Руси в XIII веке.....	58
<i>Новгородская Русь.</i>		
§ 24.	Город Новгород Великий и его страна.....	59
§ 25.	Природа Новгородской страны. Развитие новгородской торговли. Пути сообщения	61
§ 26.	Государственное устройство и управление Новгорода.....	63
§ 27.	Состав Новгородского населения и борьба классов в Новгороде.....	67
§ 28.	Псков	69
<i>Суздальская Русь.</i>		
§ 29.	Заселение Суздальской земли русскими славянами и образование великорусской народности	70
§ 30.	Характер страны и влияние ее на быт поселенцев	7
§ 31.	Первые суздальские князья	74
<i>Юго-западная Русь.</i>		
§ 32.	Княжества Волынское и Галицкое; их соединение	77
<i>Эпоха татарского завоевания.</i>		
§ 33.	Появление татар и Батыев погром.....	80
§ 34.	Татарская власть на Руси.....	81
§ 35.	Немцы и Литва	84
§ 36.	События в Руси Северной. Св. князь Александр Невский. Развитие удельного порядка	86
§ 37.	События в Руси Южной. Князь Даниил Галицкий. Упадок Юго-западной Руси	90

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Начало и рост великого княжества Литовского.

§ 38.	Первые Литовские князья	93
§ 39.	Уния Литвы с Польшей. Ягайло.....	96
§ 40.	Витовт	98
§ 41.	Литовское княжество после Витовта	100

Начало и рост великого княжества Московского.

§ 42.	Причины возвышения Москвы	103
§ 43.	Великий князь Иван Калита и его ближайшие преемники.....	104
§ 44.	Дмитрий Донской и Куликовская битва	107
§ 45.	Великие князья Василий I Дмитриевич и Василий II Васильевич Темный	112

Образование великорусского государства.

§ 46.	Великий князь Иван III Васильевич; значение его деятельности.....	115
§ 47.	Подчинение Великого Новгорода и Новгородских земель.....	117
§ 48.	Присоединение удельных княжеств	120
§ 49.	Семейные и придворные дела при Иване III.....	121

§ 50.	Внешняя политика Ивана III. Дела с татарами.....	123
§ 51.	Внешняя политика Ивана III. Литва и Ливония. Сношения с Западом	124
§ 52.	Великий князь Василий III Иванович.....	125

Переход удельного быта в государственный.

§ 53.	Самодержавие Московских государей и мысль о Москве, как о третьем Риме	128
§ 54.	Боярство и княжата; их притязания	131
§ 55.	Люди служилые и тяглые; поместная система и крестьянское прикрепление.....	134
§ 56.	Вопрос о церковном землевладении; ересь жидовствующих....	137

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Московское царство в XVI—XVII веках.

Время царя Ивана IV Грозного.

§ 57.	Детство и юность великого князя Ивана IV Васильевича.....	141
§ 58.	Первый период царствования Ивана IV. Внутренняя деятельность	143
§ 59.	Первый период царствования Ивана IV. Завоевания.....	145
§ 60.	Перемена в Иване IV и разрыв с советниками.....	146
§ 61.	Второй период царствования Ивана IV. Внутренняя деятельность	148
§ 62.	Второй период царствования Ивана IV. Внешняя политика....	152

Смутное время.

§ 63.	Царь Федор Иванович и Борис Годунов.....	156
§ 64.	Учреждение патриаршества в Москве и указы о крестьянах....	157
§ 65.	Смерть царевича Дмитрия Ивановича и прекращение Московской династии.....	160
§ 66.	Воцарение Бориса Федоровича Годунова	162
§ 67.	Самозванец	164
§ 68.	Царствование и смерть самозванца.....	167
§ 69.	Воцарение князя Василия Ивановича Шуйского.....	168
§ 70.	Смута при царе Василии	169
§ 71.	Избрание на престол польского королевича Владислава и последствия этого избрания	174
§ 72.	Первое ополчение против поляков и его неудача.....	177
§ 73.	Второе ополчение против поляков и освобождение Москвы....	179
§ 74.	Избрание в цари Михаила Федоровича Романова.....	183
§ 75.	Значение и последствия смутного времени.....	184

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Время царя Михаила Федоровича (1613—1645).

§ 76.	Начало царствования	187
§ 77.	Борьба с врагами государства	188
§ 78.	Возвращение из плена Ф. Н. Романова. Его политика	190
§ 79.	Положение сословий. Иноземцы в Московском государстве....	192
§ 80.	Война с Речью Посполитою и вопрос об Азове.....	194

Время царя Алексея Михайловича (1645—1676).

§ 81.	Начало царствования и волнения 1648 года	197
§ 82.	Соборное Уложение 1649 года и его значение	198
§ 83.	Медные деньги и их последствия	200
§ 84.	Движение Разина	201
§ 85.	Патриарх Никон	204
§ 86.	Удаление и низложение патриарха Никона	205
§ 87.	Исправление богослужебных книг до Никона	208
§ 88.	Реформа Никона и церковный раскол	210
§ 89.	Культурный перелом	213
§ 90.	Внешние дела при царе Алексее Михайловиче	216

Литва и Польша в XVI—XVII веках.

§ 91.	Люблинская уния 1569 года: ее значение и следствия	217
§ 92.	Церковная уния. Религиозная борьба и деятельность братств ..	220
§ 93.	Образование Днепровского казачества. Казацкие восстания ..	223
§ 94.	Богдан Хмельницкий и отпадение Малороссии к Москве	226
§ 95.	Борьба Москвы с Речью Посполитою за Малороссию	226
	Родословные таблицы	229
	Хронологический перечень	231